

НЁМАН

7/2015
ИЮЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Елена ПОПОВА. Песня блистающей химеры. <i>Повесть</i>	3
Василь ЗУЁНОК. Здесь, где вечность в задумчивом свете. <i>Стихи</i> .	
Перевод с белорусского И. Котлярова, Г. Стрельцовой	57
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. За стеклом. <i>Из записок переводчика</i>	61
Юрий МАТЮШКО. Этот день наполнит счастьем целый год. <i>Стихи</i>	86
Евгений ГАЛАЙДИН. Письма. <i>Рассказ-воспоминание</i>	91
<i>Великой Победе верны. Произведения членов литобъединения «Доблесть».</i>	
Андрей БОКЗА, Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ, Сергей ЗАКЛАДНЫЙ, Тамара ЗАЛЕССКАЯ, Николай ИВАНОВ, Евгений КОРШУКОВ, Леонид ЛУКША, Михаил ПОЗДНЯКОВ, Валентина ПОЛИКАНИНА, Николай ПОЛЯКОВ, Матвей РЕЙЗИН, Михаил ТОКАРЕВ, Николай ШАШКОВ, Михаил ЯСЕНЬ. <i>Стихи</i>	98
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Скажу вам, как погиб он. <i>Роман</i> .	
Предисловие Р. Святополк-Мирского, перевод с польского	
Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	110
ЛЕКОНТ де ЛИЛЬ. Сон Лейлы. <i>Стихи</i> . Предисловие Н. Рыковой, перевод с французского Г. Киселева	152
Документы. Записки. Воспоминания	
Вячеслав НЕСТЕРУК. Пути-дороги. Предисловие А. Трофимчика	166
Collegium musicum	
Светлана БЕРЕСТЕНЬ. Портрет Огинского на музыкальном полотне	194
Литературное обозрение	
<i>Искусство суждения</i>	
Анатолий АНДРЕЕВ. Поэтические измерения Владимира Шугли	208
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Олег ЖДАН. Дом, который построил автор	213
Евгений РУДОВИЧ. Виктор Шнип: амаркорд	220
Авторы номера	224

ДЖО АЛЕКС

Скажу вам, как погиб он

Роман

От переводчика

Джо Алекс (Мацей Сломчински, 1920—1998) — англист, профессор Краковского университета, человек, который перевел на польский язык всего Шекспира. А кроме того, произведения Мильтона, Марлоу, Киплинга, Свифта, Стивенсона, а еще — Джойса. Джойс писал «Улисса» семь лет. Сломчински переводил «Улисса» четырнадцать. Профессиональные литературные переводчики знают, что значит переводить Джойса. Существует всемирный клуб переводчиков Джойса. Там только асы. Мацей Сломчински был одним из них.

Впрочем, он был асом во всем. В том числе и в буквальном, первоначальном смысле этого слова. Во время Второй мировой войны он был пилотом-асом RAF и сбивал над Ла-Маншем фашистские самолеты, пока сам не был сбит.

— Я болел лишь один раз в жизни, — говорил мне в 1996 году этот стройный 75-летний мужчина, попивая коньяк и покуривая трубку, с которой был неразлучен, — это произошло после того, как, выпрыгнув с парашютом из сбитого самолета поздней осенью, я целые сутки проболтался в Ла-Манше, прежде чем меня выловили. Но не подумайте, что я простудился, — Боже упаси! Просто этот чертов фашист прострелил мне легкое.

Когда в начале 60-х годов в тогдашней ПНР появились первые романы, автором которых значился некий английский писатель Джо Алекс, литератор и эксперт Скотленд-Ярда, сначала помогающий своему другу инспектору Бену Паркеру раскрывать загадочные и таинственные убийства, а затем подробно описывающий в своих произведениях ход и метод их раскрытия, невозможно было поверить, что их автор не коренной англичанин.

Великолепный, тонкий знаток английской культуры и литературы, профессор Мацей Сломчински, кавалер Ордена Возрождения Польши, даже отдыхая в промежутках между переводами классиков, снова показал себя асом.

Под псевдонимом «Джо Алекс» он написал серию замечательных, чисто английских криминальных романов, которых не постыдились бы ни Конан Дойл, ни Агата Кристи. В подтверждение этого достаточно лишь одного факта: Скотленд-Ярд дважды награждал Мацея Сломчинского медалями за выдающуюся литературную деятельность в области криминального жанра.

Роберт СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

Клитемнестра:

И вот стою я перед вами.

Исполнено деяние мое!

Свершилось, наконец, веление судьбы: удар нанесен.

Теперь открыто и бесстрашно скажу вам, как погиб он.

Сперва я плотной тканью укутала его, как сетью, чтобы не смог он избежать удара иль уклониться от него.

Затем ударила подряд два раза, а он, два раза вскрикнув,

упал и сразу умер. И вот тогда, когда лежал он, а жизнь уже покинула его, я третий нанесла удар —

священный, жертвенный, в благодаренье Зевсу, властителю в подземном царстве мертвых...

Так пал он и погиб, а через рот открытый душа его из тела устремилась с потоком крови настолько сильным и могучим,

что окропил меня он с ног до головы, подобно черному дождю.

И тут внезапно испытала я неслыханное наслажденье,

сродни тому, что чувствует иссохшая земля во время ливня, когда во чреве ее разбухают

готовые ко всходам семена...

Эсхил. «Орестея».

I. Перед поднятием занавеса

В тот день Джо Алексу исполнилось тридцать пять лет, но он никому не сказал об этом, и даже сам чуть не забыл. Утром, взглянув на календарь, он припомнил дни детства, торт, в котором ежегодно прибавлялась одна новая свеча, лица родителей, расплывчатые очертания подарков, а потом внезапно сверкнуло яркое воспоминание о том дне, когда, подлетая над облаками к пылавшему внизу немецкому городу, он увидел под солнцем тень истребителя с крестами на крыльях и подумал, что сегодня у него день рождения и что через минуту он может погибнуть как раз в годовщину того дня, когда появился на свет. Но это было много лет назад. С тех пор Джо Алекс давно избегал размышлений обо всех личных праздниках. Он остался один во всем мире, и ничто не указывало на то, что это положение вещей могло бы когда-нибудь измениться. Тем более сегодня.

Он невольно глянул на полку камина. Там, на подносе, лежали два билета в театр, помеченные сегодняшней датой. Он хотел пойти с Каролиной на постановку «Макбета». А хотел он этого по двум причинам. Во-первых, с некоторых пор он почувствовал, что его симпатия к ней ослабевает. Они познакомились давно, даже, быть может, слишком давно. Каролина была умной и красивой. Джо знал, что он ей не совсем безразличен. Впервые она посетила его квартиру около года назад. Потом они провели вместе неделю у моря в Брайтоне. Узы, которые их связывали, были хрупкими, слабыми, и возможно, именно поэтому никто из них не стремился их разорвать. Некоторое время им даже было хорошо вдвоем. Джо, находясь уже в том возрасте, когда инстинкт начинает подсказывать человеку, что пора бы ему, пожалуй, отыскать себе подругу жизни, даже подумывал как-то пару раз мимолетно, что если бы он захотел жениться, такая девушка, как Каролина, очень бы ему подошла. Уютный, чистый дом, красивая, сдержанная хозяйка этого дома, спокойный, ровный жизненный путь. Да, но было, пожалуй, еще кое-что, чего он никогда в жизни пока не испытывал. Любовь. А Каролину он не любил и считал, что если когда-нибудь ее и полюбит, то для этого впереди еще много времени и возможностей.

Тем не менее, когда в последнее время Джо стал ощущать, что отдаляется от нее все больше, он вдруг осознал, что это его беспокоит. Одновременно он знал, что стоило бы ему лишь захотеть, стоило бы лишь заставить себя поверить, что он и в самом деле не хочет ее потерять, — она бы осталась. Но он не умел вызвать в себе это чувство. Он прибегал к полумерам. И то, что он отправил Каролине открытку с приглашением на сегодняшний вечер в театр, как раз такой полумерой и являлось. Быть может, в этой открытке, среди вежливых общепринятых слов, должен был где-то затаиться восклицательный знак или даже просто подчеркнутая строка. Но Джо не сумел этого сделать. Поэтому он стоял теперь одетый и готовый к выходу, грустный, но одновременно с каким-то непонятным чувством облегчения. Если Каролина не позвонит, значит, наверно, она не позвонит уже больше никогда.

Второй причиной сегодняшнего намерения пойти в театр было желание увидеть Сару Драммонд в роли леди Макбет. Но и эта причина не была однозначной и простой. Ни игра великой актрисы, ни три часа, проведенные с глазу на глаз с бессмертными проблемами измены и честолюбия, не смогли бы заставить его выйти сегодня из дому. Просто он должен был увидеть Сару, потому что это было ее последнее лондонское выступление в этом сезоне, а послезавтра утром он сам намерен был отправиться в ее имение, куда его пригласил Иэн Драммонд, муж Сары. Джо не хотелось очутиться под крышей ее дома, признавая при этом, что ни разу не видел ее в этом году на сцене. Это было бы неприлично.

Иэн, Алекс и нынешний инспектор Скотленд-Ярда Бен Паркер в течение пяти лет были больше чем друзьями. Они составляли часть экипажа бомбардировщика, который, возвращаясь с налета на один из оккупированных французских портов, загорелся уже над Англией и рухнул на землю с высоты шесть тысяч футов. Из семи находящихся в нем людей только трое успели выпрыгнуть и раскрыть парашюты. С той поры они не расставались. И лишь мирное время разлучило их. Драммонд, который был молодым и очень способным химиком, но хотел во время войны служить своей стране лишь на фронте и употребил тогда все свои связи, чтобы попасть в авиацию и не допустить, чтоб его вернули в лабораторию, вернулся туда сам после окончания военных действий, и вскоре его имя стало широко известным в научном мире.

Алекс стал автором детективных романов. Он не чувствовал никакого призвания к этой профессии, но знал, что после пяти лет на войне он уже никогда не сможет вернуться в офис, который покинул девятнадцатилетним парнем — юным, начинающим чиновником с хорошими перспективами на будущее. Теперь ничто уже не связывало его с тем парнем. Он попытался писать и к своему изумлению обнаружил, что его романы идут нарасхват. К счастью, он прочел довольно много хороших книг, чтобы эта сомнительная слава могла вскружить ему голову. Тем не менее он старался писать свои романы как можно лучше.

И здесь, между прочим, таилась еще одна причина его плохого самочувствия в этот вечер. Маленькая, плоская пишущая машинка «Olivetti» стояла на столе открытой, а на вложенном в нее листе виднелись два слова, аккуратно напечатанные в разрядку:

«Глава первая».

И все. Уже две недели этот лист торчал в машинке. Уже две недели Джо разгуливал по комнате целыми часами, подходил к столу, садился, потом вставал и снова начинал ходить от стены к стене. Он точно знал, какой должна быть эта книга, хотя пока еще не было даже плана ее. Джо чувствовал, что идея превосходна: загадка, предлагаемая читателю, ясна и невероятно проста, но в то же время так упрятана в лабиринте ложной

видимости, что к ее разгадке ведет лишь одна-единственная узкая тропинка, хоть и снабженная честно всеми необходимыми указателями, но скрытая во мгле...

Джо вздохнул. То, что он ощущал, не имело ни малейшего значения, раз не удастся начать книгу. Быть может, в тихом Саншайн Мэноре, стоящем на морских скалах в кольце вековых деревьев, окруженном деликатной заботливостью Драммондов, он, наконец, сдвинется с мертвой точки. Он знал: главное — начать, а дальше все пойдет хорошо.

Джо взглянул на часы, потом на телефон. Если в течение пяти минут Каролина не позвонит...

Телефон зазвонил. Джо снял трубку.

— Добрый вечер, — сказала Каролина.

— Добрый вечер. Я уже начал опасаться, что ты не получила мою открытку.

— Получила... — в голосе Каролины прозвучало едва уловимое колебание. — Мне очень жаль, но я сегодня уезжаю. — Снова колебание. Джо молчал. — Я уезжаю надолго. Звоню, чтобы сказать тебе: до свидания, Джо.

— До свидания, Каролина. Желаю тебе счастливого пути.

— Спасибо... — Пауза. — Ты был очень мил, Джо. Надеюсь, мы еще когда-нибудь встретимся.

— Разумеется! — сказал он с любезной уверенностью...

Пауза.

— До свидания, Джо.

— До свидания, Каролина.

Джо Алекс медленно опустил трубку, но в ту минуту, когда она коснулась аппарата, телефон снова зазвонил. Джо резко поднял трубку.

— Слушаю.

— Это ты, Джо?

— Я. Это ты, Бен, верно?

— Да, конечно. Ты что сейчас делаешь?

— Что я делаю? По идее я должен быть огорченным. Но я не огорчен, и меня огорчает то, что я не огорчен. Понимаешь?

— Понимаю. Или ты полагаешь, что у полицейских не бывает личных огорчений?

— Не уверен... — пробормотал Джо. — Может, зайдешь ко мне? Я как раз собираюсь в театр и...

— То есть, у тебя есть два билета на «Макбета» и ты не знаешь, куда девать второй...

— Приблизительно... — Сказал Джо и вдруг осознал: — А откуда ты знаешь, что на «Макбета»?

— Просто угадал...

— Гм...

— Что — «гм»?

— Ничего. А хочешь пойти?

— Не знаю. Сегодня я одинокий полицейский, — сказал Бен Паркер. — Я полицейский, одетый в самый что ни на есть вечерний костюм. Честно говоря, я хотел выгнать тебя из дому. В Ист-Энде есть один довольно приличный ресторан, куда стоило бы заглянуть. Я хочу сказать — можем совместить приятное с полезным. Впрочем, это не срочно. Обычная профессиональная рутина. Но раз уж у тебя билеты на «Отелло»...

— На «Макбета».

— Тем более! Эта пьеса мне решительно подходит. Есть преступление, есть мотивы и есть глубокий анализ психологии преступника. Я мог бы немало туда добавить, если б владел белым стихом.

— То есть, ты готов пойти?

— Да. А потом мы могли бы заглянуть куда-нибудь на рюмочку. У меня к тебе небольшая просьба.

— Личная?

— Нет.

— Это интересно, — сказал Джо Алекс. — У нас двадцать минут до начала спектакля, а по дороге мне еще надо купить цветы. Куда за тобой заехать?

— Никуда, — прозвучал спокойный ответ. — Я в баре напротив твоих окон, и если ты отодвинешь занавеску, то увидишь у этого бара черный автомобиль. За рулем сидит толстощекий молодой человек в серой шляпе. Его зовут Джонс, и он — сержант.

— Это означает, что в настоящую минуту ты находишься на службе, верно?

— Я всего лишь слабый человек, — рассмеялся Паркер.

Но Джо, знавший его много лет, знал также, что Бен скорее пустит себе пулю в лоб из служебного пистолета, чем употребит служебную машину в личных целях.

— Уже выхожу! — крикнул он в трубку, поправил перед зеркалом волосы и вышел в прихожую, размышляя о том, откуда Бен знает, что он собирался сегодня посмотреть «Макбета», что Каролина не пришла и что...

Надо плотно застегнуть плащ — вечер нынче холодный. Джо ощутил легкое возбуждение. Плохое настроение прошло.

II. «Спасите их!»

В заполненном до последнего места зале стояла полная тишина. Сара Драммонд подняла руку к глазам. Алексу показалось, что в круге света от установленного наверху невидимого прожектора он действительно видит красное пятно на ее руке.

— Это запах крови! — произнесла актриса тихо и почти спокойно. — Все благоволия Аравии не заглушат запаха этой маленькой ладони. О!

Это последнее восклицание выражало тихое изумление, но одновременно было преисполнено такого безумия, что Алекс протер глаза. Он никогда даже не предполагал, что целые тома трудов по психологии, всю человеческую муку и всю отдаленность исступленного разума от реального мира можно выразить в одном-единственном возгласе, произнесенном к тому же так тихо, что если бы в зале не стояла абсолютная тишина, никто бы его не услышал. Он искоса глянул на Паркера.

Инспектор сидел, слегка наклонившись вперед, глаза его были прищурены, а на лице застыло выражение такой сосредоточенности, будто он был ученым, наблюдающим феномен, от которого зависит судьба всех его исследований. Тем не менее он почувствовал взгляд соседа и медленно повернул голову. Алекс с удивлением увидел в его глазах не восхищение, а как бы тревогу.

Когда занавес опустился и наступил антракт перед последним действием, Паркер легонько толкнул Алекса локтем.

— Ты точно хочешь остаться до конца? Леди Макбет мы больше не увидим, а финал и так нам известен еще со школьных лет, — он мимоуслышанно усмехнулся. — Я всего лишь полицейский, но мне кажется, что на остальных актеров жаль терять час нашей жизни. Странный спектакль! Эта женщина настолько царит здесь над всем, что, честно говоря, меня гораздо меньше трогает судьба ее мужа.

— Ладно, — сказал Алекс. — Пошли.

Спустя полчаса черный автомобиль остановился у дома Алекса. Инспектор очнулся от размышлений.

— Мы же собирались в Ист-Энд! Я забыл сказать сержанту, и он привез нас обратно. Но, быть может, это к лучшему. Не поздно будет зайти к тебе на минутку?

— Ну разумеется, нет, — сказал Алекс. — Ведь ты все еще не сказал мне того, что собирался.

— Я? А, ну да, конечно, — Паркер умолк.

Лифт мягко поплыл вверх. Когда они вошли, Алекс вынул из маленького холодильника, укрытого между полок, заполненных книгами, две бутылки и, держа их в обеих руках, показал инспектору.

— Коньяк или виски?

— Виски. И без содовой, если можно.

Они сели. Алекс налил. Выпили молча. Алекс снова налил. Инспектор отрицательно покачал головой.

— Я думаю, — сказал он озабоченно, — что ты едешь к Драммондам, чтобы поработать над книгой. Я не хотел бы мешать тебе в этом... Вообще-то, у меня нет никакого права...

— Бен, — Алекс встал, — я понимаю, что если человек — превосходный сыщик, он не может вести себя, как, скажем, учитель греческого языка или владелец магазина игрушек. Но если позволишь, я хочу попросить — не веди себя, пожалуйста, как персонаж второсортного криминального романа.

— Да, я идиот, — искренне сказал инспектор и развел руками. — Но я действительно очень обеспокоен и действительно не знаю, что тебе сказать.

— Если ты начнешь говорить, мы в конце концов придем к какому-то результату. Так мне, по крайней мере, кажется...

— Вероятно, ты прав... — Инспектор залпом выпил второй стаканчик виски и снова умолк. На этот раз Джо решил его не прерывать. Он был и вправду заинтригован. Но при этом в его глазах все еще стояла маленькая, стройная фигурка на сцене. «Все благоволия Аравии...»

— Если бы не тот факт, что Иэн Драммонд, ты и я были когда-то друзьями и, полагая, остаемся ими по-прежнему, я бы никогда не пришел к тебе с этим, — начал Паркер. — То, о чем я тебе скажу, является служебной тайной. Ну, быть может, не совсем, потому что я получил согласие своего руководства на разговор с тобой об этом... — Он опять остановился. Алекс по-прежнему молчал. — Не знаю, прав ли я, но мне кажется, что Иэну грозит опасность... — сказал, наконец, инспектор. — Серьезная опасность. Быть может, не меньшая, чем тогда, когда он вместе с нами летал над Германией. Более того, быть может, даже большая, я бы сказал, потому что тогда мы точно знали, что нам грозит. Мы были вооружены, бдительны, обучены и имели столько же шансов, что и атакующие нас истребители. Теперь все иначе.

Облик Сары Драммонд исчез из воображения Джо Алекса, и на его месте появилось смеющееся лицо в офицерской фуражке набекрень. Таким был тогда Иэн. Впрочем, он не очень изменился. Может, немного поправился, но по-прежнему выглядел юношей. Большой, гениальный мальчик с обезоруживающей улыбкой, и ничего удивительного, что он покорил этой улыбкой и величайшую актрису Великобритании.

— То есть, как? Иэну?..

— Да. Как ты знаешь, Иэн — химик. Ты также знаешь, что он добился того, что в других профессиях именуется большой карьерой. Однако в среде ученых не употребляют таких терминов. Тем не менее Иэн пользуется мировой известностью среди тех, кто работает в области создания син-

тетических материалов. Он и его ближайший сотрудник Гарольд Спарроу работают сейчас над синтезом серы. Не могу рассказать тебе об этом подробнее, ибо я не специалист. Впрочем, ты тоже. Важно то, что их исследования могут произвести настоящий переворот в промышленности. Если то, над чем они работают, принесет плоды, область применения пластических масс неимоверно возрастет. От дешевых синтетических домиков до легкой пуленепробиваемой танковой брони и корпусов сверхзвуковых самолетов. Я повторяю тебе лишь то, что слышал. Разумеется, все это более чем военная тайна... хотя, как выясняется, о ней знают слишком многие.

— Понимаю.

— Я думаю, ты уже начинаешь догадываться. И Драммонд, и Спарроу не только ученые, но еще и бизнесмены. Проводя свои исследования под патронатом одного из наших полуправительственных концернов, они ни перед кем не отчитываются. И все же дело раскрылось.

— Откуда ты знаешь?

— Отсюда, — сказал инспектор и вынул из внутреннего кармана пиджака конверт. — Я был уверен, что ты об этом спросишь. Хочу тебе кое-что показать. Если уж тайна стала известна кому-то совершенно постороннему, то не вижу причин, чтобы не открыть ее тебе. Впрочем, у меня нет выхода.

Он протянул письмо Алексу. Джо вынул из конверта обычный небольшой листок с машинописным текстом и начал читать вполголоса:

В Скотленд-Ярд.

Мистеру Иэну Драммонду и мистеру Гарольду Спарроу грозит опасность. Речь идет об их исследованиях. Они кому-то очень нужны. Ученых пытались купить. Теперь попытаются заставить их молчать. Это ужасно. Спасите их!

Друг Англии.

Алекс рассмеялся.

— Это похоже на письмо сумасшедшего, который прочел слишком много комиксов, — сказал он искренне. — Я не так представлял себе серьезное предупреждение. Думаю, вы ежедневно получаете сотни подобных писем. Наверняка угрожают убить королеву, взорвать парламент или подложить бомбу под иностранное посольство. Таких маньяков сотни, а может, даже тысячи. Нет. Я бы не относился к этому серьезно.

— И я тоже, — сказал инспектор, — если бы не пара моментов, которые эту версию исключают. Во-первых, маньяк, который знал бы, например, что сегодня ночью мы собираемся проводить испытания летающей подводной лодки, был бы не совсем маньяком, если бы время было указано точно, а дело хранилось в глубочайшей тайне.

— Ты хочешь сказать, что тебя беспокоит, откуда автор этого письма знает о работе Драммонда и Спарроу, не так ли?

— Да. Во-вторых, он знает также, что были попытки переговоров с обоими учеными. Их вели представители одного очень дружественного нам государства, которое также весьма интересуется развитием знаний в области искусственных материалов. Попытки эти были весьма общего характера, и казалось, что, скорее всего, те просто что-то разнохали, но совсем не уверены, над чем действительно работают наши ученые. Мы предприняли самые серьезные меры предосторожности, потому что, хотя дружба между народами и является делом весьма похвальным, однако здесь речь идет о первенстве на мировом рынке и об огромных государственных инвестициях. Когда видишь то, чего я в окружающей действительности достаточно насмотрелся, понимаешь, что человеческая жизнь — это всего

лишь одна из цифр в математическом уравнении. Иногда уравнение требует, чтобы эта цифра была самой важной, и тогда человек становится бесценным. Но в иных случаях уравнение не решается без изъятия этой цифры, и тогда человек вычеркивается из этого уравнения так тщательно, будто его там никогда и не было. Я не хотел бы... Мы не хотели бы, чтобы Драммонд и Спарроу были вычеркнуты лишь потому, что государство, которое является нашим большим другом, имеет отрасли промышленности, которые не выносят конкуренции. Можно было бы считать это письмо письмом маньяка, но, к сожалению, оно содержит слишком много правды. Кроме того, — и это третье, что меня беспокоит и заставляет отнестись к делу серьезно, — автор письма знает, что Драммонд и Спарроу работают в тесном сотрудничестве. Мало того, — он знает, что их исследования, в той фазе, в которой они сейчас находятся, могут лечь в могилу вместе с авторами.

— Я полагаю, ты не пытаешься меня убедить, что нынче стало обыденным явлением убийство ученых дружеской страны лишь потому, что у них родилась какая-то хорошая идея? Так не делается.

— Ты прав и не прав. Трудно определить, какое влияние окажет работа наших ученых на формирование мирового рынка. Она ведь может полностью разорить тех, кто в силу обстоятельств вынужден будет пользоваться иными, уже устаревшими методами производства. Она может нанести удар по мировым производителям стали, по магнатам металлургической промышленности, да мало ли по кому еще?! Не знаю... Одно только мне здесь не совсем ясно...

— Что именно? — спросил Алекс.

— А то именно, что в таких случаях убийство людей является, как мне кажется, самой последней крайностью. Из этого письма следует, что какие-то могущественные силы знают об исследованиях Драммонда и Спарроу и хотят остановить ученых. Так вот, это немного расходится с логикой.

— Почему?

— Да потому, что гениев не убивают, как мух. Даже если их исследования могут привести к перевороту в промышленности, то таких людей всегда сначала можно попытаться купить, нейтрализовать, использовать в своих целях. Ведь они представляют огромную ценность для каждого, кто сможет их использовать. А мертвыми они будут стоить столько же, сколько два умерших чиновника. Подобных попыток подкупа, нейтрализации или использования ни один из наших ученых до сих пор на себе не ощущал. Кроме того, честно говоря, все это имеет несколько фантастический привкус. И если бы не...

— Понятно. Если бы не тот факт, что автор письма представляется человеком, находящимся слишком близко ко всем этим делам, вы бы не принимали этого всерьез?

— Примерно. Есть во всем этом что-то непонятное, что требует объяснения. Даже если мы вообразим себе некое государство или концерн, которым исследования Драммонда и Спарроу чем-то угрожают, то все равно такое еще ничем не спровоцированное покушение на их жизнь кажется весьма неправдоподобным во второй половине двадцатого века. Ведь еще даже не известно, в какой степени и действительно ли их труды окажутся важными. Мы лишь предполагаем, что это так. Оба ученых верят в это, но у меня есть информация, что их работа еще не закончена и что имеется ряд трудностей, да и, наконец, абсурдно было бы предполагать, что производители керосиновых ламп должны были убить Эдисона, который изобрел электрическую лампочку, а производители сальварсана — Флемминга, который объявил об открытии пенициллина. Промышленность не защищается от технического прогресса, а скорее стремится использовать его в своих интересах.

— Следовательно?

— Вот именно! Почему я знаю? В конце концов, все возможно. Об авторе этого письма мы не знаем ничего, кроме того, что написал он его на портативном «Ремингтоне» и опустил в почтовый ящик в Лондоне. Официально мы не придаем слишком большого значения письмам такого рода. Но когда речь идет о наших крупнейших ученых, ничего нельзя оставлять без внимания. Тем более, если письмо такого характера.

— Ну, хорошо, — сказал Алекс и невольно улыбнулся. — Получается, что пока им вроде бы ничего не угрожает, но если в одно прекрасное утро они оба будут найдены в своих постелях с большой дозой мышьяка в желудках, Скотленд-Ярд не очень удивится.

— Напротив, очень удивится! — Паркер встал. — Удивится, ибо к задачам Скотленд-Ярда относится, например, и то, чтобы граждан этой страны никто не кормил перед сном мышьяком. Послушай, Джо, — он подошел к другу и положил руку на его плечо, — сейчас я буду с тобой совершенно откровенен.

— Стало быть, до сих пор — не был?

— Был. Но не совсем. Это письмо поступило к нам две недели назад. За это время мы сделали все, что обычно делается в таких случаях. Мы поговорили с обоими учеными — исключительно деликатно, разумеется, — и окружили Саншайн Мэнор незаметной опекой. К счастью, усадьба удалена от больших поселений, и потому можно, не привлекая ничьего внимания, контролировать все передвижения посторонних лиц в ее окрестностях. К сожалению, на мое предложение поместить в доме одного из моих людей Драммонд ответил категорическим отказом. Надо признать, что ни он, ни Спарроу вообще не проявили ни малейшего беспокойства по поводу этого письма. И вот тут-то...

— Начинается моя роль?

— Да. — Паркер сел и налил себе виски, но отодвинул стакан и почти весело взглянул на стоящего перед ним Алекса. — Разумеется... гм... я получил разрешение на просмотр корреспонденции обитателей Саншайн Мэнор. Неделю назад я прочел письмо, в котором Иэн приглашает тебя в гости, а три дня назад — твой ответ, в котором ты благодаришь за приглашение и сообщаешь, что послезавтра приедешь туда на две недели.

— Гм... — сказал Алекс. — Учтивая, что законы нашей страны запрещают властям вмешательство в личную жизнь граждан и гарантируют, между прочим, тайну переписки...

— У нас есть параграф, касающийся общественной безопасности. В некоторых особых и мотивированных случаях он может быть применен. Нам показалось, что это как раз один из таких случаев, а Министерство внутренних дел признало наше решение правильным. Так что я читал эти письма, как бы это сказать, от имени Ее Величества Королевы. Разумеется, если бы не тот факт, что ты несколько раз спас мне жизнь...

— А ты — мне!

— Не в этом дело! — Инспектор махнул рукой. — Если бы не тот факт, что ты несколько раз спас мне жизнь, что мы вместе во время войны выполнили ряд совершенно секретных летных заданий и что, наконец, я лично поручился, что доверяю тебе, как самому себе, ты бы никогда обо всем этом не узнал.

— Понимаю. — Алекс сел, налил себе виски и пригубил. — Ты хочешь, чтобы я находился в Саншайн Мэнор как твои неофициальные глаза и уши. Но смогу ли я ими быть?

— Не знаю. Я не прошу тебя ни о чем особенном. Честно говоря, я разговаривал с Иэном пару дней назад, и он очень сердечно приглашал меня в гости, упоминая при этом, что пригласил и тебя. Его очень радует

мысль о том, что мы усядемся втроем все вместе у камина и припомним былые времена. Разумеется, он отдает себе отчет в том, что я буду там как бы частично по службе, но, судя по его словам, я — единственный полицейский, которого он может вынести под своей крышей. К сожалению, я смогу приехать туда лишь на следующей неделе, потому что несколько дел задерживают меня в Лондоне. А судя по этому сумасшедшему письму, если только вообще можно принимать его всерьез, — опасность, которая якобы грозит нашим ученым, уже близка. Из самого ритма фраз следует, что автор знает о чем-то, что как бы висит в воздухе. Я хочу от тебя двух вещей: во-первых, ты взрослый, натренированный мужчина и друг Иэна, стало быть, после всего, что тебе стало известно, ты — наш союзник, который, будучи на месте, может в каком-то неожиданном критическом случае предотвратить то, чего я сейчас даже не могу определить. Во-вторых, я хотел бы, чтобы в качестве одного из гостей ты на месте сориентировался в ситуации. В настоящий момент в Саншайн Мэнор находятся шесть человек, не считая прислуги. Точнее, в данную минуту там находятся пять человек, но Сара Драммонд, талантом которой мы сегодня восхищались, как раз закончила свои выступления в этом сезоне и поедет к мужу на двухнедельный отдых. В имении также находятся Спарроу и его жена Люси.

— Они живут там?

— Нет. Точнее, Спарроу почти живет, потому что вместе с Иэном они устроили себе в Саншайн Мэнор что-то вроде частной лаборатории, в которой проводят большую часть года. Люси Спарроу — хирург.

— А-а-а! — Алекс тихо присвистнул. — Так это она! Люси Спарроу! «Самый красивый хирург Великобритании!» Иэн не говорил мне, что она — жена Спарроу.

— Наверно забыл. Ты же знаешь ученых. Так вот, очаровательная Люси Спарроу сейчас тоже там, и пробудет еще несколько недель, отъезжая при этом раз в неделю в Лондон. Судя по тому, что мне известно, ей следовало бы вообще не покидать Саншайн Мэнор.

— Ты имеешь в виду безопасность ее мужа?

— Ну, можно это и так назвать... — Паркер улыбнулся. — Возможно, это всего лишь сплетня, одна из тех, о которых в подобных обстоятельствах Скотленд-Ярд должен знать, но которая не имеет особого значения... Тем не менее я хочу, чтобы, отправляясь туда, ты знал как можно больше. Так вот, насколько мне известно, Спарроу находится... как бы это сказать... под большим впечатлением от обаяния жены своего друга и нашей незабываемой звезды сегодняшнего спектакля.

— Ты хочешь сказать, что за спиной Иэна его жена и его коллега...

— Не знаю. Может, это не совсем так. Возможно, Сара просто испытывает потребность подчинять себе всех мужчин, попавших в ее орбиту. А быть может, именно потому, что жена у Спарроу такая знаменитая красавица, Саре захотелось померяться с ней силами. Во всяком случае, во время детального изучения биографий этой группы людей, я наткнулся на какую-то неизвестную никому из их близких прогулку вдвоем на автомобиле, на какую-то встречу в Шотландии и еще на два-три менее значительных факта, которые указывают на дружбу несколько более горячую, чем принято испытывать по отношению к друзьям своего мужа. Но это было в прошлом году. Остается ли эта дружба такой же и сейчас, да и вообще, имеет ли она какое-нибудь значение в жизни этой маленькой группы людей, я не знаю. Ведь бывает и так, что мужчина и женщина внезапно испытывают друг к другу влечение вопреки всем официальным узам, а затем отдаляются друг от друга, и это не оставляет никакого следа в их психике. Что касается Сары Драммонд, то с ее именем не связан ни один скандал, хотя ее биография полна довольно бурных событий.

То, о чем я тебе рассказываю, — информация, которая является собственностью Скотленд-Ярда, но не общественности. Я думаю, что ни Драммонд, ни Люси даже на подозревают о том, что их супруги когда-то пережили такое приключение. Надо сказать, что Спарроу — человек честный, порядочный, и для него это должно было стать серьезным потрясением. Я имею в виду не то, что у них было с Сарой Драммонд, а скорее то, что он пережил, предавая дружбу, жену и так далее. Он не относится к тем людям, которые могут спокойно жить под чьей-то крышей и соблазнять жену хозяйина.

— И все же?

— Вот именно. Поэтому я предполагаю, что он оказался тогда в сложном положении, а быть может, находится в нем и сейчас. Однако, если эта история не имела никаких последствий и осталась глубокой тайной, то, по-видимому, лишь благодаря Саре, которая по-своему любит нашего друга Иэна и никогда бы его не оставила. Возможно, она нашла способ убедить Спарроу скрыть все, что произошло, и продолжать сотрудничество с Иэном, будто ничего не случилось. Но это всего лишь мои предположения. Быть может, я вообще ошибаюсь. Эти их встречи могли быть значительно более невинными, чем на то указывает моя информация. Люди склонны преувеличивать подобные вещи.

— Бедный Иэн... — вздохнул Джо. — И все же она — гениальная актриса. Не знаю, прав ли я, но мне кажется, я мог бы простить ей такие слабости.

— Не знаю, был бы ли Иэн того же мнения, но если говорить о Люси Спарроу, то это тоже очень яркая личность. Сам факт, что такая красивая женщина стала столь великолепным хирургом, тоже не так-то легко объяснить. Казалось бы, красивые девушки имеют в своем распоряжении тысячи других занятий в жизни, по крайней мере, до тех пор, пока не увянет их красота.

— Интересная компания... — пробормотал Алекс. — Ну, хорошо, если ты уже закончил поливать грязью жен наших друзей, скажи мне, кто там еще находится?

— Есть там еще секретарь обоих ученых. Вообще-то он не секретарь — он тоже химик, — молодой и очень способный ученик Драммонда. Правильнее было бы называть его ассистентом. Его имя Филипп Дэвис, ему двадцать восемь лет, у него мать и двое младших братьев; он очень симпатичен и по уши влюблен в Люси Спарроу.

— О Господи! — вздохнул Алекс. — Когда же эти люди совершают свои великие открытия, если они постоянно заняты чем-то совсем другим?

— Вероятно, умеют совмещать приятное с полезным. Насколько я мог выяснить, Люси Спарроу даже не знает о бурных чувствах ассистента своего мужа. А я узнал о них из его письма к матери. Он пишет о своей тихой, безнадежной любви.

— Это уже лучше, — Джо Алекс выпил свой виски. — Ко мне возвращается вера в общество. Молодое поколение не столь цинично. Что дальше? Кто еще?

— Кроме того, там находится приглашенный Иэном еще зимой профессор Роберт Гастингс из Университета штата Пенсильвания в США. Он приехал неделю назад и намерен уехать послезавтра. У него уже заказан билет на самолет в Нью-Йорк. Это ученый крупного масштаба, а его интересы близки к интересам наших исследователей.

— Не ошибаюсь ли я, предполагая, что когда ты говорил о дружественной нам державе, которая могла бы понести потери в результате исследований Драммонда и Спарроу, то имел в виду Соединенные Штаты?

Паркер развел руками.

— Если бы ты находился на государственной службе, а не был бы презирающим политику автором криминальных романов, то знал бы, что такие вопросы неуместны. Я не уполномочен беседовать с тобой на эту тему. — Он улыбнулся. — Во всяком случае, я был бы признателен, если б тебе удалось завоевать симпатии этого милого господина.

— Ты не совсем уверен, что он приехал в Саншайн Мэнор лишь ради отдыха?

— В моей профессии уверенность достигается исключительно путем очень кропотливых расследований и исчерпывающих доказательств. Там, где нет таких доказательств, нет и уверенности. Джо, если ты писатель с воображением, не требуй от меня дальнейшего углубления в беседу об этом человеке, который может оказаться для тебя предметом любопытнейшего психологического исследования. Было бы интересно, если б тебе удалось узнать хотя бы часть его ценных мыслей. Господин профессор Роберт Гастингс — очень известный человек. Я бы хотел, чтоб в тебе вдруг обнаружилась слабость к известным людям.

— Понимаю. И это все?

— Все, не считая прислуги. Но прислуга пока не входит в расчет. Есть там еще наш старый приятель Мэлахи и две местные женщины. Обе вне всяких подозрений, как мне кажется.

Джо Алекс вздохнул.

— Я собирался в Саншайн Мэнор, чтобы написать там книгу, — сказал он беспомощно. — Я хотел тишины и спокойствия — сегодня я порвал с женщиной...

— С мисс Каролиной Бикон, я знаю. Завтра она поселится в городке Торки в отеле «Эксельсиор».

— О Господи! Так ты и за мной шпионишь?

— Ну что ты! Просто, когда ты получил приглашение от Иэна, я обязан был проверить круг твоих знакомых. Ты ведь, сам того не ведая, мог быть использован с какой-то целью, которой бы даже не знал. Это вовсе не было проявлением недоверия к тебе. Но если эта анонимка содержит хоть слово правды, то те, кем бы они ни были, несомненно, должны были познакомиться с биографией Иэна и списком его друзей. Быть может, они пытаются выйти на контакт с ним, или ищут возможность внедрить в его окружение своего человека, либо просто собирают информацию о его жизни. Тебя никто не расспрашивал об Иэне?

— Нет, — Алекс покачал головой. — Никто, никогда... — он задумался. — Нет, точно нет.

— Вот-вот, — Паркер встал. — Это интересно, что никто из друзей Драммонда или Спарроу и никто из их родственников не стал целью изучения тех, кто мог бы им навредить. Я проверил это довольно тщательно, потому что оттуда могли протянуться нити, ведущие к предполагаемому клубку. Однако ничего подобного не происходит. Надо признать, что противник, если он, конечно, вообще существует, очень ловок. Поэтому любая информация будет для нас бесценной.

— Но смогу ли я...

— Я ведь читаю твои книги. В них есть наблюдательность и математический расчет. Порой они бывают более близки к действительности, чем тебе самому кажется. Кроме того, ты — толковый парень, который кое-что испытал в этой жизни. Ну и, наконец, речь идет об Иэне. И наверно, это не тот случай, когда его друзья могут позволить себе легкомысленно отнестись к грозящей ему опасности, даже если предполагать, что это всего лишь плод чьего-то больного воображения. Мой домашний телефон у тебя записан?

— Да.

Инспектор вынул из кармана плотную карточку.

— Это мой телефон в Ярде, а этот второй — номер отделения полиции в Мэлборо. Насколько я помню, это небольшой городок в двух милях от имения Драммондов. Если ты скажешь им, что хочешь со мной поговорить, они немедленно тебя соединят. Они найдут меня сразу, потому что знают, где искать. А через неделю я сам загляну на пару дней в Саншайн Мэнор. Я потребовал от Изна, чтобы он никому не говорил о моей профессии. Приеду как его однополчанин со времен войны. Впрочем, старый Мэлахи знает и тебя, и меня еще по тем временам. Тебе тоже придется об этом помнить.

— Это будет нетрудно, — сказал Алекс. — По крайней мере, это то единственное, что не будет трудным.

Он проводил гостя к лифту, а потом подошел к окну и увидел черный автомобиль, тихо удаляющийся среди ночи по вымершей, ярко освещенной улице.

III. Ребенок на шоссе

Рокот автомобильного двигателя, приглушенный двойными стеклами закрытого окна, удаляясь, стих. Мелкий, бесшумный дождь медленно опускался с черного неба на лондонские крыши. Джо Алекс закрыл глаза. В комнате стало теперь тихо, так тихо, что он услышал спокойное, ровное дыхание и на секунду напряженно застыл — ему вдруг показалось, что это дышит кто-то другой, стоящий за его спиной. Но он тут же понял свою ошибку, рассмеялся и медленно вернулся от окна к столику. Он налил себе еще виски и опустил в мягкое кресло. С минуту Джо сидел, погрузившись в размышления, потом поднес стакан к губам и, не отдавая себе отчета в своих действиях, поставил его обратно на поднос нетронутым.

— Воображение! — произнес он вполголоса, стараясь вложить в это слово как можно больше пренебрежения. — Стоит лишь твоему старому другу, который по воле случая стал полицейским, попросить тебя о мелкой услуге и произнести при случае несколько слов о своей работе, показав письмо, написанное на машинке «Ремингтон» одним из тысячи безобидных сумасшедших, которые каждый день опускают сотни подобных писем в почтовые ящики во всех концах бескрайней Англии, — как немедленно твое воображение тут же начинает рисовать полные крови и трупов картины ближайшего будущего, в которых самым интересным оказывается образ другого твоего друга, товарища по оружию и одного из самых благородных людей, с которыми тебе удалось познакомиться. Значит, все же внутри тебя что-то тоскует по таким картинам. Тебе ужасно хочется, чтобы после приезда в Саншайн Мэнор там начали происходить всякие жуткие события, в которых ты сыграл бы решающую и героическую роль. Будем искренни — тебе *хочется*, чтобы те, кем бы они там ни были, ринулись в атаку и чтобы ты спас обоих ученых и заслужил восхищение всех присутствующих, не исключая Сары Драммонд, о которой не перестаешь думать уже пару часов, точнее, с той минуты, когда, увидев ее на сцене, ты осознал, что уже послезавтра встретишься с ней в очаровательном старинном поместье, окруженном романтическим парком. Тебе хотелось бы стать в ее глазах героем, и потому твое воображение подсовывает тебе сейчас образы темных фигур, крадущихся ночью по освещенному луной парку. Они уходят с планами изобретений Драммонда и Спарроу. Но тут ты преграждаешь им путь. Вспыхивают огоньки выстрелов, взлетают испуганные птицы, люди-тени молча сражаются не на жизнь, а на смерть, слышится крик боли. Пересекая освещенную луной клумбу, во дворец возвращается лишь один человек. Он весь окровавлен, его одежда изорвана, волосы растрепаны. Но он несет спасенную папку с бесценными рукописями. Этот

человек — ты. Он входит в круг света. Все (и прежде всего Сара) смотрят на тебя. Ты устало прислоняешься спиной к стене и протягиваешь папку. «Вот она», — говоришь ты скромно, и в этих двух словах скрыт весь твой героизм, ибо все видят и понимают, что произошло минуту назад во мраке парка. А уже после того, как ты выполнил свой долг, прибывает опоздавшая полиция, вбегает Бен Паркер со своими людьми, и только сейчас тебя покидают силы. Ты пошатываешься... Тебя поддерживают, и чья-то миниатюрная рука протягивает стаканчик виски. Маленькая ладонь... «Все благоволия Аравии...»

Он громко рассмеялся и взглянул в угол комнаты, где стояла открытая пишущая машинка, а в ней бессмертный лист с заголовком «Глава первая».

— Вот именно! «Глава первая»! Вместо того чтобы воображать все эти глупости, надо их как-то пристроить туда, в эту новую книгу, которая все еще ждет своего написания. Но я знаю, почему ты не можешь ее начать. Это Каролина во всем виновата. Да, давай будем между собой откровенны. Мы ведь одни в этой комнате — я сам с собой. Но люблю ли я Каролину?

Он секунду подумал и покачал головой.

— Нет. Пожалуй, нет. Я не люблю Каролину. Я никогда ее не любил и, наверно, никогда не полюблю. Впрочем, полагаю, что для этого у меня уже не будет случая. Но мне ее жалко. И себя жалко. Жалко бессмысленно протекающей жизни. Сегодня мне исполнилось тридцать пять лет, и за эти тридцать пять лет не произошло ровно ничего, что оправдывало бы мое существование в этом мире. Ну, разве что война. Вот тогда я знал, что нужен. Я защищал от гибели страну, в которой родился, и стиль жизни, который мне близок. Но когда мы, наконец, защитили Англию, я потерял этот смысл жизни в тот же день, когда снял военный мундир. И с тех пор мне так и не удалось его найти. Может, если бы Каролина... У нас мог бы появиться ребенок, даже двое детей. Я жил бы для них. Это уже было бы много. Очень много. А этот дом никогда не был бы так пуст, как сейчас. Я не совсем в этом убежден, но если бы она сейчас позвонила...

Он глянул на телефон. И снова телефон зазвонил, словно события этой ночи таили в себе какую-то неизбежную целенаправленность, которой человек не в состоянии противостоять.

Алекс вскочил и на секунду застыл, будто подыскивая слова, которые он должен сказать сейчас Каролине. Прозвучал второй звонок. Джо быстро снял трубку и, чувствуя ускоренное сердцебиение, сказал:

— Слушаю, это Алекс.

— Добрый вечер...

Нет. Каролина не передумала. Голос был женский, низкий и очень мелодичный. Он показался знакомым, хотя не ассоциировался ни с какими известными чертами лица.

— Простите, что звоню так поздно, но после спектакля я была на ужине с друзьями и только сейчас вернулась домой. Благодарю за розы. Они очаровательны.

— Это миссис Сара Драммонд? — спросил Джо, хотя уже точно знал, что это она, и вопрос показался ему дурацким.

— Да, и я звоню не только для того, чтобы поблагодарить вас за цветы. Я получила телеграмму от Иэна. Он пишет, что вы собираетесь к нам. Когда?

— Я намерен выехать послезавтра утром.

— Ага! Но Иэн пишет: «Позвони Джо. Если он может выехать днем раньше, захвати его». Так вот я звоню, чтобы взять вас с собой.

Джо хотел сказать в ответ что-нибудь изысканное, но в голове царил полная пустота.

— Это очень мило. Благодарю вас...

— Итак? — спросил низкий голос. — Я готова заехать за вами завтра прямо в девять утра.

Джо секунду колебался. Вообще-то в Лондоне его ничего не удерживало. Он сообщил Иэну о приезде послезавтра лишь потому, что какую-то дату надо было назвать...

— Я не хотел бы вас утруждать...

— Пустяки. Кроме меня и моего чемодана, в автомобиле никого не будет.

— В таком случае...

— В таком случае я заезжаю за вами в девять. Это не слишком рано?

— Если я скажу вам, что ежедневно просыпаюсь на рассвете и в семь утра сажусь за работу, то это несколько разоидется с истиной, — сказал Алекс, постепенно восстанавливая утраченное равновесие, — но девять утра — в самый раз. А может, поедем на моем автомобиле? Я отдал его на профилактику, и как раз завтра утром он должен быть готов. Правда, чуточку позже.

— Нет. Я предпочитаю на своем. Я люблю водить автомобиль, но особенно люблю возить мужчин. Один пассажир-мужчина приносит мне больше удовлетворения, чем пять женщин. Может, потому, что пару последних тысячелетий нас постоянно возили, и мы не имели ни малейшего понятия, что без этого можно обойтись.

— В таком случае буду искупать вину моих предков.

— Я отвратительно пунктуальна. Прошу ждать в девять у подъезда. А теперь — спокойной ночи. Уже очень поздно. Женщина в моем возрасте должна высыпаться. Это превосходно сохраняет кожу.

И прежде чем Джо успел решительно возразить насчет возраста, она положила трубку.

— Ну вот! — сказал он, с удивлением ощутив внезапный прилив энергии, затем пошел в ванную и открыл кран с горячей водой. Почувствовав, что проголодался, Джо отправился на свою маленькую кухню и заварил чай. Безнадежность тридцать пятого дня рождения вдруг исчезла, будто ее никогда и не было. Он думал о завтрашнем дне.

Джо по-прежнему продолжал о нем думать после ванны и холостяцкого ужина, состоявшего из хлеба с маслом, сардин, сыра и банки лимонного сока, и даже когда лег в постель и завел будильник на восемь утра. Да, это было как раз то, что ему сейчас нужно. Сдержанный и мягкий юмор Иэна, старинная усадьба, комната, в которую сквозь распахнутые окна доносится шум деревьев рядом и шум моря вдаль, утренние прогулки по обрывистому берегу... Когда же он там был в последний раз?.. Сейчас он старался не думать о том, чего ему так хотелось — чтобы уже наступило утро и началась эта короткая двухчасовая поездка в обществе невысокой, смуглой женщины, великой актрисы, жизнь которой Паркер разукрасил столь огромным количеством вопросительных знаков. «Бедный Драммонд», — подумал Джо, однако мысль эта была слабой и невыразительной. Драммонд был вовсе не бедный, а счастливый. Такая женщина должна была сделать мужчину счастливым, даже если делала счастливым не только его.

Постепенно лица Иэна и Сары, а вместе с ними и картина будущего, которую рисовало его воображение, стала меркнуть и покрываться мглой. Он закрыл глаза.

Ему показалось, что он едва успел сомкнуть веки, как будильник зазвенел. Джо вскочил с дивана и в пижаме подошел к окну.

После мрачного дождливого вечера над городом вставало теплое и солнечное утро. Мокрые крыши домов испаряли влагу и сверкали ярким голубым отражением висящего над ними безоблачного неба. Глядя на

тротуар и запертую дверь бара напротив, Джо вдруг вспомнил вчерашний разговор с Паркером. Но улица внизу уже не была той ночной улицей, что вчера. Солнце, проникающее сквозь распахнутое окно, голубое небо над крышами, шум воды, быстро наполняющей ванну, и свист закипающего чайника на кухне, сливаясь вместе, звучали безмятежной прелюдией к той минуте, когда часы пробьют девять, а он выйдет на улицу и увидит модный кремовый «мерседес» Сары Драммонд, подъезжающий к дому. Почему кремовый и почему «мерседес», он не смог бы объяснить, но у нее должен быть именно такой автомобиль. Посвистывая, Джо занялся утренним туалетом.

Когда, наконец, Алекс умылся, побрился, позавтракал и взглянул на часы, он с ужасом обнаружил, что уже без двадцати девять. Молниеносно распахнув шкаф, Джо стал выбрасывать оттуда рубашки, галстуки, пижамы, носки и носовые платки. Он быстро укладывал их в чемодан, выбирая самые любимые. Теперь свитеры... Так... И второй чемодан с костюмами... Наконец папка с письменными принадлежностями... пишущая машинка и... Он огляделся... Вроде все. Нет, не все... Джо подбежал к письменному столу и, выдвинув средний ящик, вынул оттуда лежащий на самом дне тяжелый предмет в кожаном футляре. Он расстегнул футляр... Все было в порядке... Он вынул из другого ящика стола две запасных обоймы. Это не был его пистолет со времен войны, это был длинноствольный парабеллум, который он привез из Германии, где их эскадра стояла в последние недели перед окончанием войны. Он сунул пистолет и обоймы под костюмы и закрыл чемодан... Глянул на часы... Без пяти девять! Джо выбежал на лестничную площадку, вызвал лифт, погрузил в его кабину свои чемоданы и спустился вниз. Выйдя на улицу, он огляделся по сторонам, но кремового «мерседеса» нигде не было видно. Тогда он подвинул свои чемоданы к самому краю тротуара, остановившись напротив черного «ягуара», припаркованного на противоположной стороне улицы, и глубоко вздохнув, вытер платком пот со лба. Ровно девять. Теперь можно спокойно ждать. Он начал размышлять о какой-нибудь эффектной фразе, которую произнесет, приветствуя подъехавшую Сару.

— Здравствуйте! — прозвучал знакомый низкий голос. — Вы собираетесь ехать с кем-то другим?

Джо вздрогнул. За рулем черного «ягуара», в двух шагах от него, сидела Сара Драммонд и усмехалась, явно позабавленная выражением его лица.

— О, доброе утро! — Джо подошел к дверце с опущенным стеклом. — Воображение... — сказал он и развел руками. — Мне показалось, что вы приедете на совсем другом автомобиле. И я настолько утвердился в своем...

— То есть, вы об этом думали? — Из автомобиля на него глянули темные блестящие глаза. — Это хорошо. Всегда хорошо, когда о нас думают. — Она протянула маленькую смуглую ладошку, которую он пожал. «Все благовония Аравии»... Джо пошел за чемоданами. — Положите их на заднее сидение. Вот так. А теперь, наконец, садитесь. Я не могу дождаться приезда домой!

Он сел рядом, и они тронулись.

«Я вижу ее третий раз, — подумал Джо, — и каждый раз она совершенно другая».

Они познакомились три года назад в день ее свадьбы с Иэном. Она была тогда красивой, скромной и счастливой невестой, идущей ровным и уверенным шагом, опираясь на руку своего мужа, глядя на него влюбленными глазами, так, будто и не замечала сверкающих вокруг них вспышек фотокамер репортеров обоих континентов, которые торопились запечатлеть

для своих воскресных приложений сцену бракосочетания великой драматической актрисы и одного из крупнейших британских ученых. Второй раз он встретил ее год назад, когда она вместе с Иэном была в Лондоне и они условились с ним пообедать вместе в его клубе. Тогда он увидел типичную британскую молодую даму, одетую и ведущую себя подобно всем другим молодым дамам этого круга, с той лишь разницей, что посетители клуба обращали на нее гораздо больше внимания, чем на всех остальных дам вместе взятых. Теперь же он краем глаза видел сидящую рядом молоденькую девушку, которая только что окончила среднюю школу и получила в подарок от отца первый автомобиль. На вид ей можно было дать лет девятнадцать, ну, максимум двадцать. Смуглая, черноволосая и темноглазая, она была одета во все черное, вопреки моде на контрасты и на белый цвет, который подчеркнул бы стройность ее шеи и нежность кожи. А ведь еще вчера вечером она стояла на сцене измученная и сломленная, внезапно постаревшая в течение часа, безумная и тоскующая по смерти, которая принесла бы ей покой и забвение... Сколько же ей лет на самом деле? Она на сцене уже давно, по крайней мере, лет десять. Может, ей тридцать? А может, как и ему, все тридцать пять? Впрочем, какое это имеет значение? Джо глубоко вздохнул.

— Вчера я был потрясен, — сказал он, чтобы нарушить молчание. — Я никогда не видел вас в этой роли и никогда не предполагал, что можно сыграть нечто подобное. Думаю, если бы вы жили во времена Шекспира, он написал бы для вас «Гамлета», но не о датском принце, а о принцессе. Жаль, что вы не встретились!

— А мне не жаль, — рассмеялась Сара. — Автомобиль остановился на перекрестке, ожидая смены огней светофора. — Меня бы уже не было. А ведь единственное, что важно, — это быть. Но если бы он меня посетил, я бы сказала, что люблю его, как самого Господа Бога, и иногда даже молюсь ему. — Автомобиль тронулся.

— Интересно, он бы поверил?

Сара Драммонд на секунду оторвала от дороги взгляд своих лучистых темных глаз.

— Поверил бы! — сказала она настолько уверенно, что Джо невольно рассмеялся.

Теперь они выехали на длинную улицу, по обеим сторонам которой тянулся бесконечный ряд красивых двухэтажных и трехэтажных домов.

— Вот сейчас проедем Кройдон, — пробормотала Сара, взглянув на спидометр, — и выберемся на шоссе.

— Сколько времени вы обычно едете до Саншайн Мэнор?

— Час до Брайтона, а потом еще минут пятнадцать по приморскому шоссе, если нет большого движения. А там уже остается несколько минут. Мэлсборо — и сразу за городком наш дом.

Она нажала на педаль. «Ягуар» мягко ускорил ход и бесшумно обогнал два идущих впереди автомобиля. Дома поредели, и с левой стороны открылось широкое пустое пространство. Аэродром. Джо глянул в ту сторону. Большой четырехмоторный пассажирский самолет вынырнул из-за далеких домов предместья и, медленно набирая высоту, свернул на юг.

— Вы теперь никогда не летаете? — спросила Сара, не отрывая глаз от дороги. Вопрос прозвучал как-то по-детски, скороговоркой, будто не имело никакого значения, будет ответ положительным или отрицательным.

— Никогда. Я стараюсь не летать, даже отправляясь на отдых к морю.

— Почему?

— Сам не знаю. Может, у меня слишком много воспоминаний? Впрочем, пару попыток я сделал. И всякий раз думал о войне и о тех, кто не вернулся. А думать об этом бессмысленно. Вы правы: самое главное — это

быть. Прошлое ведь в действительности не существует. Зачем же к нему возвращаться?

Самолет все уменьшался в голубом небе и стал теперь всего лишь маленьким белым пятнышком. Джо проводил его взглядом. Курс на Париж. Нет, на Амстердам. До самого конца своей жизни он будет точно знать, в каком направлении летят самолеты из Лондона. Он знал каждый курс, он летал в ту сторону днем и ночью бесконечное количество раз, по всем направлениям, идущим из Англии. Он перевел взгляд на шоссе и заметил, что Сара наблюдает за ним, насколько это позволяло управление автомобилем. «Ягуар» снова ускорил бег. Джо взглянул на спидометр — шестьдесят миль. Хорошая скорость для такой оживленной магистрали. Сара одной рукой держала руль, а другую протянула к нему.

— Передайте, пожалуйста, сигареты. Они в тайничке перед вами.

Он открыл тайничок и с удивлением увидел пачку голубых «Галло».

— Эти?

— Да. Возьмите, пожалуйста, одну и вложите мне в губы. На шоссе порядком транспорта, и я не хотела бы врезаться вместе с вами в дерево. Подайте мне еще зажигалку.

Джо сделал все, о чем она просила, — вынул тлеющую раскаленным концом зажигалку и приложил к сигарете Сары.

Теперь автомобиль мчался еще быстрее.

Алекс, который не любил слишком быстрой езды, почувствовал себя немного неуютно, но понадеялся, что Сара этого не заметит.

— Что вы будете играть осенью?

— Еще не знаю, но почти наверняка в «Орестее» Эсхила.

— Кассандру?

— О Господи, конечно же нет! — рассмеялась она. — Зачем мне играть эту плаксивую корову!?

— Но ведь не Клитемнестру?

Вместо ответа она нажала на педаль газа и продекламировала:

— *«И вот стою я перед вами. Исполнено деяние мое!*

Свершилось, наконец, веление судьбы: удар нанесен,

и теперь открыто и бесстрашно скажу вам, как погиб он.

Сперва я плотной тканью укутала его, как сетью...»

Она резко затормозила. Джо заметил, как побелели ее пальцы, крепко сжимающие руль. Автомобиль с визгом проехал немного вперед, потом его сильно занесло. Всего в одном шаге от передних колес, посреди шоссе, стояла маленькая двухлетняя девочка и, закрыв лицо ручками, плакала, не отдавая себе отчета в том, что лишь доли секунды решали, остаться ли ей среди живых. Сара выскочила из машины. Джо последовал за ней. Он увидел бегущую со стороны дома молодую женщину в белом переднике.

— Элизабет! — кричала женщина. — Элизабет!

Сара взяла малышку за руку и отвела к дорожке, ведущей в сторону дома. Мать подхватила ребенка на руки.

— О Господи, — прошептала она, — я все видела из окна... Как же она открыла эту калитку?..

— В следующий раз будет лучше, если вы зададите себе этот вопрос раньше, потому что может случиться так, что Элизабет уже никогда больше не откроет никакой калитки. Я бы велела вашему мужу побить вас, если бы он был здесь. Но он, вероятно, сейчас работает и не знает, что его жена — идиотка. Заберите этого ребенка и немедленно займитесь калиткой, чтобы он не мог ее открыть. Вы поняли?

— Да, — пролепетала женщина. — Конечно... Простите... — Она повернулась и быстро направилась к дому, держа на руках Элизабет, кото-

рая перестала плакать и глядела большими светлыми глазками на женщину, отдающую приказы.

Сара вернулась к автомобилю.

— Это была бы моя вина, — пробормотала она, — я ехала восемьдесят миль в час. Но я ей здорово всыпала. Держу пари, что теперь она будет запирать эту калитку на сто задвижек!

Они поехали. Алекс, все еще переживая недавнее событие, глянул на Сару, молча ведущую машину.

Вдруг Сара рассмеялась. Заметив его удивленный взгляд, она сказала:

— Это я над вами! У вас было такое забавное лицо... Вы так учтиво слушали, когда я стала декламировать. И вдруг — тра-а-ах... Вы даже не смотрели на шоссе — вы смотрели на меня!

— И вы действительно заметили все это и успели затормозить, чтобы не сбить девочку?

— Разумеется. А мне ничего больше и не оставалось, кроме как изо всей силы жать на тормоз и крепко держать руль, чтобы нас не выбросило в кювет. Впрочем, я знала, что собою этого ребенка, если не будет иного выхода. При такой скорости я не могла рисковать тем, что мы влетим в ров. Но вы смотрели на меня. Это, пожалуй, самый лучший комплимент, который достался мне за всю жизнь.

Автомобиль снова увеличил скорость. Сара спокойно сидела за рулем и слегка улыбалась. Алекс не ответил. Он смотрел на нее.

— О чем мы говорили? Ах да, я декламировала Клитемнестру. Именно ее я хочу сыграть. Я уже много лет наизусть знаю эту роль. Очень красивая история: она убивает мужа, а затем бесстыдно, гордо и спокойно выходит к народу, чьего короля лишила жизни, и заявляет, что отныне будет царствовать вместе со своим любовником. Великолепная женщина. И я сыграю это отлично! Приходите — сами убедитесь! — На секунду отпустив руль, она хлопнула в ладоши, как ликующий ребенок, и воскликнула: — Сейчас будет Брайтон! Сегодня мы едем довольно быстро. Объедем город с запада. Там дорога немного хуже, но короче.

Алекс, который как раз подумал, что сейчас он проедет через город, в котором год назад был с Каролиной, облегченно вздохнул, когда перед первыми домами они свернули направо и поехали медленнее.

— Много людей сейчас в Саншайн Мэнор? — спросил Джо, осознав вдруг, что он еще ни разу не поинтересовался Иэном и его гостями.

— Иэн, Гарольд... то есть мистер Спарроу, которого вы, кажется, знаете?

— Нет... — покачал головой Джо. — Не имел удовольствия. Я знаю его лишь по рассказам Иэна во время того нашего обеда в прошлом году.

— Это очень симпатичный человек, — равнодушно сказала Сара, — а его жена, Люси Спарроу, моя лучшая подруга. Это замечательная девушка! Вы ведь о ней наверно слышали?

— Она хирург, да?

— Да. Гениальный нейрохирург. О ней говорят, что она не оперирует, а творит. Очевидно, она родилась с этим талантом, потому что уже во время учебы получила массу наград и премий. Ее операции посещают все наши знаменитости, а с континента приезжают седые, бородатые профессора. У нее даже свой собственный метод проведения операций. Подумайте только — какая это замечательная профессия: работать внутри человеческого мозга! Кроме того, она бессмысленно красива. Бессмысленно, потому что ведь в ее профессии это совершенно не нужно. Я хотела бы выглядеть так, как она. У нее все данные молодой королевы. Она и выглядит, как молодая королева, когда встает утром с постели или играет в теннис. Она ест горошек, как молодая королева, и моет руки, как молодая королева. Сколько

я на нее ни смотрю — не нахожу другого определения. Если б вы знали, как много труда я вкладываю, чтобы выглядеть на сцене, как особа из хорошей семьи, а тем более, как королева, то поняли бы, почему я так много об этом говорю. Кроме того, она мила, остроумна, начитанна и холодна как сталь. Прямо восьмое чудо света!

— Мистер Спарроу должен быть очень счастлив, имея такую жену, — рискнул заметить Джо.

— Что? — она взглядывалась в шоссе, бегущее теперь мимо шеренги старых деревьев. — Наверно! — Она вдруг оживилась, — О! Смотрите — море! — Далеко впереди Джо увидел огромную темно-голубую поверхность, которая как бы наклонно поднималась к горизонту. Сара нажала на педаль газа.

— «Наша огромная, нежная мать...» — процитировал Алекс.

— Это Джойс, — улыбнулась она. — Единственный писатель, которого я могу читать без перерыва. Ох, простите... вы ведь...

— Ну что вы, не будем об этом говорить. — Алекс смотрел на приближающееся море, которое медленно опускалось перед капотом автомобиля и становилось все более плоским. — Я не писатель и никогда им не буду. Ремесло, которым я занимаюсь, выбрано лишь потому, что оно позволяет мне вставать утром, когда захочется, не вскакивать, увидев директора, и зарабатывать столько, сколько нужно для того, чтобы жить удобно, много читать и при желании путешествовать. И это все. Однако мы говорили о ваших гостях...

— Есть там еще ассистент Иэна, Филипп Дэвис, красивый молодой парень, который вместо того, чтобы бегать за девушками или позволить девушкам за ним бегать, окончил химический факультет и теперь работает как лошадь, с утра до ночи. Он боготворит Иэна, а кроме того, составляет шахматные задачи. Думаю, что он тайно влюблен в Люси. Но я также думаю, что все мужчины должны влюбляться в нее более или менее тайно. С вами это тоже может случиться.

— Не думаю, — сказал Алекс и тут же добавил: — Хотя я ничего не имел бы против. Я хотел бы кого-нибудь полюбить.

Теперь они выехали на приморскую автостраду, бегущую вдоль обрывистого берега. Слева, внизу, в двухстах футах под ними, шумело море. Издали виднелись белые гребешки волн, направляемых косым ветром в сторону белых меловых скал. Шоссе вошло в тоннель, и минуту они сидели в темноте, разреженной лишь мельканьем убегающих назад ламп, расположенных вдоль стен. Впереди сверкала яркая арка, которая все увеличивалась, и наконец, они снова вылетели на дневной свет.

— А с вами этого еще никогда не случалось? — в голосе Сары прозвучал явный интерес.

— Нет. То есть, несколько раз мне казалось, что это так, но в конце концов выяснялось, что я дорожу этим значительно меньше, чем хотелось бы.

— А вам хотелось бы, чтобы вы этим дорожили?

— В определенном возрасте мужчина ищет любви. Позже это проходит.

— Вы так полагаете? — Они миновали уже второй маленький городок. — Шорхэм... — с грустью сказала Сара. — Я была здесь когда-то с моим первым женихом. И тогда у меня были те же иллюзии, что и у вас. — Она вдруг рассмеялась. — Ну и лгуны же мы с вами! Ведь человек всю свою жизнь с того момента, когда начинает осознавать, и до того мгновения, когда перестает чувствовать, видеть и слышать, не занимается ничем другим, кроме поисков любви! Вы, я, все люди в этом городке, да и во всем мире — мы все ищем, ошибаемся, падаем, встаем и снова ищем, пока у нас хватает сил, пока мы живы. Нет такого возраста, в котором это проходит.

И не надо иллюзий. Только любовь связывает нас с истиной. Только любовь позволяет нам быть писателями, актерами, вождями, столярами и бороться за то, чтобы добиться большего, чем у нас есть. Без нее мы ничего не значим и даже сами себе не нужны. А вот и Мэлсборо! Сейчас будем дома!

Алекс молчал. Маленький городок, красивый и утопающий в садах, построенный вокруг небольшого готического храма с древней каменной башней, состоящий из домиков, стены которых крест-накрест пересечены дубовыми досками, помнящими еще времена Тюдоров, приближался, поблескивая вывесками небольших, чистеньких магазинчиков.

— А что, старик Мэлахи Ленеган все еще присматривает за своими розами? — спросил Джо. — Я познакомился с ним во время войны, когда проводил отпуск после ранения в гостях у Иэна. Мы тогда оба были контужены, он, наверно, рассказывал вам об этом?

— О том вашем прыжке с горящего самолета? Да, он говорил о нем так, будто выпрыгнул в сад из окна первого этажа. Кажется, тогда еще осколок зенитного снаряда пробил ему руку? Вы прыгали ночью, правда? И был еще с вами кто-то третий?

— Бен Паркер, — сказал Алекс.

— Вы с ним видитесь?

— Иногда...

— Иэн говорил мне, что он теперь инспектор Скотленд-Ярда. Вроде бы... — Она поколебалась. — Вы спрашивали о старом Мэлахи. Да, он такой же, как всегда... Я люблю его, и мне кажется, что он тоже когда-нибудь меня полюбит...

Вдруг она резко затормозила.

— Господи! Хорошо, что вы мне напомнили!

Она развернулась на месте, задев покрывками тротуар, и помчалась обратно в Мэлсборо.

— Что случилось? — спросил Алекс.

— Табак! — Она затормозила перед ближайшей лавочкой. — Выйдите, пожалуйста, вместе со мной и помогите мне выбрать табак для него. Меня не было дома две недели. Не люблю приезжать с пустыми руками.

Они вошли. Джо попросил завернуть большую голубую пачку «Медиум плейерс» и купил от себя хорошую, простую трубку.

— Подождите, пожалуйста, меня еще минуту возле машины, — попросила Сара и быстро зашагала вверх по улице.

Он смотрел на ее маленькую, удаляющуюся легким, упругим шагом фигурку, и к своему изумлению, подумал: неужели она и в самом деле сбила бы ту девочку... Он знал, что сам бы свернул обязательно, даже на самой большой скорости, если б только успел. Ведь всегда есть шанс спастись. А у ребенка, которого на такой скорости ударит машина, — нет...

Он увидел Сару. Она вышла из магазина с двумя одинаковыми свертками в руках.

— Это для девушек, — сказала она, — для Кейт и Норы. Для Кейт светло-голубой ситец, она молоденькая и у нее золотистые волосы, а для Норы серый с белыми цветочками. И на ярд больше, потому что Нора в последнее время жутко растолстела. Это наша кухарка. А Кейт — горничная. Ну вот, теперь все.

Они снова поехали.

— Вы действительно переехали бы ту девочку, если б не удалось затормозить? — спросил Джо.

— Да. На такой скорости «ягуар» не удержался бы при резком повороте. Не было места. Мы влетели бы в ров, за которым через каждые пять ярдов дерево. В одно из них мы бы угодили. И тогда, вероятнее всего, мы оба погибли бы. Я не имею ни права, ни причины ценить жизнь чужого

ребенка выше, чем мою и вашу. Но я сделала все что могла, чтобы этого не случилось.

— Но ведь вы ехали с превышением скорости.

— Причиной несчастного случая было бы не превышение скорости, а отсутствие присмотра за ребенком.

Алекс не ответил. Некоторое время они ехали молча.

— Хоть в глубине души вы разочарованы, что я не выгляжу рыцарем без страха и упрека, но сами знаете, что я права. Взявшись вести эту машину, я приняла на себя обязательство охраны наших жизней в той же степени, в какой эта мать, рожая ребенка, приняла на себя обязательство заботы о нем. У меня был только один выход: сделать все, чтобы спасти ребенка, не убив при этом вас и себя. Однако не будем об этом... — Она неожиданно рассмеялась. — Между мужчинами и женщинами есть определенная фундаментальная разница: мы никогда не анализируем того, чего не случилось. Мы приехали.

Автомобиль замедлил ход и свернул на узкую асфальтовую дорогу, ведущую к расположенной на берегу моря большой группе деревьев.

Шоссе здесь отклонялось на север, огибая имение широкой дугой; внутри этой дуги находились парк и дом, стоящий фронтоном к парку, а тыльная его часть была обращена к обрывистому берегу, от которого его отделял большой двор, окруженный каменной балюстрадой. «Ягуар» проехал в распахнутые ворота, возле которых с наружной стороны Джо заметил небольшую туристическую палатку, поставленную на траве под могучим, ветвистым дубом. Они медленно въехали в широкую аллею, Сара нажала на клаксон и, не снимая с него пальца, подъехала к самому дому, непрерывно сигналив.

— Я всегда так делаю! — воскликнула она. Ее глаза светились радостным темным блеском.

Они остановились перед низкой террасой, на которую выбежала женщина в белом платье, а за ней высокий светловолосый мужчина в белом пиджаке. Джо узнал в нем Иэна Драммонда. Не говоря ни слова, Сара открыла дверцу, взбежала на террасу и повисла на шее у своего мужа.

IV. Джо Алекс находит убийцу

Первой мыслью Алекса, когда он вышел из автомобиля и начал подниматься по широким ступеням на террасу, было яркое и острое воспоминание о том дне, когда он с рукой на перевязи и забинтованной головой однажды поздним вечером высадился из зеленого джипа, принадлежавшего Королевским военно-воздушным силам, и вместе с Драммондом и Паркером остановился перед этим домом. Только по узеньким полоскам света, проникавшим сквозь щели в плотных шторах, они могли тогда убедиться, что дом по-прежнему обитаем. Это было пятнадцать лет назад... нет, точнее, шестнадцать. Тогда шел дождь, резкий и косой, подгоняемый налетавшим с моря штормом. Не только этот дом, но и вся Англия была в то время погружена во тьму. Над островом бушевала гроза войны, и каждую ночь эскадры с черными крестами тянулись с континента, неся на Англию свой смертоносный груз.

А сейчас светило солнце, и война осталась так далеко, что казалась лишь сюжетом давно просмотренного фильма. Теперь она стала какой-то нереальной, и она, и все павшие на ней. Дом с того дня почти не изменился. Зато изменился Иэн Драммонд. Теперь он уже не был тем молоденьким стройным офицером, он стал гражданским в полном смысле этого слова: высокий, румяный, светловолосый и слегка расплывший, он стоял сей-

час в белом пиджаке и прижимал к себе хрупкую темноволосую девушку, которая что-то оживленно рассказывала ему, не обращая внимания на присутствующих. Эдакий добродушный, милый англичанин, около сорока, довольный жизнью, уверенный в себе и порядочный, идущий без колебаний однажды избранным путем. Лишь очень высокий лоб и слегка рассеянные, глядящие вдаль, умные глаза могли подтвердить предположение, что это человек определенно незаурядный — ас в своем деле.

Алекс поднялся на верхнюю ступеньку террасы. Драммонд деликатно освободился из объятий Сары и протянул ему руку.

— Ты не меняешься! — сказал он. — Я скоро стану толстым, морщинистым стариком, а ты, Джо, по-прежнему будешь выглядеть как подпоручик. Хорошо, что ты приехал! — Он обернулся и воскликнул: — О, прости, Люси! Познакомьтесь! Вот это и есть тот самый Джо Алекс, рассказами о котором я надоедал вам, как только вы позволяли мне вспоминать о войне! А это — Люси Спарроу, жена моего друга и коллеги по работе... ну и к тому же, превосходный врач. Наверняка Сара рассказала тебе о ней по пути.

— Разумеется! — сказала Сара. — Я насплетничала о вас всех, включая и тебя. Мы ведь представляем собой довольно занятную группу. А может, это только нам самим так кажется?

Джо пожал загорелую женскую руку с длинными сильными пальцами. И только потом посмотрел Люси в лицо.

Сара была права. Он увидел перед собой высокую, стройную молодую женщину с волосами настолько светлыми, что казались почти белыми. Большие серые глаза, которыми она взглянула на Алекса, были умными и спокойными, но одновременно неуступчивыми, и в них таилось еще что-то, что он назвал бы кроткой гордостью. Будто они знали, что Люси Спарроу всю свою жизнь делает только то, что считает достойным и правильным, и потому не видели причин, по которым она должна была бы их прятать или отводить в сторону. Овальное лицо с немного выступающими скулами было завораживающе красивым, и казалось, его изнутри освещало сияние, подобное тому, какое можно увидеть на портретах задумчивых женщин Вермеера.

— Очень рада с вами познакомиться, — сказала она звучным, мелодичным голосом и улыбнулась. Джо увидел при этом два ряда столь неправдоподобно красивых зубов, что с трудом оторвал от них взгляд. — В рассказах Иэна вы представляетесь чем-то средним между Святым Георгием и Дон Кихотом нашей авиации, — в ее глазах мелькнул веселый огонек. — Вы это подтверждаете?

— Конечно! — Джо Алекс склонил голову. — Чем лучше о нас говорят, тем лучше. — Лишь теперь он смог окинуть взглядом всю ее фигуру. Она была одета в простое, белое ситцевое платье, а ее стройные обнаженные ноги были обуты в сандалии, застегнутые большими деревянными пряжками голубого цвета. Никакого цветка, никакой косынки, только маленький рубиновый кулон на тонкой цепочке сверкал в вырезе платья на слегка загорелой нежной шее. Когда она шевельнулась, рубин блеснул темно-красным пламенем и угас.

— Разве я не говорила?! — сказала Сара, которая стояла рядом с ними, держа Иэна под руку. — Она совершенно необыкновенна!

— Сара, умоляю... — легкий румянец покрыл щеки Люси Спарроу. — Я прошу тебя, дорогая...

— И подумать только, — рассмеялся Иэн, — что взрослые люди позволяют этой девчонке вырезать целые куски из единственного инструмента, который Господь дал им для размышлений! Ну что ж, если мы не можем этому помешать, пошли, по крайней мере, наверх. Я покажу тебе твою

комнату. Вещи оставь в машине. Сейчас их возьмет Кейт, — он указал на молодую полнощековую горничную, одетую в черное платье и белый чепчик, которая появилась в дверях и сделала радостный книксен перед Сарой.

— Большое спасибо! — Алекс вернулся к машине и поставил на землю сперва чемодан Сары, а затем все свое имущество. — Если можно, мисс Кейт, возьмите только папку и пишущую машинку, а с чемоданами я сам справлюсь.

Но Иэн уже подхватил большой чемодан и папку, так что Алексу осталось лишь взять машинку и второй чемодан. Они стали подниматься по лестнице к входной двери, и прежде чем вошли в холл, Алекс обернулся.

— А чья это пишущая машинка? — спросила Люси, стоя на террасе и продолжая разговор с Сарой, которая собиралась снова сесть в автомобиль. — Святого Георгия или Дон Кихота?

— Дракона и Санчо Пансы.

Люси тряхнула головой.

— Настоящая дама ничего не понимает в машинах и убеждена, что их выдумали мужчины, чтобы иметь достаточное количество гаек, которые можно откручивать и закручивать в свободные воскресные вечера. Я, например, не разбираюсь ни в каких машинах, даже пишущих.

— О Господи, — сказала Сара, — в таком случае я поскорее загоню мою машину в гараж и больше не буду о ней вспоминать. — Она помахала рукой, села за руль и захлопнула дверцу.

Люси медленно поднималась по ступеням, направляясь к каменной балюстраде над обрывом.

— Пошли, — сказал Иэн, — если ты, конечно, можешь оторвать взгляд от этой молодой дамы.

— Могу, — Алекс вошел в прихожую. Это был огромный светлый холл, оставшийся, вероятно, со времен, когда Саншайн Мэнор был оборонным средневековым владением, и еще не подвергся всем тем преобразованиям, к которым новые веяния моды и меняющиеся условия жизни вынуждали очередных его владельцев. Холл пронизывал дом навывлет, разделяя его на две части, и заканчивался большой, застекленной и зарешеченной мастерским узором двустворчатой дверью, сквозь которую виднелись деревья главной аллеи парка, лежащей на той же оси. Посреди одной из стен находился огромный камин, обложенный каменными плитами и украшенный родовым гербом Драммондов. Рядом с камином куда-то направо вверх вела узкая лестница. Следуя за Иэном, Алекс силился припомнить, куда же эта лестница ведет. Словно сквозь туман, он помнил лишь темные резные балки потолка коридора и надпись на одной из них: *Чти Господа под этой крышей, и она никогда не рухнет на твою голову — год 1689...* Или, может, 1699-й?.. Они миновали поворот. Джо глянул вверх.

— Восемьдесят девятый! — сказал он вслух. — Значит, не забыл!

Иэн обернулся.

— Будешь жить в той же комнате, что и тогда. Я подумал, что тебе будет приятно снова там оказаться.

— Это та, слева?

— Да.

Они поднялись на второй этаж и остановились у наружной двери. Во всю длину дома тянулся узкий, темный коридор, освещенный лишь двумя небольшими окнами, расположенными с обоих его концов. Алекс глубоко вдохнул. У дома был свой аромат. Этот аромат сразу вернулся к нему вместе с остальными воспоминаниями. То была смесь запахов пасты для пола, старой увядшей лаванды, сухого дерева и еще какой-то неуловимой примеси, которую он готов был назвать ароматом веков, чем-то, что остается от многих поколений людей, живших под одной крышей, от их одежды,

домашней утвари, оружия, ковров, картин, цветов, увядших много веков назад, и лекарств с названиями, уже забытыми современной медициной.

Иэн открыл дверь, пропустил Алекса вперед, потом вошел следом и поставил чемодан на пол.

— Даже часы все те же, — сказал Джо. — И точно так же, как тогда, не идут. Я, помню, завел их, и потом они били каждую четверть часа. Такой приятный мелодичный бой, как у музыкальной шкатулки.

Он осмотрелся. Над кроватью висела картина, изображающая джентльмена на коне, пересекающего ручей в погоне за лисой. Всадник был одет в красный охотничий фрак, рядом мчались, свирепо лая, борзые псы. Джо вспомнил, как, лежа в постели и разглядывая эту картину в последнюю ночь перед возвращением в эскадру, он размышлял о своем будущем. Он не верил в то, что увидит окончание войны. Тогда он вообще не мог себе представить, что война закончится. Шел год тысяча девятьсот сороковой, и это было время, когда крыши рушились на голову даже тем, кто свято чтит Господа.

— Боже мой, как все это давно было, Иэн... — сказал Джо, и они глянули друг на друга, улыбаясь с чувством той легкой неловкости, которую испытывают взрослые мужчины, когда вдруг становятся сентиментальными на трезвую голову.

— Да... — Иэн покивал головой. — Но хорошо, что уже закончилось. Ладно, оставляю тебя одного. Примерно через час будет ланч. Познакомись со Спарроу и молодым Дэвисом, моим ассистентом. Они не встречали вас, потому что заняты в лаборатории. Я тоже иду туда. Если тебе что-нибудь понадобится...

— ...то здесь есть звонок для вызова службы! — перебил Алекс, указывая на скрытую за спинкой дубовой кровати кнопку. — Я помню.

Иэн молча улыбнулся и вышел, тихо закрыв за собой дверь. Алекс еще некоторое время стоял посреди комнаты, осматриваясь. Потом начал неторопливо распаковывать свои чемоданы. Управившись с этим и умывшись с дороги в маленькой, примыкающей к комнате ванной, выложенной старинным голубым кафелем с изображением греческих богов, одетых в костюмы голландских мещан восемнадцатого века и разыгрывающих сцены из «Метаморфоз», он вернулся в комнату и уселся в удобном кресле за маленьким столом, на который поставил свою пишущую машинку, и открыл ее. Он испытывал странное чувство, будто его в полном сознании погрузили в какой-то давно снувшийся сон и велели еще раз заново пережить все то, что уже прошло и закончилось. Он даже ощущал то же самое беспокойство, которое непрерывно мучило его тогда и в котором в те времена он не признавался даже самому себе. Тогда он боялся. Он боялся той минуты, когда снова вернется в эскадру и с наступлением ночи выйдет вместе с другими пилотами на затемненный аэродром, и зашагает к почти невидимой цепочке стоящих там тяжелых боевых машин. Одна из них снова поднимет его в жуткий мир блестящих, как ножи, прожекторов, тихого хруста осколков рвущихся рядом зенитных снарядов и страха перед ночным истребителем, который невидимо приближается в темноте, как приближается молодая летучая мышь к большой, толстой и неповоротливой ночной бабочке. Со временем это прошло. Он даже забыл об этом страхе. И вот сейчас он сидел, крепко сжав пальцами подлокотники кресла, и ждал, когда часы пробьют шесть раз. Именно в шесть часов должен был тогда заехать за ними джип из военно-воздушной базы.

Джо невольно взглянул на циферблат. Но часы молчали. Алекс встал и подошел к ним. Часы были старинные, темно-золотистые, а за стеклянной дверцей находился маятник в виде солнца с лицом девушки, развевающиеся волосы которой были его лучами. Выше, на белом диске, находились

строгие римские цифры, нанесенные голубой эмалью. На самом верху взлетал в небо золотистый крылатый юноша с прижатой к губам длинной тонкой трубкой. В нижней части циферблата стояла надпись: «I. Godde a Paris». Алекс открыл часы, сунул палец под маятник и нащупал большой железный ключ. Когда он заводил часы, их механизм тихонько урчал. Джо легонько тронул пальцем лицо-солнце. Маятник качнулся, и раздалось негромкое мерное тиканье. Джо взглянул на свои наручные часы. Без десяти двенадцать. Он установил на соответствующее время стрелки настенных часов, еще раз окинул взглядом комнату и вышел.

Ланч подавали на террасе со стороны парка. У стола стояла Сара, казавшаяся сейчас выше и стройнее в серой юбке, белой блузке и туфлях на высоких тонких каблуках. Она составляла в большой вазе композицию из цветов и беседовала с круглолицей Кейт, которая как раз принесла поднос с бутылками. Саре помогал высокий молодой человек, и Алекс догадался, что это Филипп Дэвис. У него были темные, коротко стриженные и гладко зачесанные назад волосы, небольшие усики и приятные голубые глаза. Филипп без сомнения был привлекательным молодым человеком, хотя сразу было видно, что сам он об этом не очень заботился. Из нагрудного кармана серого фланелевого пиджака торчали четыре карандаша, а галстук, как сразу заметил Алекс, был отвратительно неумело завязан в грубый, бесформенный клубок, который трудно было назвать узлом.

— Познакомьтесь, — сказала Сара, взяв у Филиппа две белые розы. — Это мистер Дэвис, сотрудник Иэна, а это — мистер Алекс, который любит детей и не любит женщин, управляющих автомобилем.

Алекс пожал руку молодому человеку.

— Я люблю и женщин, и детей, и автомобили, — сказал он негромко, — но все они требуют заботы. Правда, хорошо разбираюсь я только в автомобилях.

— Да-да, конечно, — Сара насмешливо помахала розой, которую держала в руке. — Не думайте, что Иэн рассказывал мне только о ваших воздушных приключениях. Мы о вас многое знаем...

— Так значит, вы тоже принимали участие в том знаменитом налете на Пенемюнде! — с уважением сказал Филипп. — Я читал об этом, а мистер Драммонд рассказывал нам когда-то, как это происходило. Вы пилотировали тогда бомбардировщик?

— Да.

Иэн Драммонд показался в дверях:

— Он тогда пилотировал и восемь раз выводил нас на цель. Мы никак не могли пробиться сквозь заслон зениток и истребителей, и целых два часа болтались над Балтикой. Помнишь... мы тогда увидели огни Швеции. Это было совсем как в сказке. Во всей Европе не горела ночью ни одна лампочка, а тут вдруг мы еще издали увидели освещенные города, неоновые рекламы на улицах и свет фар автомобилей, мчащихся по шоссе... Пожалуй, это была наихудшая ночь в моей жизни...

Иэн подвинулся, пропуская мужчину, которого Алекс еще никогда не видел.

— Мистер Спарроу, — представила Сара, — счастливый обладатель нашей прекрасной Люси.

Спарроу, будто не слыша, подошел к Алексу и подал ему руку. Это была большая, тяжелая рука с короткими, широкими пальцами. Алекс произнес несколько любезных слов, а когда Спарроу подошел к Драммонду и что-то негромко сказал ему, присмотрелся к этому человеку. Гарольд Спарроу был невысоким, но атлетически сложенным мужчиной с очень широкими плечами. Если бы не очки, его можно было бы принять за борца-тяжеловеса. Из-под этих очков смотрели пронизательные светлые глаза, оттененные

темными бровями. Вероятно, он был немного старше Драммонда. Глядя на него, Алекс подумал, что, пожалуй, мало есть вещей, которых этот человек не получит, если очень захочет. Вся его внешность выражала решительность, уверенность в себе и волю.

Со стороны парка приближалась Люси в том же белом платье, в котором Джо увидел ее впервые.

— Прошу всех за стол! — Сара кивнула стоящей в дверях горничной. — Я уверена, что все очень проголодались. Когда светит солнце, у людей улучшается аппетит. Не так ли, Люси?

— Медицина ничего об этом не говорит. Но, похоже, это верно. Однако я не хочу вспоминать о своей профессии. Послезавтра у меня очень сложная операция.

— А разве у нейрохирургов бывают простые операции? — спросил Драммонд, потянувшись к салату.

— Да. Но эта будет сложной. — Люси умолкла.

— Ну, расскажи, — Сара отложила нож и скрестила пальцы рук. — Всякий раз, когда ты говоришь об этом, я чувствую себя беззащитной. А это очень и очень приятно — быть беззащитной хоть пару минут.

— Сама операция наверняка бы вас не заинтересовала, — Люси рассмеялась, однако нервно прикоснулась к рубиновому кулону. — Операция — это несколько людей, одетых в белое, и один человек, который спит и не знает, что с ним происходит. Никто, кроме хирурга, который оперирует и атакует болезнь, затаившуюся внутри живого, беззащитного человека, не знает, чего это стоит. Однажды я передала ланцет ассистенту и упала возле операционного стола. Меня полчаса приводили в чувство. К счастью, теперь я уже так не волнуюсь. Но вначале я иногда впадала в панику. Это самое страшное для хирурга. Идет операция, дорога каждая секунда, а тебя вдруг охватывает ужасное предчувствие, что ты заблуждаешься, что вот сейчас у тебя дрогнет рука и что в самый ответственный момент ты промахнешься на сантиметр или даже на миллиметр, что часто одно и то же, — и больной не проснется... — Люси говорила все это совершенно спокойно.

Алекс быстрым взглядом окинул присутствующих. И хотя они сидели под лучами яркого солнца в летний полдень, за накрытым столом, среди клумб с распустившимися цветами, все выглядели так, будто ничего этого не замечали. «Люди всегда слушают такие истории очень сосредоточенно... — мимолетно подумал Джо, — потому что знают: в любой момент это может случиться и с ними, и они могут оказаться на том столе. Они хотят знать, о чем думает врач в такие минуты». Он заметил, что Спарроу смотрит на свою жену с явной гордостью. Вторым человеком, который не сводил с Люси глаз, был юный Филипп Дэвис. Казалось, он воспринимал каждое ее слово как божественное откровение. Этот точно влюблен, даже не рассчитывая на взаимность. Алексу вдруг стало жаль этого парня, и как обычно бывает в таких случаях, он ощутил к нему невольную симпатию.

— Это женщина, — продолжала Люси, положив на тарелку ломтик ветчины с блюда, которое подал ей Драммонд. — До недавнего времени она была самой нормальной женщиной в мире. У нее муж и маленький ребенок. К счастью, она начала не с ребенка, потому что в этом случае у нее бы, вероятно, получилось... Однажды, когда муж вернулся с работы, она бросилась на него с кухонным ножом. Ему удалось ее обезоружить, а соседи, вбежавшие в их квартиру на его крики, вызвали врача. Ее доставили в психиатрическую клинику, ибо налицо были все признаки безумия. К вечеру женщина пришла в себя. Она ничего не помнила и ничего не понимала. К ней допустили мужа, соблюдая, разумеется, все меры предосторожности. Они очень любят друг друга, и оба были в отчаянии. На следующий день, когда в комнату вошел санитар, приступ повторился снова. Она бросилась

на него, кусая, пиная и издавая нечленораздельные возгласы. Потом снова все прошло. Ее начали обследовать. Диагноз был все еще неясен, когда она попала ко мне. По некоторым причинам я искала как раз такой случай, потому что мне казалось... — Она умолкла и снова машинально коснулась своего кулона. — Но не в этом дело... У нее небольшая, доброкачественная опухоль, которая давит на мозг. Еще двадцать лет назад она была бы обречена на пожизненное заключение в психиатрической клинике. К сожалению, опухоль атаковала участок мозга, до которого очень трудно добраться... У этой милой, симпатичной женщины прелестная четырехлетняя дочь... Муж в полном отчаянии... Я очень хочу, чтобы мне это удалось... К сожалению, это тот случай, когда есть только «да» или «нет». Либо операция пройдет удачно и пациентка выздоровеет, либо она умрет на операционном столе. Шансы на успешный исход примерно пятьдесят на пятьдесят. Но эти люди мне верят. Муж подписал согласие на проведение операции. Она тоже хочет этого, независимо от последствий. Впрочем, я не удивляюсь — ей, должно быть, очень страшно, когда вот так внезапно она теряет рассудок. К тому же опухоль и так постепенно привела бы к параличу некоторых нервных центров, а потом, очевидно, и к смерти.

— Тогда почему «доброкачественная»? — спросила Сара. — Не является ли такой термин несколько издевательским по отношению к этой несчастной женщине?

— Доброкачественной называется опухоль, которая после удаления не возрождается снова. Однако довольно об этом.

— Хорошо, — рассмеялась Сара. — Я тебя понимаю. Ты думаешь о том же, о чем и я, когда меня спрашивают: «Что вы чувствуете, играя леди Макбет, когда, стоя среди ночи, вслушиваетесь в крик убитого вами мужа?» Иногда я думаю о спектакле, а иногда о новом платье, которое портниха не успела мне сшить. Для нас операция — это экзотика, чуждый и поразительный мир внутри человеческого тела. А для тебя это как бы важный теннисный матч, где надо полностью сосредоточиться и напрячь все силы, чтобы победить.

— Ну, не совсем... — Люси улыбнулась. — Но раз уж мы заговорили о теннисе, может, сыграем сегодня, если ты не устала? Из трех молодых людей, которые до сих пор составляли мне здесь компанию, ни один не играет в теннис.

— Я играю! — возразил Драммонд.

— Но у тебя для этого никогда нет времени, что одно и то же.

— Сразу после ланча — нет, — покачала головой Сара. — Я должна часик полежать. Можем сыграть в два, согласна?

— Вполне!

Подали кофе. Драммонд и Спарроу беседовали вполголоса. Из обрывков фраз Алекс понял, что они говорят об одном из своих последних экспериментов. Филипп прислушивался к их беседе, но было видно, что он обращает больше внимания на то, о чем говорят женщины, которые втянули Алекса в разговор, спросив его мнение о последней повести Франсуазы Саган.

Наконец Сара встала.

— Иэн, — спросила она, — после ланча вы снова будете работать?

— Нет, — покачал головой Драммонд. — По крайней мере не я. Ты же знаешь, что я никогда не работаю после ланча. С утра до полудня и с девяти вечера до полуночи. Зато Гарольд... — он указал на Спарроу, — будет один мучиться над головоломкой, которую мы сами для себя придумали, а теперь не можем найти решения. После ужина я его сменяю.

Спарроу молча покивал головой.

— Я останусь с вами, — придвинулся к нему Филипп Дэвис. — Я тут размышлял немного над уравнением «С» и... — он понизил голос. Спарроу

неожиданно ласково обнял его за плечо и, внимательно слушая, удалился вместе с молодым человеком вдоль террасы, бросив всем коротко: — Простите, дела.

— Надо и мне немного полистать свою литературу, — сказала Люси. — Я получила с утренней почтой целый ворох медицинских журналов, и если я сегодня же не просмотрю их, то они покроются пылью, как сотни предыдущих. — Она положила руку на плечо Сары. — Пошли, если ты всерьез хочешь накопить силы перед нашим матчем. Сегодня тебе не удастся выиграть, я уверена!

— Посмотрим! — Сара сложила руки, как боксер, выходящий на ринг, и подняла их над головой. — Я буду сражаться, как львица за своих львят. — Она помахала рукой мужчинам. — Через час можете найти меня на корте, если пожелаете.

Они вошли в дом. Алекс вынул из кармана сигареты и угостил Драммонда.

— По-прежнему «Голд Флейк»? — спросил Иэн. — Знаешь, и я тоже курю их с той поры. — «С той поры» — это, разумеется, со времен их военной жизни, когда сигарет было мало, всего три сорта, из них «Голд Флейк» считался лучшим.

Они закурили и двинулись вокруг дома к террасе у моря.

«Где же этот американец?» — подумал Алекс и сказал:

— Сара говорила мне, что у тебя еще один гость.

— А, Гастингс! — Драммонд улыбнулся и указал рукой на море. — Он отправился на рыбалку со старым Мэлахи. Они взяли лодку и уплыли сразу после завтрака. Он приехал сюда с целым набором всяких американских приспособлений для убийства рыб, словно на войну. Наш Мэлахи только качал головой, глядя на эти чудеса. Потом они отправились на ловлю, и Мэлахи поймал пять превосходных рыб, а Гастингс — ни одной. Надо было видеть лицо Мэлахи, когда они вернулись! Он выглядел, как олицетворение всех счастливых консерваторов мира, словно хотел сказать: «А что я говорил?! Самые лучшие методы — старые, дедовские». Мэлахи-то взял с собой лишь одну простую удочку, которую получил в подарок от моего дедушки, когда был еще мальчишкой. Он ловил на старые, вонючие куски мяса, надетые на такие крючки, что трудно себе представить, как даже самая крупная рыба может попасться на нечто подобное. Но попадаетея, представляешь!

Они подошли к балюстраде и остановились, глядя на море. По обе стороны Саншайн Мэнор линия побережья изгибалась, замыкая имение в центре огромного полумесяца падающих почти отвесно белых скал. Далеко на горизонте виднелся дым идущего на запад невидимого парохода. Ближе к берегу море казалось морщинистым и сплошь покрытым мелкими волнистыми барашками. Сверху и с такого расстояния оно выглядело как огромный луг, по которому несутся к берегу бесчисленные табуны коней, потряхивая белыми гривами.

— Это лодка? — спросил Алекс, указывая на маленький ярко-красный парус, раскачивающийся на волнах.

— Да, это они. Уже возвращаются.

Лодка медленно приближалась к невидимой пристани, скрытой под обрывом.

— Спустимся к ним, — сказал Драммонд. — Посмотрим, как ему сегодня повезло. Я хотел бы, чтоб он хоть что-нибудь поймал перед отъездом. Иначе его визит будет лишен смысла. Правда, он приехал сюда не только за большой рыбой, однако пока не поймал ничего.

Они двинулись вдоль балюстрады, и там, где она заканчивалась, касаясь громадного валуна, на котором свободно разрослись густо переплетен-

ные кусты дикой розы и боярышника, представляющие собой естественный барьер над берегом, обнаружили начало узкой лестницы с вырубленными в скале ступенями, ведущими крутым зигзагом вниз.

— А что, — спросил идущий следом за Иэном Джо, — этот Гастингс — он тоже химик? Ты не сердись, но я совершенно не знаю знаменитостей в этой области, кроме тебя, разумеется.

— Обо мне говорить не будем! — не останавливаясь, Драммонд развел руками и долю секунды выглядел, как огромная птица на фоне далекого моря и близлежащих скал. — Чем больше я работаю, тем меньше понимаю. В настоящий момент я нахожусь в стадии, когда в моей голове уже распределены по полочкам дела, абсолютно неразрешимые для меня. И с каждым годом их все больше... Так что хватит обо мне. А Роберт Гастингс — великий ученый. Я сказал, что он приехал не только за крупной рыбой. Это правда. Он хотел бы сориентироваться в нашей работе, но даже не это главное. Прежде всего ему хотелось бы, чтоб мы все: Спарроу, я и даже молодой Дэвис оказались в Америке и работали там вместе с ним. Он утверждает, что верит в нас. Это означает, что американская промышленность верит, что сейчас мы немного опережаем их. Я не сказал бы, что это меня сильно беспокоит. Это весьма самодовольная компания, которая убеждена, что весь научный прогресс должен зарождаться только у них. Даже за миллион фунтов стерлингов я не мог бы отказать себе в удовольствии немного опередить их.

Теперь они находились на середине спуска. Лодка приближалась. В ней уже можно было отчетливо разглядеть двух людей, один из которых сидел за рулем с парусным канатом в руке, другой стоял на носу, покачиваясь на широко расставленных для равновесия ногах. Они плыли к тихой пристани, примыкающей к небольшому лоскутку пляжа и скрытой за огромным скальным разломом. Алекс вспомнил, что во время отлива этот пляж значительно увеличивается и по нему даже можно пройти несколько сотен ярдов к месту, где сейчас бушуют волны.

— Кажется, у Гастингса что-то есть! — воскликнул Драммонд и указал рукой. Действительно, человек, стоявший на носу, держал в руке что-то напоминающее большой, продолговатый мешок. Лодка пересекла черту прибоя и, совершив плавный разворот в спокойной воде бухты, зарылась носом в песок. Однако еще прежде чем она коснулась земли, до них долетел радостный крик:

— Наконец-то есть, Иэн! Есть! Я поймал ее! — кричал им Гастингс с лодки. Второй рыболов, сидевший на корме, быстро выпрыгнул, как только лодка коснулась берега, и шагая по колено в воде, ловко подтолкнул ее дальше на берег, используя набежавшую волну. Стоявший на носу спрыгнул на песок, а затем вытащил из лодки на секунду оставленную там добычу. Алекс и Драммонд были уже внизу.

— Глянь! — сказал рыболов. Рыба была на вид жутковатой, почти треугольной, с огромной, отвратительной, зубастой, бессильно разинутой пастью. — Я попал в нее гарпуном! Нам понадобился целый час, прежде чем удалось втащить ее в лодку! Если бы не Мэлахи, я бы ее никогда не поймал. Она вытащила нас в открытое море почти на две мили, несмотря на встречный ветер и поднятый парус. Только там нам удалось попасть в нее второй раз, и тогда она потеряла силы.

— Красавица! — сказал Драммонд, похлопав по хребту рыбу, чешуйки которой больше походили на панцирь средневекового рыцаря, чем на то, что люди обычно именуют рыбьей чешуей. — Познакомьтесь. Это мистер Джо Алекс, мой друг со времен войны, а это — профессор Роберт Гастингс, мой друг и одновременно конкурент в делах, связанных с одним желтым материалом, или точнее, с тем, что можно из него получить.

Алекс пожал руку профессору. Из-под капюшона на него глянули умные, приятные глаза, очень выразительные и спокойные. «Оптимист... — подумал Джо. — Прирожденный оптимист, которому, к тому же, повезло в жизни и который достаточно умен, чтобы понимать: это заслуга не только его самого, но и слепой судьбы». У американца было худощавое лицо с острыми чертами, быть может, и некрасивое, но в целом соответствующее тому, что принято называть мужской красотой и что часто представляет собой смесь загара, энергичности, предприимчивости и радости жизни. «Это один из тех людей, которых любят женщины, собаки и дети. Наверняка охотник, рыболов, возможно, даже хороший пловец или пилот-любитель. Он любит свою работу и хочет достичь в ней совершенства, но одновременно хорошо знает, что жизнь состоит не только из работы...» Обо всем этом Джо подумал, глядя уже не на американца, а на другого человека, который в эту минуту выходил из воды. Из-под капюшона рыбацкого плаща выглянуло старое, сморщенное и обожженное ветром лицо. Но глаза на этом лице были юными, светло-голубыми и чистыми, как у пятилетнего ребенка.

— Подожди, Мэлахи! — крикнул Драммонд. — Мы тебе поможем!

Они дружно подтянули лодку повыше, на сухой песок. Мэлахи выпрямился и взглянул на идущего к нему Алекса.

— Неужели это мистер Алекс? Приветствуем вас в Саншайн Мэнор! Сколько лет! Вы совершенно не изменились, сэр! — Он был явно обрадован.

Алекс сердечно пожал его руку.

— Мэлахи, — спросил он, — вы помните, как мы сживали здесь, на этой пристани, и разглядывали гуннов, когда они летели из Франции на Лондон? Мы все были озабочены, а вы лишь спокойно попыхивали своей трубкой и говорили, что не то еще выдерживал наш старейший, добрый остров, стало быть, и это выдержит.

— А разве я не был прав? — Мэлахи улыбнулся, обнажая ряд белоснежных, здоровых зубов, которые в сочетании с его сморщенным лицом выглядели, как взятые в долг у кого-то намного моложе.

— Вы были правы, — Джо сунул руку в карман. — Мне всегда казалось, что вы курите прямые трубки. Не знаю, верно ли я запомнил? — Он протянул ему коробку с трубкой. — Может, пригодится еще одна?

Старый садовник вытер руки полой непромокаемого рыбацкого плаща и открыл коробку.

— Очень красивая, сэр. Премного вам благодарен. Это хорошо, что вы приехали к нам. Я помню, как вы прибыли все израненные после того несчастного случая с вашим самолетом...

«Сейчас он спросит меня о Бене Паркере...» — подумал Джо, но старик Мэлахи еще раз осмотрел трубку, сунул ее в рот, а потом снова спрятал в коробку.

Все четверо двинулись вверх. Гастингс сам нес свою огромную рыбу, категорически отказавшись от всякой помощи. Он лишь откинул капюшон, и Алекс увидел, что профессор совершенно лыс, но лысина не портила его. Напротив, она придавала ему достоинство, как некогда древним римлянам, чьи лысые мраморные бюсты в глазах наших современников кажутся полными императорского величия.

— Сейчас мы препарируем для вас эту голову, — сказал Мэлахи, — чтоб вы могли увезти ее с собой на память.

Гастингс явно обрадовался этому обещанию и спросил, точно ли ему удастся довести голову рыбы после столь недолгой обработки, в связи с чем Драммонд тут же припомнил несколько своих трофеев, которые Мэлахи прекрасно законсервировал методом, известным одному ему. Алекс особо не прислушивался к их разговору. «Чего-то тут не хватает, — думал

он. — Но чего? Ага, уже знаю. Он не спросил меня о Паркере. Почему Мэлахи не спросил меня о Паркере?»

— Я хочу посмотреть, как вы будете работать с этой рыбой! — казалось, Гастингс был так этим озабочен, будто решалась судьба главной цели его визита в Англию. — Можно?

— А почему же нет? — улыбнулся садовник. — Пойдемте.

Они двинулись через террасу.

— Поскольку мы не поймали такую рыбу — не будем смотреть на это завистливым взглядом, — сказал Драммонд. — Мы с мистером Алексом немного погуляем по парку. Сегодня слишком пригожий день, чтобы провести его за копчением рыбьих голов. Пошли, Джо!

Он повел Алекса в сторону дома. Гастингс и садовник направились к небольшому домику, стоящему прямо над обрывом и настолько увитому плющом и побегами дикой розы, что, кроме трубы и фрагмента красной крыши, ничего не было видно.

Драммонд и Алекс пересекли холл и оказались на террасе с противоположной стороны дома. Парк сейчас был в самом расцвете лета. Четыре огромных платана, стоящих по обе стороны входа в центральную аллею, словно четверка могучих воинов на страже, сияли на солнце белыми стволами. А дальше парк исчезал за двойным барьером древних лип, под которыми только кое-где виднелись фрагменты исчезающих в глухой тени расчищенных дорожек. Двое мужчин молча вошли в монументальную липовую аллею, которая, как отметил с грустью Алекс, совершенно не изменилась с той поры, когда он увидел ее впервые. «Мне было тогда двадцать лет, — подумал он вдруг почти с отчаянием, — всего двадцать лет... Я был молод...» Но и сегодня он не ощущал себя старым. Каким-то поразительным образом жизнь все время отодвигалась и постоянно оказывалась впереди. Он все еще верил, что настанет день, когда она, наконец, начнется действительно, будто все, что с ним случилось до сих пор, было всего лишь временным состоянием, которое впоследствии сменится стабилизацией и приобретет смысл.

— А знаешь, — сказал вдруг Драммонд, — только совсем недавно я начал верить, что жизнь действительно началась.

Алекс вздрогнул. Иэн произнес это так, будто прочел его мысли.

— Тебе повезло, — ответил Джо, стараясь говорить весело. — Я этого о себе не могу сказать.

— Все еще не можешь себя найти?

— Все еще.

Они снова помолчали.

— И я чувствовал то же самое, когда война окончилась. — Драммонд приостановился, поднял сухую ветку и осторожно убрал с дорожки большую волосатую гусеницу, которая упорно пыталась переползти на противоположную сторону, ничего не зная о ботинках людей. — Поначалу все: моя работа, образ жизни, разговоры в лаборатории и в клубе, улица и все дела, которыми люди занимаются в мирное время, казались мне смешными и бессмысленными. Я смотрел на людей и спрашивал себя: «Что он знает? Что он может понять? Он ведь не летал со мной ночью туда или сюда, не спал в ботинках и комбинезоне в ожидании сирены тревоги и команды “По машинам!”». Ну, что он знает? Что они все знают? Что у меня с ними общего?» А потом постепенно это прошло. Наверно, и ты пережил такое. Тот мир начал блекнуть, стираться и становиться похожим на приключенческий фильм, который вроде бы точно когда-то видел, но в котором, конечно, никак не мог принимать участия я — профессор химии, член Королевского Научного Общества, мирный исследователь, занятый изучением микропроцессов, протекающих внутри почти невидимых пылинок

материи. И, наконец, я в это поверил. Но это было еще не все. Ценность того мира, острота его ощущений и его изумительная, страшная яркость по-прежнему держали меня в оковах. Я непрерывно скучал и тосковал, не мог найти себе развлечений, которые меня бы развеселили, и отдыха, после которого я почувствовал бы себя отдохнувшим. Ты, наверно, не предполагал этого? — спросил он, искоса глянув на друга.

Теперь они шли по узенькой тропинке, которая под прямым углом отходила от липовой аллеи и вилась змейкой сквозь английский парк, поросший кустарником и высокой, давно не кошеной травой, усыпанной полевыми цветами.

— Нет, — искренне ответил Алекс. — Не предполагал. Мне казалось, что ты легче нас всех сумеешь вернуться к жизни и радоваться ей. Даже там... Тогда... Ты не производил впечатления, будто... ну, словно ты все это слишком сильно переживаешь... Потому что я... Знаешь, я боялся тогда... Я жутко боялся, все те годы... — Он тяжело вздохнул.

— О Господи! — Драммонд остановился. — А ты думаешь, я не боялся? Может ли человек не бояться смерти, если он ежедневно, постоянно подвергается опасности погибнуть!? Сначала это может казаться приключением, потом даже страстью, но в конце концов остается один лишь страх. Знаешь, я думаю, что если бы война не закончилась в мае, то в июне я точно бы свихнулся. Я был уже совершенно исчерпан, ну совсем!

— Серьезно?

— Даю тебе слово. Самое интересное — я тогда был убежден, что это именно ты, ты, который всегда был в хорошем настроении и позволял себе шутить даже в самых кошмарных ситуациях... что ты совсем не боишься. Я тебе жутко завидовал. Если б я тогда знал...

— Это очень забавно, — сказал Джо, — что лишь спустя столько лет мы узнаем правду о себе, хотя мы тогда так долго жили под одной крышей и постоянно переносили одинаковые тяготы.

— Я думаю, что все эти годы должны были пройти, чтобы мы нашли в себе мужество сказать правду о своем страхе. Тогда трудно было об этом говорить.

— Да. Тогда трудно было об этом говорить.

Они оказались в точке, где тропинка закончилась, утопая в бездорожье цветов. Здесь стояла деревянная скамейка, а перед ней — низкий каменный столик, покрытый зеленым мхом, на который падал тонкий луч солнца, пробившийся сквозь густые заросли рябинника. Они сели.

— И все же ты отыскал смысл жизни, — задумчиво сказал Алекс. — Наверно, ты прав. Если б я был тобой, я бы его, пожалуй, тоже нашел. У тебя чудесная жена и прекрасная профессия, благодаря которой ты стал тем, кого называют выдающимся человеком. Соединение этих двух факторов, наверно, может дать счастье. Я думаю, мне хватило бы даже одного из них...

— Но ведь и ты наверняка мог бы найти себе чудесную жену, — улыбнулся Драммонд, — и я верю в то, что ты мог бы также рассказать людям много интересного о себе и о них в своих книгах, если бы не писал эти криминальные головоломки. Нет. Я не потому отыскал смысл в жизни. Это понятие, как мне кажется, рождается из того простого факта, что человек, проснувшись однажды утром, говорит себе: «Я хочу жить. Я сам себе нужен. То, что со мной происходит, волнует меня, и я намерен изо всех сил влиять на свою судьбу». Со мной это произошло, когда я уже был женат и приобрел кое-какое имя в науке. В один прекрасный день я проснулся с таким чувством, будто я перестал, наконец, читать длинную, мучительную книгу, которая описывала мои прежние мысли, и взял в руки другую, более веселую, почти детскую. И теперь я счастлив, настолько, насколько взрос-

лый человек вообще может быть счастлив. Ты веришь — теперь я хотел бы прожить сто лет, и для каждого прожитого года я нашел бы полноценное содержание. Мне кажется, человек может сделать много хорошего для себя и других, если действительно захочет. А я — хочу!

Джо Алекс взглянул на него с явным удовольствием.

— Я очень рад! — сказал он искренне. — Я тебе завидую, но, в самом деле, рад за тебя. Верю, что ты будешь счастлив еще очень долго, и пусть это длится как можно дольше. — И как бы устыдившись этого внезапного порыва сердечности, он встал.

Драммонд тоже поднялся со скамьи.

— Интересно, — произнес он после секундного молчания, — а как Паркер через это прошел?

— Не знаю, — Алекс пожал плечами. — Он на восемь лет старше меня. Паркер был уже взрослым, когда мы познакомились. Мне было девятнадцать, а тебе, кажется, двадцать. — Драммонд утвердительно кивнул. — Он был старше нас, — продолжал Джо, — и у него была другая профессия. Он уже тогда работал в Скотленд-Ярде. И в армию он перешел, по-моему, почти по службе. Лучшим доказательством служит то, что до самого конца войны мы не знали, где он работал до 1939 года. Думаю, такие люди, как он, которые постоянно имеют дело с худшей стороной человеческой психики и которые должны постоянно размышлять о том, совершил ли кто-то то или иное преступление, и если да, то почему, вырабатывают в себе инстинкт, подобный инстинкту гончего пса, многократно увеличенному человеческим интеллектом. Я сам иногда ощущаю нечто подобное, когда пишу и пытаюсь вместе с моим вымышленным сыщиком найти и поймать преступника. Бен говорил мне, что тоже испытывает это категорическое внутреннее требование, которое велит ему накладывать на все будничные мысли и дела единственную, стоящую превыше всего, мысль о человеке, которого он должен поймать... — Джо умолк. — Я недавно видел его, — добавил он. — Честно говоря, не далее, как вчера вечером. Мы с ним были в театре, и оба восхищались твоей женой. Она была изумительна.

— А он... — Драммонд заколебался. — Он говорил обо мне?

— Да. Он сказал, что виделся с тобой и что его беспокоит анонимное письмо, полученное Скотленд-Ярдом. Он говорил также, что показывал тебе это письмо.

— Да, — Изн махнул рукой. — Это полная чепуха! Бен приезжал сюда переодетым, ну совсем как детектив из романа. Сперва он заговорил со старым Мэлахи Ленеганом, который помнит его еще с того нашего отпуска, пятнадцать лет назад. Потом он велел Мэлахи отправиться ко мне и вызвать меня так, чтобы никто об этом не знал. Старик сделал это, причем вел себя так, что когда я потом вспомнил этот эпизод, я не мог удержаться от смеха. Однако в первые минуты я даже встревожился. Мы встретились в домике садовника, том самом, куда пошли сейчас наши рыболовы, чтобы коптить эту голову или, может, сделать из нее чучело, не знаю, что там Мэлахи придумывает, чтобы ее законсервировать... В первую секунду я не узнал Бена. Он выглядел, как бродяга, — обросший, в залатанной куртке и грязных теннисных туфлях. Потом мы поговорили. Он, разумеется, категорически отказался от обеда в доме и сразу же после разговора исчез. Он лишь попросил меня, чтоб я показал это письмо Спарроу. Впрочем, чуть позже он по моей просьбе недолго побеседовал с ним. Бен очень просил нас обоих, чтоб мы все сохранили в тайне, ну, то есть, это письмо, но, разумеется, ни Спарроу, ни я не видели никаких причин, чтобы не рассказать об этом Люси, Саре и Филиппу, которому, если уж на то пошло, тоже могла угрожать какая-то опасность, если бы это абсурдное письмо содержало хоть долю правды. А еще Бен просил меня, чтобы я позволил поселиться

одному из его людей в служебной комнате дома — так, на всякий случай, чтобы он был под рукой при необходимости. Я, разумеется, не согласился на это, потому что, во-первых, не желаю жить вместе с полицейским, который за мной присматривает, а во-вторых, само присутствие такого человека рождает определенного рода психоз, который мог бы плохо повлиять на нашу работу. Я лишь согласился дать разрешение двум молодым людям поставить на моей земле палатку прямо возле ворот. Они занимаются ловлей бабочек, но Паркер заверил меня, что день и ночь они будут контролировать доступ в имение, включая лестницу пристани, на тот случай, если бы что-нибудь угрожало нам со стороны моря... — Иэн весело рассмеялся. — Я опасался, что он посадит на одно из деревьев переодетого дятлом полицейского, который будет непрерывно стучать, чтобы оправдать свой наряд. В общем, нас тут теперь охраняют, как жемчужины серала, да к тому же на ночь Мэлахи еще всегда спускает с цепи двух огромных волкодавов, которые шастают по всему саду, и я не хотел бы оказаться тем любопытным, который с ними встретится. Эти псы натренированы стариком так, что их нельзя даже отравить, потому что они едят только из его рук. Кроме того, Бен сам приедет сюда через пару дней. На это я, конечно, согласился с большой охотой, потому что, независимо от его работы в полиции, он так же, как и ты, один из самых близких мне людей, несмотря на то, что мы так редко видимся. Я думаю, что он, наконец, вздохнет спокойно, когда сам здесь появится... — Иэн снова рассмеялся. — А ты знаешь, что он велел мне обратить особое внимание на Гастингса! Представляешь? Ну неужели они там воображают, что ученый такого ранга всыплет цианистый калий в кофе коллеги?! Но дело даже не в этом. Я был поражен, когда выяснилось, как много Бен знает обо мне и моих исследованиях. О Спарроу, которого он никогда в жизни не видел, он говорил, как о старом знакомом! Впрочем... — тут голос Иэна зазвучал немного язвительно, — если уж говорить о Гастингсе, Бен мог бы меня так настойчиво не предупреждать. У нас и так заведено закрывать на ключ ту часть дома, где находится лаборатория. Туда ведет лишь один путь: через мой кабинет. Ключ к двери кабинета особый, он — единственный, и мы передаем его друг другу из рук в руки, а ночью он хранится у меня в комнате. Кроме того, в кабинете находится прочный несгораемый сейф. Все, что могло бы заинтересовать непрошенных гостей, находится в этом сейфе, а ключи от него только у нас двоих — у Спарроу и у меня. Даже Филипп не имеет к нему непосредственного доступа. Окна всего первого этажа забраны мощными решетками еще сто лет назад, а та часть, где находится лаборатория, оснащена новейшей охранной сигнализацией. Как видишь, наши исследования ведутся в настоящей крепости: собаки, полицейские в палатке, решетки, сейфы, особые ключи! Ну и в довершение всего Бен обязал меня сообщать фамилии всех гостей и предупреждать о тех днях, когда я или Спарроу покидаем Саншайн Мэнор. К счастью, все это уже ненадолго. Я думаю, через месяц мы закончим то, над чем работаем, то есть овладеем технологическими основами нашего метода. Если с одним из нас что-нибудь случится, другой сможет довести дело до конца. А уж потом пусть этим занимается промышленность.

— Я думал, — сказал Алекс, — что химические исследования производятся в каких-то специальных зданиях, а эпоха ученых, работающих дома, давно закончилась.

— Ну разумеется! — Драммонд хлопнул в ладоши — Бог ты мой! Мы проводим массу исследований, но далеко отсюда, то есть не мы сами, — на нас работает целый оперативный штаб. Нам вовсе не нужно находиться там, — мы даем задания и получаем результаты. Каждый второй день именно с этой целью из Лондона прибывает машина. А здесь, на месте, мы занимаемся лишь теоретической работой. Лаборатория нужна нам иногда

только для небольших экспериментов, которые можно проводить на месте. Ею руководит Филипп, и он снимает с нас огромную часть работы при непосредственных опытах, — Иэн умолк. — Думаю, что Гастингс дорого бы заплатил, чтобы узнать, чего же конкретно мы уже добились и далеко ли зашли. Он очень славный человек. Я знаю его давно. Я гостил у него в Америке и пригласил его к себе, если он посетит Англию. Он приехал, и я стараюсь, чтобы ему тут было хорошо. Но он, бедняга, очень хотел бы увести кого-нибудь из нас с собой.

— Не понимаю, — покачал головой Алекс. — Что это значит?

— Это значит, что может, например, существовать какая-то американская фирма, которая скажет: «Мистер Спарроу, или мистер Драммонд, мы готовы заплатить вам сто тысяч долларов, если вы приедете сюда и отдадите нам свои знания и умение, вместо того чтобы отдавать их кому-то другому. Вы заработаете на своих исследованиях в пять раз больше, чем в Англии, а потом мы готовы заключить с вами еще более выгодный контракт».

— И люди так делают?

— Разумеется! Ну, если бы американский издатель предложил тебе гонорар в пять раз больше английского за первое издание твоей книги, ты бы ее не продал?

— Пожалуй, да... Но в некотором смысле неважно, кто издает книги, однако имеет большое значение, кто пользуется плодами научных исследований.

— Конечно. Поэтому мы и работаем для отечественной промышленности. Но никогда не известно, не окажется ли вдруг, что как раз эта отрасль отечественной промышленности является замаскированной американской собственностью. Это джунгли, мой дорогой! Рядовому химику трудно в них найти дорогу. На этот раз немного легче, потому что мы работаем непосредственно для правительства. Отсюда, вероятно, и проистекает такой интерес Скотленд-Ярда.

— Ну хорошо, — не сдавался Алекс. — А если бы, например, мистер Гастингс переговорил с твоим сотрудником, мистером Спарроу — я, разумеется, говорю это чисто теоретически, — и оба они пришли бы к выводу, что мистер Спарроу не прочь поменять климат и покинуть Англию на годик-другой или просто желает совершить путешествие по Соединенным Штатам, что тогда?

— Ничего, — Драммонд развел руками. — Если он передаст что-либо, что бесспорно является моим открытием, я могу подать на него в суд. Но суд этот будет запоздавшим, потому что секрет уже выскользнул из рук. Поскольку наши исследования общие, я, разумеется, имел бы гарантированный доход со всего, что получил бы Спарроу в качестве практического результата нашей работы. Конечно, все это было бы не очень порядочно с его стороны, но он мог бы, например, сейчас прийти ко мне и честно сказать, что больше его не интересует сотрудничество со мной. Это было бы трудно предотвратить. Наконец, мы могли бы с ним просто поссориться, и результат был бы тот же. Просто в таких случаях заведомо предполагается, что люди начинают работать вместе не для того, чтобы обманывать свою страну и своих товарищей по работе. Но здесь и правда очень многое зависит от этики. Впрочем, если бы Спарроу сказал мне, или я ему, об отказе от совместной работы, но при сохранении тайны и прав собственности на решение проблем, которые мы решили совместно, то отпала бы даже этическая проблема. Я мог бы спокойно отдать свои знания американцам, слегка изменив направление исследований, но, разумеется, пользуясь результатами совместной работы, потому что этого ученый никогда не может избежать. Это очень сложный вопрос... Я говорю об этом лишь вскользь, потому что трудно предположить что-либо подобное. Бедный Гастингс с момента

приезда пытается дать нам понять, что деловые люди его страны носили бы нас на руках. Сам он не только исследователь, но и промышленник, серьезно связанный с производством синтетических изделий. У него блестящий ум! Думаю, что если бы он знал лишь идею, на которой основан наш метод, он очень быстро догнал бы нас. К счастью, он ее не знает. Это все совсем не так просто. Вопреки видимости, наука вовсе не двигается вперед чисто механически. Происходят великие случайности, бывают удачные импровизации, иногда решающими оказываются даже отдельные проблески мысли, вроде тех, которые порой возникают, когда ты уже засыпаешь и, вскочив, наскоро записываешь их в лежащий у постели блокнот... Это прекрасная война умов. И мы, ученые, определенным образом любим ее, потому что это война созидания, а не разрушения. Вот почему это письмо представляется мне абсурдным. Даже если бы наш метод мог бы привести к результатам, превышающим любые ожидания, то все равно — это лишь вопрос времени — пройдет не более двух-трех лет, и все промышленно развитые страны сами научатся применять такую технологию на практике. И после этого тайна уже не имеет такого значения. Речь идет лишь о первенстве в завоевании рынков, о создании хорошей марки данной страны в гонке прогресса. Конечно, в расчет входят огромные суммы за продажу лицензий, и кроме того, остается немного славы для нас, скромных исследователей. Ну и чуточку денег. Даже, честно говоря, много денег. И это все. А через двадцать лет все это окажется безнадежно устаревшим, и на смену придут новые методы и технологии, о которых нам сейчас даже не снится. На том и стоит этот мир. Я прекрасно понимаю, что можно попытаться купить создателей какого-либо интересного производственного метода, я понимаю, что можно действовать в этом направлении. Но угрожать им? Убивать их?! Нет, это абсурд. Никто таких вещей не делает, да и нет в них никакого смысла. Мы можем обвинять крупные концерны во многом, но никогда в бессмысленных действиях. Я не верю во все это.

— Дай Бог, чтоб так было, — вздохнул Алекс. — В конце концов, если ничего не случится, то случится то, что ты предсказываешь. Я тоже не очень верю в такие авантюрные намерения. А если бы они действительно имели какой-нибудь смысл, то я не верю в то, что какое-то постороннее лицо, автор письма, могло быть в это замешано...

— Конечно!

Прогуливаясь, они дошли теперь до восточной стороны парка. Стали слышны удары теннисных ракеток по мячу и приглушенные зарослями голоса.

— Кажется, дамы уже начали игру, — сказал Алекс.

— Точно, — Драммонд взял его под руку. — Джо, хватит рассуждать о всякой ерунде. Поглядим лучше, что происходит на корте.

Он повел Алекса через поляну прямо сквозь кусты фиолетовой сирени. Удары по мячу звучали все отчетливей. Минуту спустя они увидели сквозь деревья сетку, за ней травянистый корт и две подвижные женские фигурки в белом. Обе женщины были в коротеньких шортах и белых майках. На скамеечке у корта сидел Филипп Дэвис и время от времени громко выкрикивал счет.

— Да тут настоящий турнир! — воскликнул Иэн. — Пошли глянем!

— Тридцать—пятнадцать! — крикнул Филипп.

Сара подавала. Она сильно откинулась назад и нанесла мощный удар, который Люси отразила с большим трудом. Сара тем временем была уже у самой сетки. Она бежала стремительно, как мальчишка, — молниеносный удар, и против мяча, посланного в противоположный угол, Люси оказалась бессильной.

— Аут! — сказал Филипп. — По тридцать.

Значит, бросок Сары оказался чересчур длинным. Люси спокойно стояла на задней линии корта, готовясь к приему очередной подачи. Сара подавала снова. Мяч попал в сетку. Вторая подача бывает обычно слабее. Люси на два шага подошла к сетке. Но Сара ударила очень сильно, и мяч, отразившись у самых ног соперницы, не оставил Люси никаких шансов.

— Больше! Поддача! — сказал Филипп.

Теперь Сара подала мягче, и Люси отразила мяч длинным кроссом в противоположный угол. Сара успела добежать и резко отразила. Кажется, Люси снова ударит в другой угол, но она подрезала мяч, и он упал прямо за сеткой, даже не подпрыгнув на мягкой траве корта.

— Поровну!

— Прекрасно играют, — сказал Алекс. — Никогда бы не подумал, что никому не известные любители...

— Люси до замужества была одной из лучших юниорок Англии, — рассмеялся Драммонд. — Она великолепно думает во время игры! Я люблю на нее смотреть. Она всегда делает то, что должна сейчас сделать. Сара — это ураган. Если у нее получается — нет противника, который мог бы ей противостоять! Она рубит, как мужчина. Ты бы никогда не поверил, какой сильный удар может нанести эта маленькая ручка. О, смотри!

Люси как раз отразила мяч с конца корта, и казалось, что сопернице ничего не остается, как отразить его с большим трудом обратно, давая Люси возможность сделать с этим мячом все что ей вздумается. Но Сара метнулась как молния и послала мяч в угол, противоположный тому, где стояла Люси, которая отчаянно бросилась к мячу и с трудом сумела отразить его мягким ударом. Пока мяч медленно летел вверх, Сара не сводила с него глаз, подбегая к самой сетке. Ракетка мелькнула в ее руке. Алекс даже не успел заметить всего движения, таким оно было быстрым. Могучим ударом, которого не постыдились бы корты Уимблдона, Сара послала мяч прямо под ноги Люси. Та даже не дрогнула и лишь подняла ракетку.

— Bravo! — крикнул Алекс.

Сара улыбнулась.

— Больше! Поддача!

И снова удар, отражение, Сара рванулась к сетке, Люси попыталась перехватить мяч, но послала его в аут.

— Состояние геймов: пять—четыре в пользу миссис Драммонд, — крикнул Филипп.

Соперницы поменялись сторонами. Когда они проходили мимо сидящих зрителей, Люси сказала:

— Разбивает меня твоя жена!

Но дышала Люси спокойно, в то время как Сара вся покраснелась и, склонившись, вытирала лицо полотенцем.

Легкую подрезанную подачу Люси Сара отразила в аут.

— Пятнадцать—ноль, — сказал Филипп.

Вторая подача была мощнее, но Сара отразила ее почти вслепую и с такой силой, что Люси лишь подбросила в руке следующий мяч и перешла на другую половину корта.

— По пятнадцать!

«Она играет как-то отчаянно, — подумал Алекс. — Выигрывает, но играет отчаянно. Она знает, что если перестанет бить по мячу изо всех сил, спокойствие соперницы разрушит все ее атаки и она проиграет. Но это здорово, что она вкладывает столько страсти в игру!»

Люси стояла теперь выпрямившись, у задней линии корта и спокойно смотрела на соперницу. Сара заняла позицию у линии, наклонившись и крепко сжимая рукоятку ракетки обеими руками. Люси подбросила мяч, и к изумлению Алекса, ожидавшего слабого, подрезанного мяча,

который должен был вывести Сару из равновесия, внезапно ударила очень сильно и точно. Сара настолько была застигнута врасплох, что даже не шелохнулась.

— Тридцать—пятнадцать! — объявил Филипп.

Очередную подачу Сара отразила прямо на ракетку соперницы. Люси подала короткий мяч и, когда Сара с большим трудом добежала до него, спокойно прошла вдоль линии, даже не поглядев на мяч.

— Сорок—пятнадцать!

Алекс увидел, что Сара вытирает лицо рукавом. Если сейчас она не соберется, Люси выровняет счет геймов до пять—пять. Он знал, и вероятно, Сара тоже знала, что тогда у нее уже не хватит сил сопротивляться этой точной, хладнокровно мыслящей сопернице.

Люси подала спокойно. Видно было, что теперь она готовится использовать первую же ошибку Сары, чтобы закончить гейм. Но Сара отбила мяч в самый угол корта, вынудив Люси к отчаянной погоне за ним и отражению с большим трудом, а затем с обманчивой небрежностью снова нанесла такой сильный удар в другой угол, что Люси лишь беспомощно развела руками.

— Сорок—тридцать!

Снова подача и снова резкий быстрый мяч в ответ. Люси отразила прямым, точным ударом вдоль линии. Этот мяч должен был миновать Сару у сетки и закончить гейм. Но к удивлению ее самой и зрителей, Сара в фантастическом прыжке отразила мяч. Теперь Люси нанесла мощный удар и рванулась к сетке.

Алекс наблюдал за лицом Сары, которая находилась по ту же сторону корта, где он сидел. Она была сосредоточенна, неподвижна и, несмотря на напряжение, казалось, радовалась. Так, будто борьба только теперь начала приносить ей удовольствие. Не сводя глаз с Люси, бегущей изящными прыжками серны к сетке, она мягко приняла мяч и направила его легкой дугой над самой сеткой. Люси отразила в угол, но Сара интуитивно уже была на полпути, когда ракетка соперницы лишь прикоснулась к мячу. И тогда Алекс снова увидел ее настоящий удар. Маленькая, смуглая ручка сделала, на первый взгляд, мягкий округлый взмах, но мяч рванулся, будто вылетев из пушечного ствола. Такого удара не мог бы отразить никто в мире.

— Красиво! — воскликнула Люси, взмахнув ракеткой.

Сара не ответила даже улыбкой. Она стояла, уже готовая принять подачу, склонившись вперед и крепко сжав ракетку.

— По сорок! — Филипп взглянул на сидящих мужчин. — Какой красивый матч, не правда ли?

Теперь подавала Люси. Мяч был легкий, и Сара спокойно отразила его. Люси также спокойно вернула мяч. Наступил обмен простыми ударами: один, второй, бэкхенд, форхенд... бэкхенд, форхенд. Сара, как тигрица, рванулась к сетке и легко срезала.

— Больше у Сары! Сетбол! — Филипп начал нервничать.

Люси была так спокойна, будто игра только начиналась. Она сделала сильную подачу. Сара также сильно отразила на форхенд. Люси сосредоточилась, когда мяч летел к ней, и Алекс понял, что сейчас она сыграет ва-банк. Сара находилась на середине корта, приближаясь к сетке.

Люси нанесла удар, которого не постыдился бы крупнейший мастер, и мяч, словно белая ласточка, мелькнув над сеткой, пролетел в миллиметре от отчаянно протянутой ракетки Сары и упал в нескольких сантиметрах от линии.

— Великолепно! — только теперь Сара улыбнулась и вдруг, подбежав к сетке, перепрыгнула через нее и оказалась на половине корта соперницы.

Люси, опустив ракетку, стояла неподвижно, крепко сжимая левой рукой кисть правой.

— Что случилось?

Алекс и Драммонд вскочили со скамейки, но Филипп опередил их.

— Не знаю... — Люси побледнела. — Кажется, надорвала связку... а может, только растяжение. Ужасно...

— Нет, нет, это пройдет... — Филипп растерянно стоял перед ней, не зная, что делать, и нервно потирал ладони.

— Я думаю об операции, которую мне предстоит делать... — Люси потрянула головой. — Как болит!

Сара и Драммонд подхватили ее под руки и усадили на скамейку.

— Филипп, — обратилась Люси к Дэвису, пытаясь взять себя в руки и явно превозмогая боль, — будьте добры, принесите мой медицинский чемоданчик. Он в нашем с Сарой гардеробе... — Она повернулась к Саре. — Ты позволишь, дорогая?

— О чем ты говоришь, конечно! — Сара нетерпеливо взмахнула рукой. — Бегите, Филипп!

Филипп Дэвис рванулся будто на крыльях. Сара крикнула ему вслед:

— Это такой черный чемоданчик, он стоит на столике под окном!

— Да, я знаю, — не сбавляя бега, крикнул Филипп и скрылся за деревьями.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Сара, склонившись над рукой Люси. — Это был фантастический удар! Я не удивляюсь, что связка могла не выдержать. Это не очень опасная травма, только пару дней не надо ничего делать больной рукой.

— Не знаю, — Люси покачала головой. Морщась от боли, она прикоснулась кончиками пальцев левой руки к больному месту. — Что-то уж слишком острая эта боль... — пробормотала она. — Боюсь, как бы не пришлось отложить операцию, если наступит ухудшение. — Она выпрямилась и попыталась улыбнуться. — Но идея была недурна. Ты ведь ничего не ожидала такого, правда?

— Даже если б и ожидала, не знаю, что я могла бы сделать. Я не успела даже шевельнуться. Я думала, что ты попытаешься взять меня на бэкхенде. Но это все ерунда, дорогая. Сегодня тебе надо пораньше лечь и не двигать рукой. А завтра посмотрим.

— Если боль уменьшится, а рука не опухнет, — Люси снова прикоснулась к больному месту, — то после нескольких сеансов массажа я буду в состоянии держать в руке нож.

— Нож?! — не поняла Сара. — Ах да, конечно! А я почему-то подумала о еде...

— Нет, хотя за ужином я буду есть, как ребенок, — Гарольду придется все мне резать и намазывать. Но я имела в виду скальпель.

— А вот и я! — закричал Филипп, подбегая. В руке он держал маленький черный чемоданчик.

— Нажмите на замочек вот здесь. Нет, не так — влево...

Он послушно выполнил ее указания, и чемоданчик открылся. Здесь находился набор хирургических инструментов, прикрепленных к стенкам, за одной из перегородок — перевязочный материал, за другой — ряд бутылочек.

— Хорошо, что он всегда со мной, — Люси левой рукой вынула эластичный бинт и заглянула в чемоданчик. — Нет ножничек! Я вынула их утром. Ничего не поделаешь. — Она взяла один из двух длинных острых скальпелей с горбатыми лезвиями. — Будьте добры, разверните бинт! — попросила она Филиппа и протянула скальпель Драммонду. — Отрежь, пожалуйста, примерно полтора ярда.

Филипп растянул бинт, и Драммонд склонился, чтобы его перерезать, но стоило ему лишь прикоснуться скальпелем к натянутому бинту, как тот мгновенно лопнул.

— Никогда бы не подумал, что скальпель такой острый! — сказал Иэн с изумлением.

— Он должен быть даже еще острее, чтобы живая ткань не создавала ни малейшего сопротивления. Это, конечно, преступление, что я режу им бинт. Теперь он уже ни на что не годен... Ну да ладно, натяните бинт здесь, вот так, и медленно обматывайте справа налево, вверх...

Филипп осторожно выполнял ее указания. Когда перевязка была сделана, Люси встала и легонько отстранила мужчин, которые рванулись ей на помощь.

— Ничего, ничего, уже лучше. Даже не очень болит... Через пару минут будет ясно, надо ли делать компресс. Думаю, что, быть может, все хорошо кончится уже завтра. Простите за беспокойство и хлопоты. Но тут, правда, дело не во мне, а в моих пациентах. Малейшая мышечная боль или одно неуверенное движение могут привести к провалу операции и смерти человека.

Выслушивая дружные заверения о том, как все были рады ей помочь, Люси покинула корт, и все направилось к дому. Впереди Люси и Сара, поддерживающая ее под руку, за ними Филипп с теннисными ракетками и, наконец, Алекс и Драммонд, который нес чемоданчик.

— Попытаюсь сесть за машинку и что-нибудь сочинить, — сказал Алекс. — На меня прекрасно повлияла наша с тобой прогулка, Иэн. Очень жаль, что мы так редко видимся.

— Мне тоже жаль. Но думаю, что теперь мы как-нибудь восстановим то, что было в старые добрые времена. Через пару дней придет Бен, и нам надо устроить какую-нибудь общую вылазку. Я мечтаю о том, чтобы выбраться на рыбалку в Шотландию. Мне постоянно не хватает на это времени, но теперь я верю, что оно, наконец, найдется. Можно было бы поехать втроем и остановиться в одном из их мрачных замков, превращенных в отели. Что ты думаешь об этом?

— С удовольствием! — ответил Алекс. — А что ты думаешь о том, чтобы завтра утром мы с тобой отправились на рыбалку здесь и постарались бы поймать что-нибудь еще более отвратительное, чем то, что поймал твой приятель профессор Гастингс?

— Великолепно! Быть может, это и будет маленьким нарушением трудовой дисциплины, которую я сам себе навязал: с восьми утра до полудня, а потом с девяти вечера до полуночи, — но бывает же, что человек нарушает созданные им самим правила. Ладно! После ужина подробнее поговорим о том, в котором часу выедем и какие возьмем удочки. Я покажу тебе мои снасти. — Он рассмеялся. — Я держу их в своей лаборатории, в закрытом на ключ шкафу, на котором собственной рукой нарисовал череп, кости и написал: «Внимание! Не открывать — смертельно опасно!» Только один Спарроу знает, что там удочки.

Они приблизились к дому, вошли в прихожую и один за другим стали подниматься по лестнице.

— Я сейчас загляну к тебе, дорогая! — сказала Сара, задержавшись у двери Люси. — Помогу тебе раздеться...

— Сообщить ли мистеру Спарроу об этом несчастном случае? — спросил Филипп. — Он сейчас в лаборатории или у себя в кабинете.

— Нет. Ни за что. Он не любит, когда его отрывают от работы. Мне все равно сейчас ничем нельзя помочь. Я сама скажу ему, когда он вернется перед ужином.

Левой рукой она нажала дверную ручку.

— Спасибо всем. Если ты будешь так добра, Сара, я подожду тебя.

— Уже иду, — Сара взяла из рук Драммонда чемоданчик и переступила порог. — Я ведь могу пройти к себе через твою комнату. Надо будет только потом спуститься вниз и отдать распоряжения службе... то есть, одной Норе, потому что сегодня суббота, и Кейт сразу после ланча ушла куда-то.

Она вошла, пропустив Люси, и закрыла за собой дверь. Алекс улыбнулся Драммонду и дружески помахал Дэвису.

— Я пошел к себе, — сказал он. — После ужина загляну в твой кабинет.

Он вошел в комнату, остановился и вынул сигареты. В пачке осталось только две. Он вспомнил, что еще одна пачка есть в чемодане, и вынул ее. Но этого не хватит на сегодняшний вечер и на завтра, если придется работать. Он много курил во время работы и тушил сигареты, не докуривая до половины, часто прикуривая следующую от предыдущей.

Джо уселся перед пишущей машинкой. Часы с солнечным маятником за его спиной трижды пробили и утихли. Алекс взглянул на бумагу: «Глава первая».

Он начал размышлять. А что, если... Он вздрогнул, но тема навязчиво возвращалась: тихий, старинный английский дом, лежащий над морем и окруженный с трех сторон густым парком... В доме группа людей: двое ученых, их жены, женщины, знаменитые в своих профессиях — врач и актриса; американский гость, имеющий довольно двусмысленные намерения, плюс к этому — друг со времен войны, автор криминальных романов... Молодой секретарь... Любовные перипетии внутри этой маленькой группы... И вдруг гибнет человек... В полночь звучит выстрел. А может, не выстрел?... Все просыпаются... подбегают к дверям... Кого среди них нет?

Джо уже знал, кого нет. Он записал на бумажке, лежащей рядом с машинкой, инициалы этого лица. А потом начал размышлять над тем, кто же убил. Пару минут он сидел молча, напряженно перебирая мотивы и их убедительность. Некоторые были очевидными, иные скрытыми, но внезапно его озарила одна мысль. Да! Это был настоящий мотив для криминального романа, мотив простой и ясный, но в то же время скрытый, очевидный и невидимый, ужасающий в своей правдивости. Да. Только этот, единственный человек мог убить!

Джо еще раз склонился над листком и написал две новые буквы. Он уже нашел убийцу. Разумеется, надо будет поменять характеры действующих лиц, быть может, их профессии, возраст, расположение дома и несколько других подробностей. Но весь замысел выглядел очень красиво.

Он склонился над столом, взял новый лист и начал черновое деление будущей книги на части. Фальшивые следы, алиби, мотивы убийства, так, чтобы каждый из присутствующих мог быть подозреваемым. Но убийца будет лишь один... Он может быть только один: именно этот.

— Я тебя нашел! — потер руки Джо. Теперь он знал, что книга скоро будет написана.

Продолжение следует.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ.*

НЁМАН

8/2015
АВГУСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

«Сябрына»: Беларусь—Россия

- Валерий КАЗАКОВ. Поворот к дому. *Рассказы* 3
Владимир ГНИЛОМЕДОВ. Беженцы. 1916 год. *Из романа «Восток»*.
Перевод с белорусского М. Позднякова 9

Казимир КАМЕЙША. На родном крыльце. *Стихи*.

Перевод с белорусского М. Кулеша 24

Вера ЗЕЛЕНКО. Благопристойная жизнь. *Роман* 27

Жанна ЗАВАЦКАЯ. Из темного, глухого далека. *Стихи* 76

Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ. Вздох нежности. *Повесть*.

Перевод с белорусского И. Кочетковой 79

Ольга НОРИНА. И строчки приходят в томлении странном. *Стихи* 96

Лёля БОГДАНОВИЧ. Подари немного счастья, лето. *Стихи* 98

Наследие

К 100-летию со дня рождения Дмитрия Ковалева

Алесь МАРТИНОВИЧ. Неподвластно забвению 100

Дмитрий КОВАЛЕВ. Все пути озарены тобою. *Стихи* 124

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Джо АЛЕКС. Скажу вам, как погиб он. Роман. Продолжение.

Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни 131

Герои Беларуси

Кирилл МЕЛЬНИК. Творческий подвиг художника 168

Collegium musicum

Светлана БЕРЕСТЕНЬ. Искать свое, обретая себя 193

Литературное обозрение

С точки зрения рецензента

Валентина ЛОКУН. Последние романтики XIX столетия 206

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Наша жизнь — не игра! 215

Напоследок

Содружество

Кирилл ЛАДУТЬКО. Украинистика в книжном собрании Петра Глебки 220

Мост дружбы

Вероника КАРЛЮКЕВИЧ. О китайском танцевальном искусстве — в Беларуси ... 222

Авторы номера 224

ДЖО АЛЕКС

Скажу вам, как погиб он¹

Роман

V. «И вот стою я перед вами...»

Когда часы пробили без четверти восемь, Алекс оторвался от пишущей машинки и начал переодеваться к ужину. Он был очень доволен. В течение каких-то двух часов книга в общих чертах обозначилась. Все сюжетные линии стояли перед глазами. Осталось еще несколько уточнений плана — и можно начать писать. Завязывая перед зеркалом галстук, он улыбнулся своему отражению и, как мальчишка, скорчил ему рожу. Очень забавно, что он превратит эту группу людей в круг подозреваемых, среди которых выявятся убийца и убитый. Это даже хорошо, что Паркер позвонил ему и обрисовал всю ажурную атмосферу опасности, которая витает над Саншайн Мэнор. Это подталкивало воображение. И даже могло бы стать отдельной сюжетной линией, разумеется, в измененных обстоятельствах. Он вымыл руки и, тихонько посвистывая, спустился в салон, где застал лишь одного человека.

Увидев Алекса, Филипп Дэвис поднялся с кресла, где сидел, просматривая какую-то газету. На столике перед ним стояла шахматная доска, а фигуры на ней были расставлены так, словно партнер минуту назад вышел, оставив партию в ходе игры.

— Вам удалось хоть немного поработать? — спросил Филипп. В темном костюме и белой рубашке он выглядел еще привлекательнее, чем днем.

— Да, — ответил Алекс и, вынув пачку сигарет, хотел угостить его.

— О, нет, не перед ужином! — молодой человек сделал легкое движение рукой, будто хотел отгородиться от сильного искушения. — Говорят, это губительно действует на аппетит. Разумеется, — поспешил он объяснить, — я говорю это вовсе не для того, чтобы лишить вас удовольствия покурить сейчас. У каждого взрослого человека свой взгляд на то, что он называет маленькими удовольствиями.

— Это верно! — Алекс закурил и спрятал пачку в карман. — Вижу, у вас довольно оригинальные маленькие радости. Вы играете сам с собой?

— Нет, что вы! Я ведь никогда бы не выиграл, играя сам с собой, — всегда получалась бы ничья. Это не игра, а просто шахматная задача. Точнее, я сочиняю шахматную задачу и предлагаю другим решить ее. Вот это как раз издание нашего клуба, — он указал на газету. — Здесь публикуются наиболее интересные задачи и способы их решения. Я — один из членов правления клуба.

— Должно быть, это очень увлекательно... — произнес Алекс без большой уверенности в голосе и сделал вид, что рассматривает фигуры на доске. — Но, вероятно, шахматист со средними способностями, в конце концов, всегда находит правильные ходы?

¹Продолжение. Начало в № 7 за 2015 г.

— Нет, — отрицательно покачал головой Дэвис. — Это примерно то же самое, что ваши романы, если можно привести такое сравнение. Вы ведь точно так же расчетливо сообщаете все необходимые данные об убийце и убийстве, но так, чтобы затруднить их обнаружение, не делая его, однако, невозможным. Несмотря на это, случается, что даже очень проницательный и умный читатель увидит какой-нибудь факт «с неправильной стороны», если можно так выразиться, и сделает из него неверный вывод. А один неверный вывод повлечет за собой другой и в результате приведет к ложному окончательному решению. Здесь такие же ловушки и преграды. Признаюсь — я большой поклонник вашего творчества. Особенно мне понравилась «Тайна зеленого такси»...

Джо мысленно застонал. К счастью, в ту же минуту дверь, ведущая в холл, отворилась и вошел профессор Роберт Гастингс.

— Добрый вечер! — сказал он. — Я вижу, что каждую свободную минуту вы проводите за самой важной из всех работ! — рассмеялся он, указывая пальцем на шахматную доску. — Он действительно великолепный шахматист, — обратился профессор к Алексу. — Позавчера мы сыграли пять партий подряд, и ни в одной из них мне даже не удалось перехватить инициативу. Фигуры этого молодого человека ведут себя, как живые враги, причем с количественным перевесом. Мне все время казалось, будто у него вдвое больше фигур, чем у меня.

— О, это всего лишь вопрос практики, профессор. — Дэвис покраснел от удовольствия. Такие слова ученого с мировым именем явно были для него чем-то, что он запомнит на всю жизнь.

— А вы надолго приехали в этот очаровательный дом? — спросил профессор у Алекса.

— Еще не знаю. Скорее всего, на две-три недели... Я хочу тут кое-что сочинить. Согласитесь — здесь идеальное место для работы.

— Не знаю. К счастью, я здесь не работал. Зато оба моих знакомых и присутствующий здесь их стойкий и дельный сотрудник работают почти непрерывно. Хорошо, что Иэн не любит работать после обеда, а Гарольд Спарроу — вечером. Иначе я бы их вообще не видел, кроме как во время еды. Видно, что они приближаются к финишу. Мне знакомо такое состояние, и я очень люблю ощущать его на себе. Вам известны такие минуты, когда человек знает, что еще день или неделя усилий, и он сможет, наконец, выпрямить плечи и позволить уснуть уставшему мозгу, выключив работу его важнейших клеток, и заменить их теми, которые позволяют нам поймать рыбу или подстрелить зайца? Разум чувствует приближение такой минуты определенным специфическим образом. Он торопит нас и вызывает горячее возбуждение. Мне кажется, что именно такое настроение я наблюдаю здесь в настоящую минуту. Не правда ли, мистер Дэвис?

— Более-менее, профессор, хотя мне трудно точно ответить на этот вопрос. Вы ведь знаете, что не всегда такой финиш действительно является финишем. Иногда кажется, что результат — вот он, совсем рядом, за углом улицы, если можно так выразиться, а тем временем оказывается, что он по-прежнему укрыт за семью горами. Профессор Драммонд утверждает, что до тех пор, пока какая-либо работа не окончена, никогда не известно, начата ли она вообще, ибо путь может привести в тупик, и тогда выяснится, что все надо начинать с самого начала.

«Ничего он ему не объяснил. Умный парень...» — подумал Алекс и с уважением посмотрел на невинное юношеское лицо Филиппа Дэвиса, который слегка наклонился вперед, как бы подчеркивая, что он готов с уважением выслушать ответ оппонента.

Профессор открыл рот, но прежде чем успел заговорить, дверь отворилась снова, и на пороге появились обе дамы, а следом их мужья.

— Прошу к столу, — сказала Сара. — К счастью, Кейт уже вернулась, и мне не придется самой вас обслуживать, — лицо Сары раздвинулось, а волосы были слегка примяты. — Кажется, один из тех двух охотников за бабочками, которые расположились у наших ворот, пытается поймать нашу Кейт... Однако не будем сплетничать о слугах. Довольно того, что они о нас сплетничают.

Все направились в столовую. Неразговорчивый Гарольд Спарроу сел рядом с Люси, одетой в платье холодного фиолетового цвета, которое прекрасно оттеняло ее красоту и светлые волосы. По локоть забинтованную правую руку поддерживала переброшенная через шею белая шаль, из-под которой поблескивал рубин на узенькой, короткой цепочке. «Мало заботят ее женские мелочи, — подумал Алекс, — раз она к двум разным платьям надевает одно и то же украшение. Несомненно, она достаточно обеспечена, чтобы иметь определенное количество драгоценностей, и наверняка она их имеет. Просто вопрос красоты не является предметом ее постоянной заботы». Джо взглянул на Сару. Ничего в эту минуту не напоминало в ней того подростка, в обществе которого он сегодня утром покинул Лондон. День за окнами уже догорал, и стол освещала огромная хрустальная люстра. В ее свете белое платье Сары с глубоким вырезом, ее бриллиантовые серьги и великолепный алмаз на среднем пальце левой руки представляли собой изумительный фон для смуглых гладких плеч и шеи. Большие черные глаза сияли. Высоко зачесанные волосы блестели, словно политые водой. Пожалуй, впервые в жизни Алекс понял, что означает выражение «женщина, излучающая сияние». Сара Драммонд была похожа на инопланетянку, окруженную прозрачным электрическим ореолом, который двигался вместе с ней и вместе с ней застыл неподвижно. Но она, казалось, об этом не подозревала, хотя опытный глаз Алекса уверенно определил, что ей понадобился по крайней мере час для того, чтобы подобрать и сопоставить все элементы, создающие этот эффектный внешний облик.

— За здоровье нашего гостя, — произнес Иэн Драммонд, поднимая бокал. — К сожалению, это наш последний общий ужин здесь, и мы с профессором Гастингсом в последний раз садимся за этот стол вместе. Я, конечно, убежден, что вскоре мы встретимся вновь, ибо мир становится все теснее, и мы все чаще перебираемся с континента на континент, чтобы повстречаться со старыми друзьями и познакомиться с их новыми достижениями. Я пью за здоровье нашего гостя и за то, чтоб мы могли как можно чаще посещать его великолепную лабораторию, читать его мудрые статьи и восхищаться его достижениями, равно как и достижениями его коллег и всей его страны, столь прославившейся стремительным развитием технического прогресса!

Все подняли бокалы. Джо Алекс не мог избавиться от ощущения, что хотя тост Иэна был полон искренней сердечности, где-то в его глубине таилась нотка иронии. Но если даже профессор Гастингс и заметил ее, он не подал никакого вида. Подняв бокал, он поблагодарил за гостеприимство и пожелал обоим ученым успешного окончания работы, которую ожидает весь мир, хотя и не отдает себе в этом отчета. Все это прозвучало очень мило, и настроение за столом быстро улучшалось. Даже молчаливый Спарроу попытался сказать несколько теплых слов уезжающему американцу, а сидящая рядом Люси, которая с беспомощной очаровательной улыбкой позволяла то ему, то сидящему с другой стороны Филиппу Дэвису резать ей ветчину и намазывать маслом хлеб, несколько раз высказалась так тонко и остроумно, что Алекс невольно взглянул на нее с недоверием. Он считал себя прекрасным психологом и полагал, что с первого взгляда может определить, на что способен человек, с которым он только что познакомился. Тем временем Люси Спарроу проявлялась каждый раз в новом свете.

Он посмотрел на ее мужа. Это была еще одна загадка. Крепкий, сильный, по-видимому, несколько ограниченный за пределами своей профессии человек — и она! Что их объединяло? Любит ли она мужа? Наверно. Ведь не вышла же Люси замуж из-за его состояния — она сама прекрасно зарабатывает. Не прельстилась же она его славой, потому что она сама, быть может, более известна, чем он. Ее эффектные операции и женская красота были постоянными сюжетами газетных репортажей и статей. На медицинских конгрессах ее всегда окружал целый рой коллег и журналистов. Он сам видел массу ее снимков в прессе, и если она не была столь же популярной, как сидящая напротив нее Сара Драммонд, то лишь потому, что невозможно ведь сравнивать славу, которую приносит подмостки сцены, со славой, родившейся в тиши операционного зала. Откуда же взялся в ее жизни этот Спарроу? А может, она полюбила его просто потому, что именно такого мужчину ей суждено было полюбить? В конце концов, Джо Алекс не раз наблюдал любовь двух людей, на первый взгляд совершенно разных. Но чтобы, имея такую жену, Спарроу мог завести роман с другой женщиной, да еще, к тому же, с женой друга, с которым вместе работает? Джо еще раз взглянул на Спарроу, который в эту минуту тихонько говорил что-то Люси, осторожно поправляя при этом опустившуюся с ее плеча шаль. Да, это и были, вероятно, те странные особенности рода людского, необъяснимые порывы, бессмысленные падения, трагические бездорожья, на которых оказываются порой даже самые мудрые... Потому-то жизнь всегда и несет в себе элемент неожиданности... Неожиданности, которая подстерегает нас за углом, как говорил юный Дэвис. Джо перевел взгляд на Сару. Легко склонившись влево, она беседовала с американцем. «Нет, я не удивляюсь Спарроу... — подумал Алекс. — Я бы никому не удивился. Но Иэн? Ну не верится мне, что Спарроу — это единственная греховная улада ее жизни. Эта женщина живет так, как ей хочется, и берет все, чего пожелает. Но похоже, что любит она лишь моего старого доброго друга Иэна. Если он никогда не узнает, он будет счастлив до конца жизни. А если случайно узнает?..» Он хорошо знал Иэна. И знал, что это могло бы сломать ему жизнь. Просто разбить ее. Нет ничего ужаснее обманутого доверия действительно доверчивого человека. Но ведь Сара, наверно, тоже об этом знает... «Пусть она будет поосторожней! — подумал он. — Ради бога, пусть она будет осторожна!» Он улыбнулся в душе, как всегда улыбался, когда ловил себя на своем цинизме, вытекающем из жизненного опыта. Но он желал им обоим всего наилучшего и был убежден, что единственное, что в этом случае было возможным и обязательным, — это ее осторожность.

В этот момент Сара говорила профессору:

— В Нью-Йорке мы будем гастролировать в марте, так что если вы будете в это время в городе, непременно меня навестите.

— А в каких спектаклях вы будете участвовать? — спросил Гастингс. — Предупреждаю, что театр не является сильной стороной моего образования.

— В «Гамлете» я буду играть Офелию, в «Макбете» — леди Макбет, а в «Орестее» — Клитемнестру.

— Серьезно?! — вскинула голову Люси. — Это великолепно! Я никогда не видела Эсхила на сцене и всегда мечтала об этом. Да еще с твоим участием! Вы играете все три трагедии «Орестей» вместе?

— С небольшими сокращениями. Во всяком случае, я играю все, что написал Эсхил для роли царицы.

— Ты уже знаешь всю роль? — с неподдельным интересом спросила Люси.

— Да... — Сара слегка поколебалась. — Не настолько, чтобы завтра ее сыграть, но я знаю ее уже много лет.

— Прочтите какой-нибудь фрагмент! — попросил Гастингс.

— Да, прочти, Сара! — Драммонд явно гордился своей женой. Алекс отметил его любящий спокойный взгляд.

— О нет, только не сейчас, — Сара смущенно улыбнулась и покрылась густым румянцем школьницы, которой учительница велела декламировать стихи перед всем классом.

— Именно сейчас, дорогая! — Драммонд взял ее руку. — Таким образом, и я, наконец, тебя услышу. Живя здесь, я совершенно не отдаю себе отчета в том, что моя жена — актриса. Я вообще видел тебя на сцене всего несколько раз в жизни. Прочти, Сара!

— Ну, если ты просишь, — улыбнулась ему Сара так, будто хотела сказать, что стоит лишь ему пожелать, и она будет декламировать хоть в пылающем доме, хоть на дне морском.

На секунду она сомкнула веки. Все затихли. Алекс краем глаза глянул на Спарроу. Ученый сидел совершенно неподвижно. Он разглядывал ска-терть. Люси неосознанно, красивым жестом положила здоровую ладонь на его руку. Он вздрогнул. Алекс готов был поклясться, что в эту секунду он испытывал угрызения совести, но в то же время он много бы дал за то, чтобы жена публично не демонстрировала таким образом свое к нему отношение. «Господи, как он, должно быть, нелепо себя чувствует», — подумал Джо и быстро перевел взгляд на Сару, которая начала читать:

— И вот стою я перед вами.

Исполнено деяние мое!

Свершилось, наконец, веление судьбы: удар нанесен.

Теперь открыто и бесстрашно скажу вам, как погиб он.

*Сперва я плотной тканью укутала его, как сетью,
чтобы не смог он избежать удара иль уклониться от него...*

Джо смотрел на Сару и не верил своим глазам. Эти слова произносила вовсе не Сара Драммонд, а кто-то совершенно другой: зрелая женщина, с неровным дыханием, вызванным усилием и возбуждением после только что совершенного убийства. Гордая, слегка презрительная, слегка неуверенная в том, что готовит грядущая минута. И в то же время — царица, владелица душ своих подданных, желающая говорить спокойно, но принудить их к послушанию и не допустить у них мысли о бунте и каре. А ведь в ее лице ничего не изменилось, не было никакого грима, и голос был тот же, и глаза те же. Но весь облик стал иным. Это была Клитемнестра!

— Затем ударила подряд два раза, а он, два раза вскрикнув,

*упал и сразу умер. И вот тогда, когда лежал он,
а жизнь уже покинула его, я третий нанесла удар —
священный, жертвенный, в благодаренье Зевсу,
властителю в подземном царстве мертвых...*

*Так пал он и погиб, а через рот открытый
душа его из тела устремилась с потоком крови
настолько сильным и могучим,
что окропил меня он*

с ног до головы, подобно черному дождю.

*И тут внезапно испытала я неслыханное наслажденье,
сродни тому, что чувствует иссохшая земля во время ливня,
когда во чреве ее разбухают
готовые ко всходам семена...*

Наступила мертвая тишина.

— О Боже! — тихо прошептал Гастингс.

— Нет, ну правда же: какая отвратительная тетка!?! — сказала Сара и расхохоталась. — Налей мне немного вина, Иэн, что-то в горле запершило. Нельзя читать вслух после острых приправ.

Напряжение рассеялось, и Алекс был благодарен Саре, что она не позволила ни на секунду больше, чем надо, продлиться восхищенному молчанию. Так могла позволить себе поступить только поистине великая актриса. Не ожидая, пока кто-нибудь выскажется о том, что происходило здесь минуту назад, она спросила:

— Как твоя рука, Люси? Я вспомнила, что наш последний счет пять—пять, ты ведь выиграла последний мяч.

— Подожди... — Люси поднесла здоровую руку ко лбу. — Я вдруг ощутила себя глупым ребенком, — сказала она беспомощно. — Я всегда знала, что ты великая актриса, но чтобы вот так, прямо за столом, по первому требованию, в течение доли секунд? Нет, все мы со всеми нашими способностями просто дети по сравнению с тобой. Ты гениальна... Я впервые кому-то это говорю... Я только в эту минуту осознала, что такое настоящий гений. Когда я теперь смотрю на тебя, я уже сама не знаю, правда ли то, что видят мои глаза, или ты можешь произвольно меняться по своему желанию и становиться кем хочешь и когда захочешь!.. — Она остановилась и добавила тихо: — Извините. Я редко так волнуюсь, но...

В эту минуту в дверях появилась Кейт.

— Из Лондона звонят мистеру Дэвису, — сказала она негромко, подходя к молодому человеку.

В первую минуту Филипп Дэвис не расслышал ее слов. Он сидел неподвижно, не сводя глаз... с Люси Спарроу. Потом слова горничной, очевидно, достигли его сознания, он вскочил, пробормотал извинения и быстро вышел.

— Я рада, что наши штучки пришлись по душе благородным господам! Благодарим сердечно и кланяемся низко! — прошепелявила Сара Драммонд голосом старой нищенки со столь узнаваемым лондонским акцентом, что все рассмеялись. — Так о чем это мы говорили? Ах да, о твоей руке, Люси.

— Мне уже немного лучше, хотя боль еще есть. Но, надеюсь, завтра я уже смогу ею владеть. Помассируешь мне ее на ночь, дорогой? — обратилась она к мужу.

— Да, конечно, — Спарроу склонил голову и снова углубился в разглядывание скатерти.

«Нет, но какие сцены! — подумал Джо Алекс. — Какие изумительные сцены для моей новой книги: она, декламирующая по просьбе своего мужа монолог женщины, которая убила супруга, чтобы получить возможность жить с любовником! А та, другая, бедняжка, хвалит ее и восхищается ею в своей невероятной наивности! Какая же, однако, дьявольская забава — жизнь!»

Начался разговор о театре, а спустя несколько минут вернулся Филипп Дэвис. Занятые разговором не заметили, как он бесшумно появился в гостиной, но Алекс, сидящий напротив него, сразу заметил, что молодой человек ужасно бледен. Садясь и поймав взгляд Алекса, он попытался улыбнуться, но эта улыбка получилась столь нарочитой, что он как бы сам отказался от нее, и чтобы как-то скрыть ее, положил себе в тарелку большой кусок пирога, к которому потом даже не притронулся.

Сара посмотрела в окно.

— Полнолуние! — воскликнула она. — В Лондоне человек с трудом ориентируется — зима или лето на дворе. Когда же это я последний раз видела полную луну? Не иначе как полгода назад. Это, между прочим, лучшее время для работы над новой ролью. Ходишь себе по безлюдным аллеям и выстраиваешь каждую интонацию. — Она улыбнулась. — Поверь мне, Люси, что над каждым вздохом, над каждой краской в каждом слове я работаю уже добрых пару лет. Это лишь на первый взгляд все кажется таким красивым. На самом же деле я — тяжело вкалывающий рабочий,

и во мне во сто раз больше упорства, чем того, что ты называешь талантом. Думаю, что после ужина я как раз и отправлюсь «...на бездорожье узких тропок, дабы сама с собою в нежной страсти беседой насладиться...» — процитировала она и поднялась с кресла. — Я пошла в парк.

Алексу показалось, что, произнося эти слова, она посмотрела на Спарроу, который поднял голову и коротко глянул ей прямо в глаза. И еще Алексу показалось, что мелькнуло в их взглядах некое тайное взаимопонимание. Но это могло быть лишь игрой воображения. Все встали.

— Ты, наверно, уже ляжешь? — спросил Спарроу, беря жену под руку.

— Да, я только хотела, чтобы ты помассировал мне мышцы руки. Но это попозже.

— Не забывайте, господа, — сказал Драммонд, — что после десяти Мэлахи спускает с цепи своих овчарок и к этому времени лучше быть уже в доме. Разумеется, можно его предупредить, если хотите погулять подольше, и тогда он придержит собак подле себя.

Алекс задержался у двери, пропуская выходящих дам. Он заметил, что Дэвис подошел к Спарроу и спросил, сможет ли тот уделить ему несколько минут для разговора.

— Разумеется, мой дорогой. Я провожу жену в ее комнату, а потом пройду по парку. Прошу меня подождать, ладно?

Филипп склонил голову в знак благодарности.

За дверью Алекс почувствовал на своем плече руку Драммонда.

— Я иду в свой кабинет, — сказал Иэн, — загляни ко мне попозже, я покажу тебе удочки и условимся, когда выезжаем. А пока я хочу сориентироваться, сколько времени у меня есть завтра и можно ли поручить утреннюю работу Филиппу. То есть мне придется приготовить ему задания, чтобы до обеда Спарроу имел все, что ему потребуется. Мы работаем как один человек, а эта взаимозаменяемость позволяет нам превратить восьмичасовой рабочий день в шестнадцатичасовой. Так я тебя жду!

Иэн взмахнул рукой и направился к двери, ведущей из холла в его кабинет. Джо взглянул на часы. Без десяти девять. В сгущающемся сумраке он увидел спину Гастингса, который начал свою прогулку вокруг клумбы, время от времени склоняясь над цветами. Сквозь ветви деревьев уже проглядывала луна, еще низкая, но круглая и белая. Было очень красиво и тихо. Джо решил прогуляться по парку и подумать над книгой. Этот лунный пейзаж казался прекрасной декорацией к размышлениям о преступлении. Через час он сядет за машинку и будет работать до полуночи. И хватит. Надо выспаться, чтобы утром не дремать в лодке. В конце концов, жизнь действительно состоит не только из одной работы. Джо направился к приоткрытой остекленной двери и легонько толкнул ее. Перед ним лежал парк, полный душистых ароматов и таинственных вечерних шорохов лунной ночи.

VI. В свете луны

Ночь была теплой, настолько теплой, что Джо ощутил значительную разницу между нагретым воздухом сада и холодной, пахнувшей камнем атмосферой холла. Было совсем светло. Острые лезвия лунного света пронзали кроны древних деревьев и ложились на цветы клумб, выхватывая их из мрака и придавая им таинственные и фантастические формы. Слегка изогнутый стебель еще не распустившейся белой розы напоминал тело приподнявшейся змеи с узкой белоснежной головой, устремленной вверх. Эта роза росла на краю обрамления огромной клумбы, которая занимала почти все свободное пространство перед домом и была перерезана посредине тропинкой, ведущей к старым платанам и липовой аллее. Вокруг

клумбы царила темнота. Густая стена парка казалась еще более густой и непроницаемой, потому что луна светила из-за этой стены и находилась выше, запутавшись в кронах лип.

Возле белой розы стоял человек. Алекс прищурился и присмотрелся к нему, спускаясь по широким ступеням, ведущим из дома в парк. Человек двинулся к нему и остановился. Алекс узнал Филиппа Дэвиса.

— Вы случайно не видели профессора Спарроу? — спросил Дэвис. — Я жду его тут... — добавил он, как бы оправдываясь.

— Наверно, он сейчас выйдет. — Алекс остановился и закурил. — Он пошел проводить жену наверх.

— Да, да, конечно. Я знаю об этом. Но я думал, что, может... — Алекс заметил, что молодой человек нервничает.

— Красивая ночь, — сказал Джо, чтобы что-нибудь сказать. Он хотел двинуться дальше: ему теперь надо было спокойно, в одиночестве обдумать книгу и еще раз критически рассмотреть запланированный ход сюжета. А потом уже можно садиться и записывать.

— Да, действительно, очень красивая... — Филипп приподнялся на цыпочки и глянул через плечо Алекса на освещенную прихожую, из глубины которой зазвучали шаги. Но это была всего лишь горничная Кейт.

— Вам снова звонят из Лондона, сэр, — сказала она и в полумраке слегка улыбнулась Алексу.

— Мне? — спросил Алекс.

— Нет, вам.

— О Господи, — прошептал Филипп, но так, что Джо его услышал.

Дэвис быстро двинулся к дому и, миновав горничную, исчез в холле. Молодая и симпатичная Кейт подняла голову, взглянула на луну и вздохнула.

— Очень красивая ночь, не правда ли, сэр?

— Да, действительно... — Алекс невольно окинул ее взглядом с ног до головы и быстро отвернулся. — Надо прогуляться после ужина, — пробормотал он, чтобы как-то закончить разговор. Сейчас совершенно не подходящее время, чтобы флиртовать в парке с молодыми горничными. Хотя, со стыдом глядя в прошлое, он должен быть признать, что в его жизни случалось и это тоже.

«Ну что ж, у меня, как у всякого человека, есть свои маленькие слабости...» — сказал он себе и тут же, будто его второе «я» хотело подтвердить это, подумал о Саре Драммонд, которая сейчас, совсем одинокая, находилась где-то в этом сумрачном парке на одной из его многочисленных извилистых аллей. Он оглянулся. Кейт исчезла, а на ее месте возникла широкая, могучая фигура мужчины. Спарроу. Он стоял, оглядываясь по сторонам. Увидев Алекса, он вздрогнул и как будто хотел повернуться и уйти, но Джо окликнул его.

— Только что здесь был мистер Дэвис и искал вас. А сейчас его позвали к телефону.

— Да. Большое вам спасибо... — Спарроу сошел со ступенек, по-прежнему незаметно оглядываясь, будто рассчитывая на то, что слабый свет луны не позволит заметить движения его головы. — Конечно. У него, кажется, было ко мне какое-то дело... Наверно, он сейчас вернется... А я пока прогуляюсь...

И не добавив ни слова, он направился в противоположную сторону, удаляясь от того места, где стоял Алекс. Он исчез в тени деревьев, еще раз показался в луче лунного света и снова исчез, на этот раз окончательно. Джо еще несколько секунд слышал звук его шагов на усыпанной мелким гравием дорожке. Шаги эти были куда быстрее, чем шаги человека, идущего «пока прогуляться». Казалось, будто Спарроу шел в каком-то опреде-

ленном направлении и хотел как можно скорее достичь цели. Джо снова подумал о Саре Драммонд.

Он сердито тряхнул головой. «Это их сугубо личное дело! — подумал он. — Я не должен вмешиваться не в свои дела».

Он медленно двинулся вдоль клумбы и, сделав большой полукруг, оказался под одним из платанов у входа в липовую аллею. Там стояла длинная зеленая скамейка, которую он заметил еще днем. Он сел на нее и углубился в размышления о своей книге. Точнее, он лишь собрался углубиться в них, но ему снова помешали. Садясь, он видел перед собой дом. Окна левой стороны первого этажа, где находились лаборатория и кабинет Драммонда, были освещены, хотя закрытые жалюзи не позволяли увидеть, что происходит внутри. Из окон падал легкий желтоватый свет, сливающийся с холодным лунным блеском, так что сидящий мог видеть все, что находилось между домом и скамейкой. Вот тут-то он и увидел какую-то фигуру у клумбы, медленно направляющуюся в его сторону. В первую секунду он подумал, что это Филипп Дэвис, закончив телефонный разговор, возвращается на свой пост, где он собирался ожидать Спарроу, еще не зная, что тот отправился на прогулку в парк. Но через минуту свет упал на лысину идущего и обозначил ее легким ореолом. Это был Гастингс. Американец шел, слегка склонив голову, заложив руки за спину, и казалось, был погружен в свои размышления до такой степени, что его, вероятно, совершенно не волновала красота ночного парка, и уж наверняка он не был бы рад, если б ему сейчас пришлось начать разговор с человеком, с которым он познакомился лишь сегодня утром и с кем у него не было никаких естественных тем для беседы.

Подумав обо всем этом, Алекс тихонько встал и, пользуясь глубокой тенью кроны платана, вошел в сумрак липовой аллеи.

Его мысли снова вернулись к сюжету книги. Да. Это было прекрасное решение. Убийца имел все мотивы при условии... Ну конечно! Надо будет только подробно описать фон, на котором развиваются события. Точно такой же дом, такие же люди, то же сплетение интересов и страстей...

Размышляя, он все дальше углублялся в парк и машинально свернул на ту же тропинку, по которой днем они гуляли с Драммондом. Потом остановился. Теперь он находился на самом краю парка, где тропинка кончалась возле столика, за которым они с Иэном сидели в полдень. Было совершенно темно. Где-то высоко крикнула большая ночная птица. Она крикнула пронзительно и захлопала крыльями, прячась в ветвях невидимого огромного дерева. Потом наступила полная тишина.

Алекс стоял не шевелясь. Он готов был поклясться, что минуту назад до него долетел едва слышный звук слов, произнесенных тихим, сдавленным шепотом. Джо вглядывался вперед, пытаясь хоть что-нибудь увидеть в темноте. Двигаясь почти на цыпочках, он сделал еще несколько шагов до того места, где поворот тропинки был перекрыт густой стеной кустарника. Джо встал за ней и присмотрелся. Свет луны падал прямо на поверхность столика, в то время как скамейка находилась в тени. Но даже этого маленького отблеска было достаточно, чтобы в белом пятне среди мрака Джо узнал платье Сары Драммонд. Рядом с ней сидел человек, лица которого нельзя было различить.

Джо хотел немедленно отступить. Он никогда в жизни не подслушивал и считал неприличным вмешиваться без спроса в чужие дела. Но слова, которые он услышал, приковали его к месту:

— Я предпочла бы, чтобы мы все умерли: он, ты и я! — сказала Сара.

— Может, и я бы предпочел. — Это был Спарроу. Джо сразу узнал твердый, внешне спокойный тон его голоса. — Это ужасно — ведь мне казалось, что ты меня любишь. Я был идиотом.

— О, Гарольд... — В этих словах таилось столько усталости, что человек, к которому они были обращены, встал.

— Знаю. Теперь я знаю все. Если бы я знал тогда... Но я не думал, что меня использовали лишь для того, чтобы ты еще раз могла убедиться, что ни один порядочный человек перед тобой не устоит. У тебя свои красивые забавы. Может, так мне и надо?... Но я этого не понимаю. Я... я просто не понимаю. Ради тебя я изменил жене, я изменил Иэну... Я — подлец... Я уже не могу смотреть людям в глаза, я не знаю, что я говорю... Но, к сожалению, я люблю тебя... А ты, ты любишь его. И спокойно говоришь мне об этом. Сейчас!

— Но пойми же, наконец... — сказала Сара. — Пойми, что в жизни так бывает. Возможно, я вначале и думала, что... — она умолкла. Потом решительно, будто намереваясь раз и навсегда покончить с такой ситуацией и понести все последствия, какими тяжелыми они бы для нее ни оказались, она произнесла: — Послушай! Я не могу сказать тебе ничего больше. Я хотела с тобой встретиться, потому что дальше так продолжаться не может. Я приехала из Лондона для того, чтобы сказать тебе это. Да. Я люблю Иэна. Я никогда от него не откажусь. Мы оба сделали ошибку. Ты... ты должен вернуться к... Люси, а я... я все забуду. Ты никогда больше не услышишь от меня об этом... о наших делах. И я от тебя тоже. Ты должен жить так, будто ничего не случилось. Будто это был сон. Это единственный выход. Поверь мне.

— Но я тебя люблю! — Спарроу снова встал, будто не мог усидеть на месте. — Я люблю тебя и не могу так жить! Я не смогу ежедневно смотреть на тебя, все помнить и повторять себе: «Это мне приснилось!» Я не смогу!.. — Он умолк. — Что-то должно случиться... — сказал он тихо, больше себе, чем Саре. — Что-то должно случиться со мной, с нами, с ним. Я пойду к нему, все расскажу, а потом уйду и никогда больше с ним не встречусь!

— А обо мне ты подумал? — спокойно спросила Сара. — Или ты полагаешь, будто самое благородное, что мужчина может сделать, это пойти к мужу своей любовницы и донести ему об этом?

— Что? — Спарроу тихо рассмеялся жестким невеселым смехом. — Самое благородное? В этой ситуации ничто не может быть благородным. И никогда уже не будет. Я должен пойти к Иэну и должен ему сказать... что я не могу с ним дальше работать. А что другое я могу ему сказать?

— Не знаю. Что угодно, кроме этого. Ты так не поступишь. Ты не можешь этого сделать. Разве что ты хочешь мне отомстить?

— А Люси? — спросил он вдруг. — Ведь она, наверно, знает?

— Что знает? — в голосе Сары прозвучал испуг.

— Знает или, может, догадается. Ведь я... я уже давно изменился по отношению к ней... Я не актер. Я не умею играть. Я стараюсь хорошо к ней относиться, как можно лучше, потому что я подлец, и она, вероятно, чувствует, что... что... — Он умолк. Потом сказал почти с удивлением: — Ведь ты довела меня до того, что я ее уже не люблю. Как такое могло случиться?

Некоторое время они молчали.

— Гарольд... — сказала Сара мягко, и Алекс даже прикусил губу, понимая, что сейчас эта великая актриса перейдет в наступление. — Гарольд, вот ты говоришь, что меня любишь... Но я не могу оставить Иэна. Я все поняла. Я не могла бы быть счастлива ни с кем, даже с тобой... То, что было... это было чудесно, но это должно закончиться. Все на свете кончается и все оставляет после себя печаль. Но это не значит, что мы обязаны стать врагами, что мы должны устремиться в погоню за недостижимым и не сможем понять, что мы и так получили от жизни больше, чем нам было предназначено. Человек склонен грешить. Я, наверно, знаю об этом

больше, чем ты. Я слабее тебя. Я испытала в своей жизни больше унижений и радостей, чем ты. Мне тридцать пять лет. И я хотела быть счастлива. Я думаю, что и тебе я дала немного радости. Но я не хотела ранить, затаптывать и убивать невинных. Ни Иэн, ни Люси никогда не должны ничего узнать. Это не их вина, и они не должны быть несчастны. А ведь будет... К одному преступлению против них мы добавим второе, быть может, худшее. Это лишь мы должны нести всю эту тяжесть...

— Но я не могу... — Он повысил голос. — Я не могу так больше жить! Я сегодня же пойду к Иэну и скажу, что завтра я должен уехать. Пусть он думает что хочет. Возможно, ты права, и я должен хранить тайну, раз уж мы не можем говорить о том, что нас связывало. Я не скажу ему. То есть, я постараюсь ему не сказать. Не знаю, смогу ли. Может, он убил бы меня за это. Но и тогда я был бы счастливее, чем сейчас.

— Успокойся... — Сара встала. — Я должна идти. Останься здесь еще немного. Не надо, чтобы кто-нибудь мог подумать... Особенно сейчас...

— Я уеду! — Спарроу сел на скамейку, и Алекс подумал, что сейчас он, наверно, обхватил голову руками. — Я уеду в Америку и не вернусь сюда. А Люси я напишу с корабля. Я не скажу ей, о ком идет речь, будь спокойна. Но она должна меня понять. Я ее уже недостойн. Я запятнал... Впрочем, я все равно думаю только о тебе... К сожалению, только о тебе.

— Ради бога! — воскликнула Сара. — Будь мужчиной! Что бы ни случилось, будь мужчиной!

— Хорошо! — глухо сказал Спарроу. — Я тебя прекрасно понимаю.

И не говоря больше ни слова, он шагнул в темноту и исчез, прежде чем Сара успела что-либо ответить. Алекс замер. Потом очень осторожно, шаг за шагом, отступил к тропинке, опасаясь, как бы не попала ему под ноги какая-нибудь сухая ветка. Но сидящая на скамейке женщина была целиком погружена в свои мысли и не замечала ничего вокруг.

Выбравшись на липовую аллею, Алекс ускорил шаг и перестал идти крадучись. Издалека доносился шум моря. Луна уже поднялась над деревьями, и сад превратился в темно-серебряный лабиринт причудливой формы. «Бедный Иэн. Он сказал, что счастлив... Мудрые древние греки говорили, что никого не следует называть счастливым, пока он не закончит своих дней, оставаясь счастливым...» В кабинете на первом этаже все еще горел свет. Иэн боролся со своими проблемами, ничего не подозревая и ни о чем не догадываясь. Джо взглянул на часы. В полумраке он разглядел лишь одну стрелку, указывающую вниз. Половина десятого.

Он дошел до скамейки под платанами и сел, сожалея о том, что вообще с нее вставал. Вокруг клумбы прогуливались двое: Филипп и Гастингс. Они были совсем близко.

— Конечно, — сказал Гастингс, — я не оказываю на вас давления. Но такой способный молодой человек был бы нам крайне нужен. Вы ведь знаете, что в нашей университетской лаборатории работают люди со всего мира. Со всей лояльностью к моему другу Драммонду и профессору Спарроу я должен признать, что, работая рядом с ними, вы можете многому научиться. Но открытая жизнь и большие перспективы — это все-таки у нас. Просто у нас больший размах, и способный человек может подняться по карьерной лестнице, преодолевая одним шагом несколько ступеней. И никто ему не помешает, если он сам будет чего-то стоить. Мой адрес вы знаете, так что, если надумаете — дайте телеграмму. Я буду...

Они удалились, и Алекс не мог больше ничего услышать. Собеседники подошли к дверям дома и расстались. Американец вошел внутрь, а Филипп Дэвис, после некоторого колебания, вернулся и медленным шагом стал прогуливаться вокруг клумбы. Оказавшись поблизости, он остановился, заметив, очевидно, в темноте белое пятно воротничка Алекса, и подошел.

— Простите, — сказал он. — Я все еще жду профессора Спарроу. Вы его не видели?

— Нет, я его не видел.

— Не знаю, куда он мог деться...

— Может, гуляет по парку? — сказал Джо. — Меня тут не было некоторое время, поэтому я не могу сказать вам ничего определенного...

В эту минуту он увидел Сару. Быстрым шагом она прошла мимо них и оказалась в ярком прямоугольнике света, падавшего сквозь остекленную дверь холла. Она вошла в дом, и эхо донесло легкий звук ее шагов по каменному полу. Филипп Дэвис зажег спичку и взглянул на часы.

— Уже десять, — с удивлением сказал он. — Должно быть, профессор Гастингс беседовал со мной гораздо дольше, чем сперва показалось... — Молодой человек понизил голос. — Он всех уговаривает ехать в Америку. Меня, конечно, в последнюю очередь. Представляете, сейчас он подошел ко мне и предлагал огромное будущее, если можно так выразиться. Наверно, я мог бы стать очень богатым, если бы все, что он говорил, исполнилось... — Он умолк. — Страшная это штука — деньги! — внезапно воскликнул он с живой искренностью. — Иногда они бывают так нужны, причем срочно! — Он резко поднялся со скамейки. — Должно быть, я каким-то чудом с ним разминуся... С профессором Спарроу. Пойду постучусь к нему в комнату. Может, он там. А то Мэлахи сейчас спустит собак... Извините.

Он быстро направился к дому. Алекс задумчиво посмотрел ему вслед. Почему этот симпатичный молодой человек так нервничает? Может, из-за предложения американца и миражей богатства? А может, из-за этих телефонных звонков из Лондона?.. У всех свои проблемы, — пришел, наконец, к выводу Джо, отдавая себе отчет в том, что этот вывод столь же банален, сколь и правдив. Он встал и направился к дому. Навстречу ему из холла вышел профессор Гастингс.

— Уже поздно, — предупредительно поднял руку Алекс. — Не забывайте о собаках!

— Ах, да! Я хотел поговорить с профессором Спарроу. Но его нет ни у себя, ни у Иэна... А, вот он!

И, миновав Алекса, он направился к медленно приближающейся в темноте фигуре. Когда Гастингс подошел, Спарроу резко поднял голову, будто внезапно пробудился ото сна.

— Я хотел бы еще сегодня побеседовать с вами, если можно, — сказал Гастингс. — В будущем году у нас в Штатах состоится всемирный научный конгресс, и в связи с этим я хотел бы сказать вам обоим пару слов. Конечно, можно это сделать и позже письменно, но раз уж я здесь...

— Да-да, конечно, — сказал Спарроу. — Разумеется...

— Кроме того, я хотел бы поговорить лично с вами об одном деле, которое могло бы нас обоих заинтересовать. Мы было начали говорить об этом несколько дней назад, но я тогда не хотел отнимать у вас много времени...

— Да, — сказал Спарроу и потер ладонью лоб. — Да-да, я тоже хотел с вами поговорить... Вы не могли бы зайти ко мне, ну, скажем, через полчаса? Я обещал жене помассировать руку... с ней сегодня произошел этот несчастный случай и...

— Да, прекрасно понимаю. Сейчас десять минут одиннадцатого. Значит, без двадцати одиннадцать, верно?

— Да, я буду вас ждать.

Алекс уселся на каменной ступеньке и закурил. Они прошли мимо него, входя в дом, и американец при этом упомянул что-то о прохладном вечернем воздухе и ревматизме. Алекс улыбнулся.

Они вошли в дом, и теперь он остался один. Луна выглянула из-за крыши дома, и в саду стало светлее. Повеял прохладный ветерок. Джо увидел чуть согнувшуюся фигуру, которая приближалась с левой стороны дома. Рядом с ней бесшумно скользили две невысокие тени. Собаки.

— Дядюшка Мэлахи? — спросил Алекс вполголоса. Обе тени мгновенно рванулись вперед, но их остановил короткий свист. Собаки вернулись. Старик подошел, держа в зубах свою неразлучную трубку.

— Да, это я, — сказал он. На плечи Мэлахи была наброшена овчина. — Красивая сегодня ночь. И светлая...

— Да. Завтра утром мы собрались на рыбалку, мистер Драммонд и я. — Алекс встал, и собаки заворчали, но тут же умолкли, повинуясь взмаху руки хозяина.

— Почему нет? И я бы с вами съездил.

— А когда же вы спите, дядюшка Мэлахи, если ночью ходите с этими псами, а днем полно работы в огромном саду, да еще полдня отнимает рыбалка?

— Я сплю ночью. Я сажусь себе вот тут, а они гуляют. Потом я еще часик дремлю после обеда, и мне хватает. Старые люди не должны много спать. Они еще успеют выспаться, — он рассмеялся тихим старческим смехом. — В последнее время я предпочитаю быть здесь, поблизости, — добавил он шепотом. — Я меньше беспокоюсь за мистера Иэна, если сижу недалеко от него с этими собаками. Тогда уж никто сюда не пройдет. А в доме нет никого, кто мог бы его обидеть... — Он на секунду умолк. — По крайней мере, так обидеть, чтобы он не мог потом успокоиться.

Алекс молчал. Он догадывался, что хочет сказать старый садовник. Стало быть, и он знает... Откуда? Конечно, он мог когда-нибудь заметить их вдвоем в парке. Наверно, они не первый раз встречались там, как сегодня. Впрочем, это его дело... Джо встал.

— Так до завтрашнего утра! — сказал он.

— Конечно! Спокойной ночи! — старик уселся на пороге. — Я потом закрою, — добавил он. — У меня с собой ключ, а второй висит на гвозде у двери.

— Спокойной ночи! — Алекс вошел в холл и направился к двери кабинета Драммонда.

VII. «...Не смог он избежать удара иль уклониться от него...»

Алекс постучал в дверь, которая находилась рядом с пролетом лестницы, ведущей на второй этаж. Не услышав приглашения, он постучал вторично. Потом, обеспокоенный, нажал на ручку. Дверь бесшумно отворилась, и тогда он понял, что его стук не имел никакого смысла. Дверь с внутренней стороны была обита звуконепроницаемыми предохранительными подушками.

— Прости, — сказал он, — но я тут стучу, стучу и...

— О, входи! Я думал, это Сара. Она только что была здесь и сидела около четверти часа. Похоже, ее очень утомил нынешний лондонский сезон. Она была так рассеянна, что тоже постучала. Потом заглянул Гастингс и сделал то же самое. — Драммонд поднялся из-за большого, заброшенного бумагами стола. — Я забыл сказать тебе, что в эту комнату не стучат. Да и зачем? Никто сюда без надобности не приходит. Во время работы мы избегаем шума и лишних разговоров. Стены я тоже велел обложить пробкой. Стареею, наверно.

Он встал и тяжелым мраморным пресс-папье промокнул страничку, на которой виднелись ряды непонятных Алексу значков.

— Господи! — воскликнул Джо. — А что это за иероглифы?

— Я мог бы тебе все объяснить простыми словами, не употребляя этих знаков, но это все равно тебе никогда не пригодится. — Он вынул из кармана ключ и открыл им дверь в противоположной стене. — Вот тут наша лаборатория! — рассмеялся он. — А вот ее важнейшее оборудование! — Он зажег свет, и Алекс увидел большую белую комнату с зарешеченными окнами. Здесь стояло несколько столов и застекленных шкафов, а в них разнообразные сосуды, полные жидкостей и порошков. На столах были закреплены причудливые приспособления, о назначении которых Алекс не мог даже догадаться. На стене висела черная приборная доска, покрытая разноцветными лампочками. К ней от каждого стола тянулись провода.

— Значит, вот так выглядит современная алхимия, — вздохнул Джо. — Думаю, в старые времена легче было постигать истины.

— Вряд ли. Ничего не изменилось. Все ведь по-прежнему заключается в поисках философского камня, только для каждого столетия он другой. Но ты взгляни на это! — Иэн с гордостью указал на единственный незастекленный шкаф. На нем был нарисован огромный, зловеще ухмыляющийся череп, снабженный, согласно обычаю, двумя скрещенными костями под ним. А под этими костями находилась красивая, стилизованная надпись красными, как кровь, готическими буквами: «ВНИМАНИЕ! НЕ ОТКРЫВАТЬ — ГРОЗИТ СМЕРТЬЮ!» Иэн открыл дверцу шкафа, и внутри показался ряд удочек, аккуратно расставленных, подобно карабинам в оружейном шкафу. К внутренней стенке дверцы шкафа крепились прозрачные коробки, полные разноцветных искусственных мух и всевозможных крючков, от маленьких одиночных до огромных тройников, похожих на якоря.

— Да-а! — кивнул головой Алекс. — Для нас двоих хватит. Ты уже решил, в котором часу мы выедем?

— Я думаю, в семь, если ты не проспичь.

— Ни за что в жизни, хотя, может, лучше разбуди меня утром, когда сам встанешь.

— Ладно, — Иэн закрыл шкаф. — Я еще потом пересмотрю крючки и привяжу их к леске, чтобы не возиться с ними в лодке. А теперь — за работу!

— Я тоже немного поработаю, — пробормотал Алекс. — Кажется, мой новейший гениальный шедевр родится здесь, под твоей крышей.

— Память об этом сохранится в веках! — улыбнулся Драммонд. Они вернулись в кабинет.

Джо подошел к двери и обернулся:

— Только не забудь, разбуди меня сразу же, как только протрешь глаза!

Стоя у двери с рукой, опущенной на дверную ручку, Джо заметил в углу кабинета большой, несколько старомодный сейф, толстая дверца которого была полуоткрыта.

— Не бойся, не забуду!

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Джо закрыл за собой дверь кабинета и двинулся наверх.

Войдя в свою комнату, он зажег свет. Пишущая машинка стояла на столе и, казалось, скалила клавиши, приглашая поработать. Алекс снял пиджак, галстук и туфли, достал из-под кровати тапочки и набросил на рубашку фланелевый халат. Когда он уселся за стол, часы пробили два раза. Половина одиннадцатого.

Джо подвинул лист бумаги, торчащий в машинке, и под словами «Г л а в а п е р в а я» написал: «Перед поднятием занавеса». Потом снова подвинул лист и начал: «В этот день Джо Алексу исполнилось тридцать пять лет...»

Спустя минут двадцать с тех пор как он начал писать, в дверь постучали. Джо запахнул полы халата и встал, глянув на часы. Без десяти одиннадцать.

— Войдите!

Дверь медленно приоткрылась.

— Ради бога, простите... — вполголоса сказала Люси Спарроу, — но я услышала, что вы печатаете на машинке...

— Пожалуйста, входите.

— Нет, нет, я в халате. Не могли бы вы одолжить мне несколько листов машинописной бумаги. Мне надо написать письмо, но рука обездвижена, поэтому я попробую как-нибудь одним пальцем напечатать его на машинке.

— Конечно, пожалуйста! — Джо взял из пачки на столе десяток листов и подал ей через порог. Люси была одета в длинный голубой халат, прекрасно контрастирующий с ее светлыми волосами.

— Спасибо и извините. Спокойной ночи, — она тихо закрыла дверь.

— Спокойной ночи, — несколько поздно вато сказал Алекс. Какая, однако, красивая женщина! Холодная греческая богиня. Он подошел к зеркалу и пожал плечами. Что они все видят в этом Спарроу? Это же полный бред!

Джо вздохнул и снова уселся за стол. Почти полчаса он писал без прерыва, испытывая огромное удовольствие. Книга шла легко, складно и сама подсказывала все новые, необходимые подробности, что было признаком хорошо продуманного сюжета. Наконец заболела спина, он встал и, распрямляя плечи, подошел к окну. Огромная клумба была залита лунным светом. Издали деревья походили на могучую темную стену, отделяющую Саншайн Мэнор от таинственного ночного мира. Вдруг тропинку пересекли две низкие длинные тени. Они остановились, потом вернулись обратно. Минуту спустя он увидел согнутую фигуру, которая медленно передвигалась вокруг клумбы, останавливаясь, наклоняясь и разглядывая цветы в лунном свете. Старый Мэлахи и два его грифона. Джо высунулся в окно. В нижнем окне под ним по-прежнему горел желтый свет за закрытыми шторами. Иэн. Высокий, светлый, склоненный над причудливыми значками непонятных формул, из которых рождалась новая эра синтетических масс. Глубоко скрытые тайны серы, еще недавно служившей всего лишь топливом, которым дьявол разжигал свои печи в аду...

Мысль о преисподней напомнила Джо о его книге. Он вернулся к столу и, взяв несколько напечатанных страниц, начал их перечитывать, делая карандашом то там, то здесь пометки о необходимости поправок. Закончив работу, он подумал, что пока все идет хорошо. Однако надо тщательно продумать еще несколько фрагментов этой драмы. Он подошел к кровати, взял с ночного столика пачку сигарет и закурил. Это оказалась последняя сигарета. Ничего, позже он спустится к Иэну. А пока надо немного подумать... Не снимая халата, он прилег на кровать и закрыл глаза. В воздухе ощущался легкий аромат дыма сигареты, которая медленно сгорала между пальцами. Алекс крепко затянулся раз, потом еще раз... Никакого удовольствия... Он затушил сигарету и снова закрыл глаза. Поездка с Сарой. Ребенок на шоссе. Отвратительная рыба, пойманная Гастингсом. Постепенно рыба превратилась в царицу, которая тяжело дышала после убийства мужа. «И вот стою я перед вами... — сказала рыба. — Свершилось, наконец, веление судьбы: удар нанесен...» Джо уснул.

Проснувшись, он не мог понять, где находится. Свет по-прежнему горел. Он сел, протер глаза и взглянул на часы. Без пяти час... О Господи... Он беспомощно огляделся в поисках сигарет. Нет, нигде ни одной... А может, раздеться и лечь спать? Нет, последняя сигарета в сочетании с теплой ванной — без этого никак! Он подошел к окну. Иэн, наверно, уже

спит. Нет. Свет внизу по-прежнему горит. Как же он собирается рано вставать, если до сих пор работает?..

Джо подобрал полы халата и тихонько открыл дверь. Дом спал. Нигде не было слышно ни малейшего шороха. Под сводом тускло светилась маленькая ночная лампочка. Не закрывая своей двери, Алекс миновал коридор и, взявшись за поручень, начал тихонько спускаться по лестнице. На повороте он остановился. Какой-то звук? Нет, показалось... Он был уже внизу, когда одна из последних ступеней резко скрипнула под ногами. Дверь, ведущая в кабинет Иэна, была распахнута. Но свет уже не горел. Должно быть, Иэн потушил его минуту назад. Может, он в лаборатории? Джо вошел и остановился в нерешительности. Сквозь шторы едва просвечивалось легкое лунное сияние, настолько слабое, что он с трудом различил сидящую за столом фигуру в белой рубашке.

— Иэн! — позвал Джо.

Фигура за столом не шелохнулась. В ту же секунду Джо услышал за своей спиной что-то вроде легкого вздоха, и все сразу исчезло. Остался лишь глухой, равномерный гул где-то в глубине черепа, и яркие радужные круги все разбежались и разбежались... пока он не соскользнул в глубокую, непроницаемую тьму...

VIII. В доме все спят

Радужные круги исчезли, и в голове разрослась боль. Джо Алекс открыл глаза. Он не знал, где находится, и ничего не мог вспомнить. Он увидел, что лежит на каком-то ковре, и прикоснулся ладонью к затылку.

— Меня кто-то ударил... — прошептал он. — Почему он меня ударил?

И вдруг все вернулось. Джо поднялся на ноги. Шум в ушах утихал. Он оглянулся. Освещенная лунным светом фигура за столом по-прежнему сидела неподвижно.

— Иэн! — прошептал он, и внезапный спазм сжал ему горло.

Где выключатель? Не прикасаться к лампе на столе... Не прикасаться к лампе на столе. Наверно, у двери...

Он начал шарить рукой по стене. Есть. Нажал. Комнату залил молочный свет большой лампы, висящей под потолком.

Иэн Драммонд сидел за столом — собственно, он не сидел, а наполовину лежал, уткнувшись головой в стол. Чувствуя, что волосы на голове встают дыбом, Алекс подошел ближе и увидел...

На белой рубашке виднелось огромное кровавое пятно, а в центре его торчал глубоко воткнутый нож с серебристой ручкой. Кровь протекла по спинке кресла и образовала на ковре большое темное пятно. Не в состоянии оторвать взгляда от этого пятна, Алекс подошел ближе.

«Я должен проверить, жив ли он... — в отчаянии подумал Джо. — Должен!»

Полуоткрытые глаза Иэна были совершенно неподвижны, и в глубине их таилось выражение какого-то безбрежного, тихого изумления. Одной рукой он судорожно сжимал край стола, будто хотел резко подняться, прежде чем, потеряв сознание, уткнулся головой в этот стол. В другой руке он держал ручку. На столе перед ним лежал лист бумаги, на котором виднелись какие-то слова, будто это было начало письма. Сбоку разложены коробки с крючками и блеснами. Алекс заметил это, еще как бы не понимая и не видя ничего, кроме этих неподвижных изумленных глаз. Он превозмог себя и, протянув руку, прикоснулся ко лбу Иэна Драммонда. Лоб был холодным, настолько холодным, что на первый взгляд казалось невозможным, чтобы в этой теплой комнате человек мог быть таким холодным даже после смерти.

— Он умер...умер...— прошептал Джо и опустил руку. Он видел в своей жизни слишком много мертвых, чтобы сразу понять — никакая помощь уже не нужна. «Какая помощь? Где карточка? Карточка, которую мне дал Паркер? Телефон...»

Он выпрямился и обошел вокруг стола, стараясь ни к чему не прикасаться. Он поступил так автоматически — слишком много преступников в его книгах оставляли следы... В его книгах? А ведь именно Драммонд должен был погибнуть в его книге... Он взялся рукой за голову. «Господи, что со мной происходит? — Джо подошел к двери. — Надо что-то делать!»

И вдруг он вспомнил: «Кто-то меня ударил! Это был убийца! Он был здесь, когда я вошел! — Он резко остановился. — Да нет, он уже ушел. Если б он хотел меня убить, то уже давно убил бы... Мэлахи? Мэлахи и его собаки...»

Он вышел в темный холл. Луч, падающий из дверей кабинета, осветил висящий на стене родовой герб Драммондов с двумя скрещенными копьями, которые были его главным мотивом. «Последний из Драммондов... проткнут... ножом... скальпелем. Я его знаю. Где же я его видел?»

Он взял трубку и набрал номер. Ему ответил далекий голос.

— Это участок полиции?

— Да, участок в Мэлборо. Это дежурный полицейский.

— Я звоню из Саншайн Мэнор. Моя фамилия Алекс. Мне надо немедленно поговорить с инспектором Паркером из Скотленд-Ярда.

— Да, сэр. Минуточку.

Щелчок в трубке, второй, третий.

— Алло? — отозвался спокойный, трезвый голос, и Алекс почувствовал огромное облегчение, хотя только сейчас он начал все понимать, и его охватило отчаяние.

— Это я, Джо, — сказал он тихо. — Иэн мертв!

— Что? — спросил Паркер. — Мертв? Убит?

— Да. Несомненно.

— Подожди минуту. Я сейчас вернусь.

Джо услышал далекий приглушенный голос:

— Джонс!

Ответ был не слышен. И снова Паркер сказал кому-то:

— Врач, фотограф, дактилоскопист! Выежаем! — А потом в трубку: — Через час я буду на месте. Ты знаешь, кто это сделал?

— Нет, — сказал Алекс. — Я только что обнаружил Иэна в его кабинете. В доме все спят. Никто еще не знает.

— Кроме убийцы, — пробормотал Паркер. Потом помолчал и продолжил: — Если можешь, позаботься, чтобы никто туда не входил. Никого не буди до нашего приезда. А Мэлахи пусть не запирает своих собак.

— Хорошо.

— Я уже выезжаю.

— Да.

Трубку положили. Джо отвернулся от телефонного аппарата. Впереди темнел мрачный холл, а с левой стороны сквозь приоткрытую дверь кабинета падал свет.

Стараясь не смотреть в ту сторону, Джо прошел мимо к остекленной двери, ведущей в парк. Луна по-прежнему светила, хотя теперь уже с другой стороны. Джо нашел висящий на толстом крюке большой старомодный ключ. Он вложил его в замок. Скрежет был настолько громким, что казалось, будто во всем доме заскрежетали ключи. Жуткое железное эхо. Джо нажал на дверную ручку. Сидящий на пороге человек в бараньем тулупе поднял голову. Собак не видно было.

— Мэлахи...— прошептал Алекс.

Старик вздрогнул и вскочил на ноги.

— Что случилось? — спросил он, приходя в себя ото сна. Мэлахи говорил так же тихо, как Алекс, будто принимая это как необходимость ночной поры.

— Мистер Иэн... Мистер Драммонд мертв.

— Что? — переспросил Мэлахи. — Что такое?

И в эту минуту подбежали собаки. Они остановились возле хозяина, и вдруг одна из них ступила на порог и, сунув голову в холл рядом со стоящим Алексом, коротко и тихо завывала.

— Мертв... — сказал Мэлахи Ленеган и перекрестился. — Мистер Иэн умер...

Он опустил голову, потом поднял ее.

— Сейчас приедет инспектор Паркер, — Алекс положил руку на плечо Мэлахи. — Иэна убили.

— Его убили? — старик поднял голову, и Алекс в свете луны увидел, что его глаза блестят серебряными слезами, которые стекают по глубоким морщинам.

IX. «Уважаемый господин профе...»

Все еще стояла ночь, но вот-вот уже наступит ранний летний рассвет, взойдет солнце и ярко зазеленеют деревья за окном.

Инспектор Бен Паркер стоял в углу комнаты у окна и наблюдал.

— Боже мой... — произнес он тихо.

Все по-прежнему оставалось неизменным. Блеснула вспышка полицейского фотографа. Джо закрыл глаза. Последний фотоснимок профессора Иэна Драммонда, известного британского исследователя. А потом два санитаря осторожно подняли тело и положили на носилки.

— Пока я могу сказать очень мало, — произнес низенький лысый доктор Беркли, который приостановился в дверях, прежде чем двинуться вслед за телом, — смерть наступила мгновенно. Было нанесено несколько ударов скальпелем.

— Несколько? — спросил Алекс и внезапно глубоко вздохнул. — Три?

— Да... — врач посмотрел на него с изумлением. — Неужели вам удалось сосчитать разрезы на рубашке? Ведь она была так пропитана кровью, что...

— Нет... Нет, — покачал головой Джо.

— Как можно скорее сообщите мне по телефону результаты, доктор, — попросил Паркер.

— Да, конечно.

Доктор вышел. Паркер двинулся вслед за ним к двери.

— Джонс! — вполголоса позвал он стоящего в холле молодого толстощекого человека в гражданском.

— Да, шеф.

— Дактилоскопист уже у всех взял отпечатки пальцев?

— Пять минут назад, шеф.

— Хорошо.

Фотограф собрал свои приспособления и на цыпочках вышел из комнаты.

— Снимки будут готовы через три часа! — сказал он, выходя.

— Минутку, — Паркер шагнул вперед, — мне нужны крупные планы стола, этого пятна на полу, ну и все остальное.

— Конечно.

Они остались одни. Джо смотрел на пустое место за столом. Пятно крови на полу уже успело потемнеть.

— Джонс! — позвал Паркер.

— Да, шеф?

— Все находятся в своих комнатах?

— Да.

— Предупреди, что скоро я буду приглашать каждого из них сюда на несколько слов. Надеюсь, все уже одеты?

— Кажется, да, — сказал Джонс и вышел.

— Миссис Драммонд уже была одета, когда я вошел к ней, — сказал Паркер. — А что ты имел в виду, говоря об этих трех ударах?

— Да ничего, то есть, я думаю, что это чепуха. Сара Драммонд вчера декламировала фрагмент пьесы, где это было...

— Это может подождать. — Паркер подошел к нему. — Джо, я знаю, как ты себя чувствуешь. Поверь мне, я чувствую то же, что и ты. Но Иэна уже ничто не воскресит. Единственное, что нам осталось, — найти убийцу. Ты мне очень нужен сейчас. Ты был здесь вчера весь день. Ты видел его. Ты, как никто, можешь помочь. Ты ведь умеешь думать. Думай вместе со мной.

Он сел в кресло у небольшого столика под окном и указал Алексу на другое кресло. Затем вынул блокнот.

— Давай соберем первые факты, — сказал он. — Начнем с комнаты: Иэн сидел, держа в руке перо. Перед ним лежало начатое письмо... — Бен встал и подошел к столу. Ни к чему не прикасаясь, он склонился над листом бумаги: — «Уважаемый господин профе...» — прочел он, — затем резкая прямая линия вниз и клякса. Это значит, что его ударили в тот момент, когда он писал. Это несомненно. Перо он сжимал в руке. Убийца должен был действовать очень быстро. Он не мог себе позволить специально укладывать руку. В любую минуту кто-то мог сюда войти. Впрочем, видно, что перо скользнуло вниз в процессе написания. Второе: Иэн был убит медицинским инструментом, если, конечно, вскрытие не покажет ничего другого. Но думаю, что нет. Ты говоришь, что видел вчера этот или очень похожий инструмент и что он принадлежал Люси Спарроу. Сейчас проверим. — Он подошел к двери: — Джонс!

— Да, шеф!

— Где был этот скальпель? — спросил Бен у Алекса.

— Он должен быть в маленьком кожаном чемоданчике, в гардеробе, соединяющем комнаты миссис Драммонд и миссис Спарроу. Впрочем, лучше пусть она сама скажет.

— Принеси его, — сказал Паркер Джонсу, — и спроси у миссис Спарроу, все ли в порядке в этом чемоданчике? Или нет, подожди. Не ходи.

Бен закрыл дверь и вернулся.

— Джо, — сказал он, — мы потеряли полчаса на осмотр тела врачом, на процедуры дактилоскописта и на то, чтобы успокоить домочадцев. Давай еще раз все осмотрим. Подойди сюда. Будем смотреть вместе. Ты был здесь вчера вечером. А позже снова пришел. Смотри и вспоминай! Может, ты что-нибудь увидишь? Этот скальпель еще ни о чем не говорит. Повсюду есть отпечатки пальцев. Даже на нем. Позже мы что-нибудь о них узнаем. А пока давай будем думать.

Джо встал. Они вместе подошли к столу. Паркер склонился над ковром.

— Эта лужа крови... — сказал он. — Видишь?

— Вижу, — Джо наклонился. Психическое напряжение проходило. Он начал думать все яснее. — Смотри, тут будто кто-то ступил носком туфли... Вот здесь... И дальше еще один отпечаток на ковре. Вероятно, отступил. — Джо выпрямился. — Кто-то ступил в лужу крови и сразу отошел...

— Покажи свои туфли, — сказал Паркер. — Может, это ты, когда подошел к столу.

Алекс поднял левую ногу, потом правую.

— Нет, — Паркер покачал головой. — На твоих туфлях нет крови. Это был носок туфли. Хоть бы убийца этого не заметил...

Но Джо не слушал его. Он вглядывался в пятно крови и протянул вперед ладонь.

— Там что-то есть, — сказал он. — Посмотри.

Паркер присел на корточках. Под запекшейся скользкой темно-красной поверхностью пятна едва виднелись нечеткие очертания какого-то мелкого предмета, полностью залитого кровью.

— Джонс!

— Да, шеф!

— Таз с водой!

— Есть, сэр!

Паркер по-прежнему сидел на корточках. Джо вглядывался как зачарованный. Ему казалось, что он видит очертания тоненькой цепочки. Небольшой, полный воды таз появился через минуту. Алекс посмотрел на Паркера. Паркер закрыл глаза и двумя пальцами осторожно вынул из лужи крови маленький предмет, затем широко открыл глаза и опустил этот предмет в таз. Вода сразу же окрасилась в красный цвет. Паркер легонько прополоскал предмет в воде, а затем протер платком. Джо затаил дыхание.

На ладони Паркера блеснул красный, как кровь, рубиновый кулон на короткой золотой цепочке.

— Ты видел это раньше?

— Да, — Алекс кивнул головой. — Этот кулон весь вчерашний день носила на шее Люси Спарроу.

На столике у окна Паркер осторожно расстелил платок и положил на него кулон.

— Люси Спарроу... — пробормотал он. — Хорошо. Посмотрим еще. — Он подошел к открытому сейфу. В нем находились аккуратно сложенные бумаги в разноцветных папках. В верхней перегородке стояла маленькая шкатулка. Паркер вынул из кармана другой платок и осторожно приподнял крышку. — Бижутерия, — сказал он. — Вероятно, принадлежит Саре Драммонд. А может, это какие-нибудь семейные реликвии? — Он взглянул на стол. — Ты уверен, что этих денег не было тут, когда ты заходил к Иэну в десять вечера?

— Я уверен, — кивнул Джо. — Это сразу бросилось бы в глаза. Я смотрел почти точно в это место, потому что перед Иэном лежала тогда открытая тетрадь, в которой он что-то писал. Я даже пошутил насчет значков... символов, которыми он пользовался.

Паркер подошел к столу. На нем лежала небрежно брошенная поверх коробок с рыболовными крючками пачка банкнот, обтянутая лентой с надписью: «1000».

— Тысяча фунтов... Зачем же ему было вынимать их из сейфа и класть на столе, поверх всего, что тут разложено? Ведь они не нужны для рыбной ловли! — Он повернулся и заглянул вглубь сейфа. — Вот здесь место, как бы идеально подходящее для этих денег, — сказал он, указывая на самую высокую перегородку сейфа. — Если они здесь не лежали, то можно понять, зачем Иэн оставил свободное место, а шкатулку поставил именно так. Но это лишь гипотеза. Быть может, кто-нибудь сможет нам что-нибудь об этом сказать. Ключ вложен в замок сейфа...

— Иэн говорил мне, что он держит там все важнейшие документы, — сказал Алекс. — Я это точно помню.

— Надо выяснить, может, там чего-то не хватает. Спарроу должен знать. — Паркер вернулся и сел. — Пока нам надо подождать результатов вскрытия и проверки отпечатков пальцев. Давай попробуем подвести итог тому, что у нас есть сейчас.

— Скальпель, — сказал Алекс, — кулон с рубином, след в крови на ковре, тысяча фунтов...

— Кроме того, — сказал Паркер, — есть человек, который ударил тебя и выключил свет. У нас есть еще эти крючки на столе и письмо.

— Письмо, да, — Алекс наморщил брови. — Но крючки?

— Быть может, благодаря этим следам мы найдем убийцу еще сегодня, — сказал Паркер. — Но если мы его сегодня не найдем, нам придется задать себе очень важный вопрос: *зачем Иэн Драммонд, который, как по всему видно, закончил работу и занялся подготовкой крючков для завтрашней рыбалки, вдруг бросил это занятие и начал писать письмо?*

— Но, ведь он мог вспомнить, что не написал кому-то что-то важное? А может, он хотел написать прощальное письмо Гастингсу, который сегодня уезжает?

Паркер покачал головой.

— Я думаю, что он написал бы такое письмо до или после работы над крючками. Но не в процессе ее. Иэн был методичным. Он всегда был поклонником систематичности и порядка.

Они подошли к столу.

— Посмотри, — сказал Паркер, — на столе нет ничего, что указывало бы на еще какую-нибудь работу. Вероятно, он уже спрятал все свои бумаги и разложил на столе крючки. Тогда откуда это письмо?

— Не знаю, — сказал Алекс и потер рукой лоб. — Мне кажется, здесь чего-то не хватает. Чего-то, что я видел вечером...

Паркер поднял голову.

— Не можешь вспомнить?

— Нет, — Джо беспомощно развел руками. — Не помню. Но здесь было что-то, чего я сейчас не вижу... Минутку... — Он задумался. — Нет. Не помню.

— Итак, — сказал Паркер, — у нас есть:

1. Скальпель (вероятно, принадлежит Люси Спарроу).
2. Тысяча фунтов, ничем не объяснимые на столе.
3. Кулон в крови (Люси Спарроу).
4. Письмо: «Уважаемый господин профе...».
5. След на ковре (не установлен).
6. Факт, что убийца был здесь в час ночи, если ты помнишь, что без пяти час ты пошел вниз.

7. Факт, что *убийца до сих пор находится в доме, а стало быть, это один из тех, кто здесь живет*. Осмотр всего дома в поисках кого-либо чужого не дал никаких результатов. А собаки Мэлахи никому не позволили бы выйти за пределы сада. В эту минуту вся усадьба окружена полицией. Убийца находится здесь.

8. Из этого следует, что убийцей должен быть один из людей, находящихся в этом доме, а именно:

1. Роберт Гастингс,
2. Филипп Дэвис,
3. Гарольд Спарроу,
4. Мэлахи Ленеган, потому что у него был ключ и он мог войти в дом,
5. Сара Драммонд,
6. Люси Спарроу,
7. Кейт Сандерс, горничная.

— А кухарка? — спросил Джо.

— Ее не было. После ужина она пошла в Мэлсборо к больной сестре и вернется лишь утром. Так сказала горничная.

— В таком случае, остаюсь еще я, — сказал Джо.

— Да. Верно. 8. Джо Алекс. Среди этих лиц мы должны выявить убийцу и отправить его туда, откуда он уже никогда не вернется. И мы отправим его туда, Джо.

— Мы должны, Бен.

Они посмотрели друг другу в глаза.

За окном светало.

— А теперь, — сказал Паркер, — расскажи мне коротко, что происходило здесь вчера вечером. Но постарайся ничего не упустить.

Алекс открыл было рот, но в эту минуту в дверь заглянул толстощекий сержант Джонс.

— Стивенс что-то нашел, шеф.

— Что? — повернул голову Паркер.

В комнату прогиснулся молодой человек с коротко стриженной головой и очень широкими плечами. Он был одет в гражданское, но Алекс сразу понял, что это детектив. Стивенс держал на разложенной газете какой-то предмет.

— Можно, шеф?

Инспектор жестом руки пригласил его. Детектив подошел ближе. Алекс увидел большое мраморное пресс-папье.

— Это оно! — громко воскликнул Джо.

— Что? — Паркер повернулся к Стивенсу. — Где это лежало?

— За занавеской, на подоконнике в коридоре второго этажа.

— А что ты хотел сказать, Джо?

— Это пресс-папье, — Алекс внимательно присмотрелся. — Да, точно. Оно лежало на этом столе. Иэн как раз промокнул им исписанный лист, когда я пришел к нему. Именно этого я и не мог вспомнить.

— Ясно, — инспектор кивнул Алексу. — Я думаю, этим пресс-папье тебя и ударили. Промокательная бумага разорвана. Отдайте это на исследование отпечатков пальцев, — сказал Паркер Джонсу, — а потом пусть его сразу вернут. Где работает дактилоскопист?

— В спальне. Он разложил там все свои причиндалы. В автомобиле у него лаборатория, и он делает там увеличенные снимки.

— Дай ему это пресс-папье, и как закончит, пусть сразу вернет. Оно будет мне нужно для допроса. Ищите дальше... Минутку! Джонс, пусть люди осмотрят, но незаметно... я повторяю, Джонс, незаметно — все туфли и тапочки, которые им попадут под руку. Надо искать пятнышко крови на носке или следы свежего замывания водой. Ты понял?

— Понял, шеф. Кто-то ступил в кровь, что ли?

— Да.

— Хорошо, шеф.

Дверь за детективами закрылась.

— Рассказывай, — сказал Паркер, опираясь рукой на столик, где лежал рубиновый кулон на белом платке.

Джо, стараясь не упустить ни одной мелочи, описал ему все события дня, начиная с той минуты, когда Сара Драммонд подъехала на своем черном «ягуаре» к его лондонскому дому.

Х. «...Я третий нанесла удар — священный, жертвенный...»

— Так, — сказал Паркер, когда Джо закончил свой рассказ. — Тут много поводов для размышления. Когда же они закончат этот медицинский осмотр и работу с отпечатками? Пора уже что-то делать.

В ту же минуту Джонс снова просунул голову в дверь.

— Звонит доктор!

— Наконец! — Паркер вскочил с места и вышел.

Алекс остался один. Он отвел взгляд от того места, на котором по-прежнему стояло кресло Иэна. Пятно на полу становилось все темнее.

Дверь открылась.

— Уже есть результаты! — воскликнул Паркер. — Убит тремя ударами, именно этим скальпелем...

— Тремя? — Алекс потер лоб. — Значит, все-таки... О Господи!...

— Да. Тремя. Смерть наступила мгновенно. Сердце пробито навывлет дважды. Третий, последний удар, был совершенно излишним. Сильное кровотечение. Поэтому такое большое пятно. А убийство произошло не ранее десяти часов тридцати минут и не позднее одиннадцати часов пятнадцати минут.

Бен сел.

— То есть, как это? — Алекс вскочил с места. — Ведь в час ночи, когда я спустился вниз, убийца был здесь и...

Паркер развел руками.

— Он не ошибается, наш дорогой эскулап. Его можно во многом упрекнуть. В Ярде говорят, что он слишком много пьет. Но он никогда не ошибается. Мы должны принять это как должное.

— Но ведь Я САМ разговаривал с Иэном в десять тридцать!

— Нет. Ты сказал мне, что часы пробили, когда ты был уже наверху. Ты разговаривал с ним минутой раньше. Впрочем, это нижняя граница времени. Он мог погибнуть в течение следующих сорока пяти минут. В любую из этих минут.

— А этот человек? Ну, тот, который меня... — Алекс показал на свою голову.

— Все это нам еще предстоит выяснить. Подождем результатов дактилоскопических исследований. Это займет чуть больше времени, потому что они требуют точности и надо еще увеличить снимки. Но результаты будут. Слишком уж много оставлено улик, чтобы мы не могли найти подлинный след. — Джо сел. Паркер заглянул в свой блокнот: — Может, пока допросим тех, кто вызывает наименьшие подозрения, а точнее говоря, находятся вообще вне всяких подозрений. Ну, ты же не думаешь, что старый Мэлахи не теоретически, а реально мог подойти к Иэну сзади и ударить его скальпелем в спину? Да еще три раза? А потом спокойно вернуться на порог дома и ждать, пока все выяснится и обвинят кого-нибудь вместо него.

— Это абсурд! — покачал головой Алекс. — Мэлахи не мог этого сделать, и ты можешь спокойно вычеркнуть его из своего списка. Зачем ему убивать Иэна, ведь он его любил и был связан с его семьей почти с самого своего рождения? Это же не лакей и не повар, это настоящий друг трех поколений семьи Драммондов. Да и вообще это невозможно. Не то преступление и не тот способ. И откуда бы Мэлахи взял скальпель и кулон? Разве что Люси Спарроу их потеряла... Если б ты видел его слезы...

— Да. Ты прав. Даже без этих выводов мы оба знаем, что Мэлахи Ленеган этого не сделал. Именно поэтому я и хотел его допросить. Джонс!

— Да, шеф, — толстощекая физиономия вынырнула из-за приоткрытой двери так бойко, будто была на пружине.

— Приведи сюда Мэлахи Ленегана, старого садовника.

— Есть, шеф!

Они ожидали в молчании. Вскоре Джонс показался снова.

— Он уже здесь, шеф.

— Пригласи его сюда.

Мэлахи Ленеган вошел в комнату ссутулившись, но тут же выпрямился и ровным спокойным шагом подошел к столику.

— Садитесь, дядюшка, — сказал Паркер и указал на третье кресло.

Садовник сел и огляделся. Но не сказал ни слова, хотя увидел разложенные на столе коробки с крючками. Затем перевел взгляд на Паркера.

— Мистер Иэн умер, — сказал Паркер таким мягким и теплым голосом, какого сам Иэн от него никогда не ожидал бы. — Мы все, сидящие здесь, были его друзьями. Я имею в виду настоящих друзей, которых у человека бывает немного в жизни. А теперь он погиб. Его убили, хотя мы думаем, что в его жизни не случилось ничего такого, за что ему можно было бы так жестоко отомстить. Это не был кто-то обиженный, кто таким образом хотел восстановить справедливость, потому что не мог добиться ее иным путем. И хотя это тоже было бы преступлением, потому что человек не имеет права карать смертью другого человека, но в этом случае мы могли бы подумать, что убитый сам повинен в своей судьбе. Однако мы знаем, что это не так. Убит лучший и честнейший из людей. И мы должны узнать, кто это сделал. Мы обязаны найти убийцу не только потому, что Иэн Драммонд был нашим близким другом и мы любили и уважали его как брата. Но для того, чтобы зло было наказано, а добро восторжествовало. А здесь мы имеем дело с очень большим злом. Я убежден, что Иэн Драммонд был убит лишь потому, что сама его смерть была кому-то нужна. Мы еще не знаем кому. Именно это мы должны узнать, собрать все доказательства и схватить преступника.

— Да, — это надо сделать... — Мэлахи кивнул седой головой.

— А теперь, дядюшка, сосредоточьтесь, пожалуйста, и расскажите нам все, что случилось вчера. По порядку и не пропуская никаких событий, пусть даже они кажутся мелкими и неважными.

— Я встал утром... и мы с мистером Гастингсом отправились на рыбалку. Мы ловили долго, до самого полудня. Мистер Гастингс поймал красивую рыбку. Потом мы вернулись. Я вместе с ним обрабатывал ее, то есть, не саму рыбу, а только голову, потому что мистер Гастингс хочет ее увезти с собой...

— А как ловили? — спросил Паркер. — На крючки?

— Нет. Он ловит не так, как я и мистер Драммонд... Они там, в Америке, любят ловить таким небольшим гарпуном на сжатом воздухе, вроде пистолета... Он выстрелил и попал в рыбу, когда она была близко к поверхности. А потом эта рыба таскала нас, потому что к этому гарпуну привязана леска, которая размазывается, когда подстреленная рыба уплывает. Она таскала нас по морю туда и сюда, пока, наконец, не ослабела. И тогда мистер Гастингс высунулся за борт и ударил обычным гарпуном. Он пробил ее насквозь... Попал в самое сердце... Это был прекрасный удар...

— Так... Паркер поставил какой-то значок в своем блокноте. — Вы вернулись, обработали голову, и что было дальше?

— Я немного подремал. Потом пошел в сад. Два раза в неделю из Мэлсборо мне на помощь приходит молодой парень. Он обрезает сухие ветки на деревьях и помогает мне постричь живую изгородь. Летом много работы, потому что все быстро отрастает. Потом я занимался розами, а затем пошел посмотреть на одну прививку возле ворот. Там были эти двое из палатки: они обходили парк полем, держась подальше. Я их видел. Они постоянно здесь шатались. Но вы сказали, что это ваши люди, и я, стало быть, не обращал внимания. Ну, а потом я отправился на кухню поужинать, а после ужина был у собак. Они сидят весь день в маленькой загородке за моим домиком. Я накормил их и вернулся к себе продолжать работу над рыбьей головой. Я повожился с ней немного, потому что она должна была быть готова наутро. Ну, а потом я выпустил собак и пошел с ними в парк. Там я встретил мистера Алекса. Мы немного поговорили, и мистер Алекс ушел. Позже, около одиннадцати, ко мне вышел мистер Драммонд.

— Что? — спросил Паркер. — Около одиннадцати?

— Ну да, было без четверти одиннадцать... Потому что, когда я с ним разговаривал, часы на башне Мэлсборо ударили три раза. Я всегда слушаю бой часов ночью. В такую лунную погоду он слышен так, будто это не целых две, а лишь полмили.

— Мистер Драммонд спросил о чем-нибудь?

— Да. Он спросил о погоде на завтра. Ему казалось, что после такой теплой ночи может разразиться гроза. И еще о том, какие лучше взять крючки — одинарные или тройные... Я сказал, что, быть может, у этих современных тройных и есть свои достоинства, но я этих достоинств не вижу. Тогда он рассмеялся и сказал, что возьмет одинарные. И пошел в дом.

— А дальше что?

— Ничего... Ну разве, может, только... Но это неважно, потому что если этот преступник ударил мистера Алекса в час ночи, то его же не могло быть тогда в саду...

— Что? — спросил Паркер. — Рассказывайте, дядюшка Мэлахи. Все может пригодиться. Пока мы даже еще не знаем, что именно.

— Так вот, в одиннадцать, ну, может, за пару минут до одиннадцати, я шел с псами вокруг клумбы. Вдруг они насторожились и стали тихо ворчать. Затем побежали к двери и начали там нюхать. Я заглянул через стекло, но в холле было темно, и я ничего не увидел. Сразу после этого часы в Мэлсборо отбили одиннадцать.

— Значит, это произошло за две или три минуты перед одиннадцатью?

— Да.

— Но не за пять?

— Нет. Пожалуй, нет. Часы стали бить сразу после. Потом я прошелся с псами вокруг дома, заглядывая туда, сюда... посмотрел на лестницу, ведущую к пристани, и вернулся обратно. Было светло и ночь тихая. Я и вздремнул немного...

— А как вы думаете, дядюшка, — Паркер понизил голос, — кто убил мистера Иэна Драммонда?

Мэлахи поднял на него свои спокойные синие глаза, слегка сейчас покрасневшие.

— Как я думаю? Я думаю... Но я не могу вам этого сказать, потому что вы из полиции. А когда говоришь с полицией — надо знать. Или знать, или хотя бы слышать. Иначе можно обидеть невинного.

— Не бойтесь, Мэлахи. Мы никого не обидим. Мы лишь хотим узнать правду. И вы можете нам в этом помочь.

Старик некоторое время молчал, глядя на Паркера.

— Эта жена ему не подходила, — сказал он наконец. — Я не знаю, кто его убил. Но, наверно, если бы он женился на какой-нибудь порядочной девушке, а не на этой комедиантке, он был бы жив до сих пор, и сегодня мы бы поехали на рыбалку.

Мэлахи опустил голову и вытер глаза рукавом.

— Вы уже можете идти, дядюшка, — сказал Паркер и взял его под руку. — Думаю, вы нам очень помогли. Спасибо.

Мэлахи махнул рукой и, вытирая слезы, двинулся к дверям в сопровождении Паркера. Алекс открыл шторы. Уже светало. Лодка напрасно будет ждать на пристани, Иэн Драммонд не поедет на рыбалку. Какая-нибудь рыба, глядящая сейчас в светлеющую поверхность воды, никогда не узнает, что своей жизнью она обязана кому-то, кто убил Иэна Драммонда, рыбакова, который ее уже не поймает. Алекс встряхнулся. Паркер вернулся и сел напротив.

— Так как было дело с этими тремя ударами? — спросил он.

Алекс повторил ему содержание фрагмента из «Орестей», который прозвучал во время вчерашнего ужина.

— Так... — инспектор задумался. — Ну что ж, давай пока поговорим с миссис Люси Спарроу. Ее кулон, а также, кажется, и скальпель находятся в этой комнате. Но стоит ли допрашивать ее здесь?

— Она врач, — сказал Алекс. — Она привыкла к виду крови.

— Может, ты и прав, — кивнул Паркер. Он прикрыл уголком платка кулон, а под платок сунул скальпель. — Его рукоятка сфотографирована и с нее сняты отпечатки пальцев. Мы можем провести маленький эксперимент. Джонс!

— Да, шеф?

— Ступай наверх и пригласи сюда миссис Спарроу, если она может спуститься.

— Есть, шеф!

— И... Впрочем, ничего. Как идут поиски в доме?

— Стивенс и Симмс осматривают все по очереди, от чердака до погребка. Мы не знаем, можно ли обыскивать комнаты гостей и хозяев.

— Пока воздержитесь с этим. А сейчас иди за миссис Спарроу.

Джонс исчез, закрыв за собой дверь.

— А ты заметил, — спросил Паркер, — что когда дверь закрыта, из дома сюда не проникает ни единый звук?

— Да, Иэн мне говорил, что в эту комнату даже не стучат. Он был очень чувствителен к шуму и сказал, что только здесь ему ничего не мешает и ничего не отвлекает.

— Вот как. Наверно, поэтому все двери в доме так хорошо смазаны. Жуткая комната. Здесь можно даже орать — никто не услышит. Пробковые стены. Плотные белые шторы. — Он осмотрелся. — Быть может, Иэн крикнул тогда? У собак слух лучше, чем у людей. Сейчас мы уже знаем, что Иэн был убит между 10.45 и 11.15. Значит, время 10.57, на которое указал Мэлахи, находится приблизительно в середине этого периода и представляется наиболее вероятным.

— Здесь миссис Спарроу, шеф, — сказал Джонс.

— Пригласи и закрой за ней дверь.

— Да, сэр.

При виде вошедшей женщины они оба поднялись с мест. Люси Спарроу была одета в темно-серое платье, на ногах — серые туфли с белой подошвой, на тонких высоких каблуках.

— Моя фамилия Паркер, я — инспектор Скотленд-Ярда, — сказал Бен. — Вы, конечно, знаете о трагическом несчастном случае, который произошел несколько часов назад в этом доме?

— Да. — Голос Люси был ровным и спокойным. — Ваш подчиненный сказал нам... моему мужу и мне, что Иэн... мистер Драммонд был убит. Он просил нас оставаться в комнатах. И это все, что я знаю.

— Так. — Паркер смотрел ей прямо в глаза. — Следовательно, вы не знаете, как погиб Иэн Драммонд?

— Нет.

— Понимаю... — Бен умолк.

Алекс сидел, глядя на Люси, и вдруг глубоко вздохнул. Ну конечно! Почему он раньше об этом не подумал? Тогда, стоя во мраке и глядя на неподвижную, едва видимую фигуру за столом, он слышал за собой дыхание. Это не было дыхание ни Люси, ни Сары Драммонд, ни ее горничной Кейт Сандерс. Это было дыхание мужчины! Он не знал, по каким признакам это определил, но был уверен, что это так. Дыхание мужчины.

— Вчера после обеда, — сказал Паркер, — играя в теннис, вы получили травму, не так ли? — он смотрел на ее левую руку. Люси невольно

подняла ее, несколько раз согнула и пошевелила пальцами. — Сейчас она вас уже не беспокоит?

— Нет. — В ее голосе прозвучало легкое удивление. — Но я по-прежнему над ней работаю. Перед ужином я носила ее на временной перевязи, но после нескольких сеансов массажа пришла к выводу, что мышца не надорвана, и решила как можно больше двигать рукой. У меня завтра операция. Я хирург.

— Это мне известно, — Паркер склонил голову. — Не нужно быть инспектором полиции, чтобы знать вашу фамилию.

Люси оставила этот комплимент без ответа.

— А когда вы пришли к выводу, что рука нуждается в движении?

— Что, простите? — Она взяла себя в руки. — То есть, разумеется, я буду отвечать на все ваши вопросы, раз вы представитель закона.

— Благодарю вас.

— Так о чем вы спрашивали? О том, когда я пришла к выводу, что мне надо двигать рукой? Сегодня, когда меня разбудил ваш подчиненный.

Паркер поднял брови.

— Простите, — сказал он, — но, казалось бы, что в минуту, когда вас будят на рассвете таким сообщением, вы должны были бы подумать о чем угодно, кроме этого. Как я должен себе это объяснить?

— Меня что, подозревают в убийстве Иэна Драммонда? — спокойно спросила Люси. — Если так, прошу разрешить мне связаться с моим адвокатом. Кажется, закон дает мне право на это.

— Разумеется. И если бы вас подозревали в убийстве, вы могли бы отказаться от любых показаний до встречи с адвокатом. Но мне кажется, что это вы выдвинули такое предположение. Я этого не говорил.

— Хорошо, — Люси пожала плечами, — в таком случае, я должна вам сказать, что меня не удивляет ваш последний вопрос. К сожалению, мои руки не являются лишь моей собственностью. Так случилось, что завтра от их состояния в буквальном смысле зависит жизнь человека и счастье его семьи. Если бы я приступила к операции, не будучи уверенной в функционировании моих рук, я могла бы убить человека, с той лишь жуткой разницей, что Скотленд-Ярд никогда даже не приступил бы к следствию, а я была бы безнаказанной в глазах людей. Даже семья этой бедняжки благодарила бы меня за мою бескорыстную, хотя и неудачную работу. Мне стоило лишь сказать: «Мы сделали все, что было в человеческих силах», или что-нибудь в этом роде. Поэтому, когда сегодня утром меня разбудили ужасным известием о судьбе Иэна Драммонда, которого я считала своим сердечным другом и смерть которого являлась для меня огромным ударом, — я не впала в истерику и не заплакала. Я работаю лицом к лицу со смертью и постоянно вижу честных и добрых людей, которые погибают и которых мы не можем спасти. Я постоянно борюсь со смертью. Мне нельзя ей поддаваться, а завтра утром я буду оперировать. И это будет одна из труднейших операций в моей жизни. А я ведь, как вы знаете, не занимаюсь удалением аппендиксов. Поэтому, несмотря ни на что, я первым делом подумала о своей руке. И сейчас о ней думаю. Кажется, мой ответ был длиннее, чем вы ожидали. Но я не хотела... — тут ее голос слегка дрогнул, — я не хотела, чтобы кто-нибудь, даже посторонний, мог бы подумать, что смерть Иэна не потрясла меня. — И вдруг в ее глазах показались слезы. Она вытерла их маленьким платочком и выпрямилась. — Простите.

— Это вы меня простите, — Паркер снова смотрел ей в глаза. — К сожалению, я должен задать вам еще несколько вопросов. — Он умолк, затем продолжал: — Вернемся ко вчерашней игре в теннис. Когда вы ощутили боль в руке, вы попросили мистера Филиппа Дэвиса принести чемоданчик с медицинскими инструментами, не так ли?

— Да.

— Он его принес?

— Да.

— А что потом с ним случилось?

— Потом? Не знаю. Я не обратила на это внимания. Возможно, кто-то из мужчин взял, потому что Сара шла со мной впереди.

— Да, — Алекс кивнул головой. — Чемоданчик нес Иэн, а потом отдал его миссис Драммонд у двери вашей комнаты.

— Наверно, так и было, — кивнула головой Люси, — но я по-прежнему не понимаю, какое...

— А позже вы видели этот чемоданчик?

— Да. Сегодня я сразу, как только встала, положила в него свернутый эластичный бинт, которым на ночь обмотала руку. У меня здесь нет другого, и я не знаю, не понадобится ли он мне еще.

— А где этот чемоданчик стоит?

— В нашем гардеробе, на столике под окном.

— В «нашем» — это значит в гардеробе вашем и мужа?

— Нет. У нас общий гардероб с Сарой... с миссис Драммонд. Когда-то это был гардероб матери Иэна. Это большая комната, состоящая из одних шкафов и двух больших зеркал. Двери в коридор нет, а войти в него можно через две прилегающие к нему с двух сторон ваннные комнаты. Одна из них Сары, другая — моя. Миссис Драммонд была так любезна, что после моего приезда сюда предложила мне половину этой гардеробной. В других комнатах слишком мало места для размещения дамской одежды. У меня много платьев и белья...

— Ясно... Вчера, когда мистер Дэвис принес этот чемоданчик, вы употребили скальпель для того, чтобы разрезать бинт, верно?

— Да.

— А разве это не может повредить такому точному инструменту?

— И даже очень. Но я перед этим вынула ножницы из чемоданчика и оставила их на туалетном столике. Я была очень расстроена и поэтому попросила быстро отрезать. В конце концов, скальпель мне здесь не нужен. У меня есть еще несколько таких же.

— А где сейчас этот скальпель?

— Разумеется, в чемоданчике. Где же ему быть?

Паркер потянулся к платку и вынул из-под него блестящий инструмент.

— Он был похож на этот?

— На этот? — Люси взяла скальпель и осмотрела его. — Да. Но тот на один размер больше.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

Она улыбнулась той легкой улыбкой, с какой улыбается эксперт, услышав вопрос дилетанта, но тут же снова стала серьезной.

— Этот скальпель вымыт... — сказала она, — но... — и резко положила его на стол. — Но он грязный. На нем след крови!

— Где? — спросил Паркер.

— Вот здесь! Возле рукоятки!

— Значит, этот скальпель отличается от того, который находится в вашем чемоданчике наверху?

— От того... Да. Но у меня там есть другой, точно такой же, как этот... —

Она еще раз взяла в руки скальпель и рассмотрела его со стороны рукоятки. — Это же мой скальпель! — сказала она. — Да! Мой! Откуда он здесь взялся?

— А как вы его узнали?

— У него две узенькие щербинки на конце рукоятки, почти невидимые. Так я помечаю свои скальпели, чтобы их потом не заменили. У меня

личные инструменты, к которым я привыкла... А в операционной, когда несколько хирургов по очереди оперируют, инструменты могут перепутаться во время стерилизации. Вот, посмотрите, видите? — Она наклонила свою красивую светлую голову к лицу Паркера. — Вот тут, потрогайте. Это точно мой скальпель.

— Вот именно... — сказал Паркер. — И вчера он находился в вашем чемоданчике?

— Да. Не помню, видела ли я его там. Но если какого-то инструмента не хватает, это сразу бросается в глаза, я не могла бы этого не заметить.

— А тогда можете ли вы мне объяснить, кто и почему сегодня ночью убил этим скальпелем Иэна Драммонда?

Вопреки ожиданиям Алекса, Люси не выразила удивления.

— Я стала подозревать это уже несколько минут назад. Нет. Я не могу ответить вам на этот вопрос. Иэна? Это кажется мне совершенно невозможным.

— Кто вчера входил в гардероб?

— Сара и я, конечно, а кроме того... кроме того... туда мог кто-нибудь войти, когда мы ужинали.

— А до того или после?

— Пожалуй, никто... Не знаю.

— А ваш муж входил туда?

— Мой муж?... Возможно... Кажется, да — я просила его принести мне теплый халат сразу после ужина. А позже уже никто туда не входил.

— Вы выходили из комнаты?

— На минутку. Я одолжила бумагу для письма у мистера... — она указала на Алекса, — а потом заглянула к Филиппу Дэвису. Он просил меня уладить одно личное дело. Я была там две-три минуты...

— И тогда любой мог войти в вашу комнату? Вы оставили дверь открытой?

— Да. Но я могла в любую минуту вернуться и застичь постороннего в гардеробе. А кроме того, Сара была у себя, значит...

— А откуда вы знаете, что миссис Драммонд была у себя?

— Потому что я заходила к ней, чтобы одолжить пишущую машинку. У нее маленький «Ремингтон», на котором она записывает свои роли, чтобы лучше их запомнить. Она говорила мне об этом когда-то. Так что, когда я пришла к выводу, что лучше не напрягать травмированную руку, а письмом написать надо было, то подумала, что его можно напечатать одним пальцем левой руки. Письмо короткое.

— В котором часу вы одолжили машинку?

— Примерно без четверти одиннадцать. Потом я отнесла ее в комнату и пошла к мистеру Алексу, потому что у Сары как раз закончилась бумага.

Паркер взглянул на Алекса, который подтвердил:

— Я вошел в свою комнату в половине одиннадцатого. Это я точно помню. Потом я писал минут двадцать. В 10.50 в дверь постучала миссис Спарроу. Я посмотрел на часы.

— А не могли бы вы мне сказать, — спросил Паркер, — по какому делу вам пришлось так срочно ночью писать письмо?

Несколько секунд Люси Спарроу была в нерешительности.

— Мне очень жаль, но я не могу ответить на этот вопрос. Меня просили оказать одну услугу.

— Кто-то из присутствующих в этом доме?

— Пожалуйста, не спрашивайте меня больше об этом. Я не смогу вам ответить. Могу только заверить, что это не имеет ничего общего с делом, которое вы расследуете.

— Этого никогда нельзя предвидеть, — пробормотал Паркер. — Противоположности притягиваются... И в расследовании тоже.

Но Люси Спарроу не слушала его. Она смотрела на лежащий перед ней скальпель.

— А можете ли вы мне сказать, почему, собственно, вы убили Иэна Драммонда? — спокойно спросил Паркер.

Люси вздрогнула, но тут же взяла себя в руки.

— По какому праву...

Паркер снова поднял руку, а потом сунул ее под платок.

— Это ваше?

Люси не ответила. Она смотрела на рубиновый кулон, и лицо ее окаменело.

«Словно греческая статуя... — подумал Алекс, — белая и неподвижная, но таящая огромную глубину. Будто она думает о чем-то, чего никто из живущих не может постичь. Молчание мрамора».

— Это ваше? — повторил Паркер.

Она кивнула.

— Этот кулон найден у ног покойного. Мы сразу не заметили его. Он был покрыт кровью.

Люси закрыла глаза. Потом открыла их и крепко сжала руки.

— Да. Это я убила Иэна Драммонда, — сказала она спокойно. — Арестуйте меня. Я признаюсь в этом преступлении.

Алекс вскочил с места, но Паркер одним движением руки остановил его.

— А почему вы убили Иэна Драммонда, замечательного человека, который, я уверен, никогда не сделал вам ничего плохого?

— Почему? — Люси некоторое время молчала, глядя в окно, за которым уже начинался день, полный деревьев, птиц и распустившихся цветов. — Я отказываюсь отвечать.

— У вас есть такое право. Как друг Иэна, я благодарю вас за этот самый большой комплимент, какого человек может удостоиться после смерти.

Алекс посмотрел на него с изумлением. Инспектор встретился с ним взглядом, и тогда Джо увидел в его глазах блеск упрямства, так хорошо знакомый ему с прежних военных лет.

— А как здесь оказался этот рубиновый кулон? Вы потеряли его во время борьбы, да?

— Что? — Видно было, что Люси не понимает вопроса.

— Этот кулон был найден у ног покойного. Как он там оказался? Вы не припоминаете?

— Я... вероятно, зацепилась за что-то, и он остался здесь...

— Ага. Это объясняло бы этот факт. А что делал Иэн Драммонд, когда вы его убили?

— Он сидел... за столом.

— Так. Он сидел, а вы подошли и вонзили в него этот скальпель, зацепившись при этом за что-то кулоном?

— Я... Да! Перестаньте, пожалуйста!

Она не заслонила руками лицо, не заплакала и даже не склонила головы, но Алекс понял, что эта женщина сейчас потеряет сознание. Она побледнела.

— Почему вы лжете, Люси Спарроу? — резко спросил Паркер. — Кого вы выгораживаете?

— Я? Никого. Я убила Иэна Драммонда и признаюсь в этом. Чего еще может желать закон от преступника?

— От преступника — ничего больше. Но закон желает знать правду. А я вовсе не желаю, чтобы вы понесли наказание вместо кого-то другого, кого вы выгораживаете или вам кажется, что вы его выгораживаете,

потому что полагаете, что это он убил. К тому же вы хотите выгородить кого-то, кто с заранее обдуманном намерением хочет свалить на вас доказательство вины.

— Но почему? — спросила Люси. — Не понимаю... — ее голос потерял тот спокойный деловой тон, которым она до сих пор говорила.

— Потому, что вы не могли потерять здесь этот кулон. Убийца совершил ошибку. Взгляните на эту цепочку! Что вы видите? Ты, Джо, автор детективных романов, которые читает вся Англия, что ты видишь?

— Вижу... Не знаю! — Джо склонился над кулоном. — Нет. Не вижу ничего необычного.

— А вы?

— Я уже сказала, что потеряла его здесь... — голос у Люси был тихий и неуверенный. Она тоже всматривалась в лежащую на столе цепочку, как бы желая проникнуть в ее столь явную, но непонятную тайну.

— Она закрыта, — сказал Паркер. — Убийца забыл ее разорвать. Понимаете? А ведь сразу видно, что она слишком короткая, чтобы ее можно было надеть через голову. А даже если бы она и не была короткой, то при ваших густых волосах вряд ли бы она могла пройти через голову, даже если бы вы стояли на руках. Думаю, нет. Мне кажется, что если попытаться ее снять, то она даже через подбородок не пройдет. Как же тогда эта цепочка могла оказаться здесь иначе, чем принесенная кем-то, кто бросил ее рядом с телом убитого Иэна Драммонда?

Только теперь Люси склонила голову.

Паркер безжалостно продолжал:

— Прекратите эти глупости! Когда вы отказались ответить на вопрос, почему вы убили Иэна, я сказал, что это огромный посмертный комплимент ему. Вы не смогли выдумать хоть какой-нибудь повод, потому что Иэн не был человеком, которого можно было бы хоть за что-нибудь ненавидеть. Лишь один убийца знает, какую пользу он извлечет. Поэтому вы пытаетесь выгораживать людей, которые хотели свалить на вас это ужасное преступление, как будто знали, что вы понесете этот крест почти без колебаний. И что вы скажете?

Но Люси Спарроу не отвечала. Она спрятала лицо в ладонях, а потом покачнулась в кресле. Алекс вскочил и поддержал ее.

— Сейчас пройдет, — сказала она тихо. — А теперь, пожалуйста, отпустите меня. Я и так ничего больше не скажу.

Паркер смотрел на нее почти с гневом, но потом опустил голову и мягко сказал:

— Благодарю вас. Быть может, вы очень нам помогли, хотя наверняка не желали этого.

Джонс сунул голову в дверь и дал знак, что хочет поговорить с Паркером, который тут же подошел к нему. Они шепотом обменялись несколькими словами. Паркер поколебался, затем снова подошел к Люси Спарроу.

— Простите меня, — сказал он почти заботливо, — но я должен попросить вас еще об одной небольшой любезности. Сюда принесли маленький чемоданчик, о котором мы говорили. Не могли бы вы осмотреть его содержимое и сказать нам, чего там еще не хватает?

— Хорошо, — Люси прикрыла глаза и открыла их, как человек, который пытается побороть охватывающий его сон. — Если это обязательно нужно...

Джонс внес маленький черный чемоданчик, который Алекс видел вчера на теннисном корте.

Паркер открыл чемоданчик. Люси наклонилась и, вытянув руку, проверила содержимое бутылочек, вынимая их одну за другой и возвращая на место. Пустой зажим явно указывал то место, из которого был взят скальпель.

— Нет. Тут все в порядке, — сказала Люси и заглянула в плоский карман на внутренней крышке чемоданчика. Карман застегивался кнопкой. Люси открыла его и сунула внутрь руку. — Нет моих резиновых перчаток! — изумленно сказала она.

— А вы уверены, что они вчера там были?

— Нет... Я ими здесь не пользовалась... Они находились там, потому что являются частью снаряжения. В деревне никогда не известно, что может случиться... Иэн и Гарольд проводят химические опыты... Я всегда опасалась — мало ли что... — Люси подумала. — Я видела их четыре или пять дней назад, — сказала она решительно. — Я вынула их и пересыпала тальком. Была жара, и мне пришлось в голову, что резина может пересохнуть. Да-да! Теперь я вспомнила — я положила их на место.

— Я в этом уверен, — пробормотал Паркер. — А спросил только для того, чтобы сказать вам: убийца вынул перчатки из вашего чемоданчика, затем одну бросил на дно шкафа в гардеробе, а другую глубоко затолкал под другой шкаф. И эта, вторая, была в крови. Джонс!

Вошел Джонс. На чистом листе бумаги он нес резиновую перчатку. Она была покрыта следами засохшей крови.

И в этот момент Люси Спарроу потеряла сознание.

— Шеф, — спокойно сказал толстощекий сержант Джонс с лицом румяного ребенка, — сейчас принесут результаты дактилоскопии.

— Хорошо, принеси воды!

Джонс исчез. Но прежде чем он вернулся, Люси пришла в себя.

— Я понимаю, что вам это необходимо, — тихо сказала она, поднимая голову, — но я больше не могу этого переносить. — Она выпрямилась в кресле.

— А не проще ли было сказать правду?

— Какую правду? — Люси подняла на него глаза с выражением, какое охотники видят иногда у загнанного, умирающего зверя. — Но я в самом деле не знаю, кто убил...

— Но вы догадываетесь. Иначе вы не выгораживали бы убийцу. Или вы не понимаете, что уже сказали нам, кого пытаетесь прикрыть?

— Я?... я... Прекратите... — Она с огромным усилием взяла себя в руки. — Больше вы не услышите от меня ни слова, господин инспектор. Невзирая на то, что вы об этом подумаете. Либо арестуйте меня, либо позвольте уйти. Мне нечего больше сказать.

— Хорошо, пожалуйста. — Паркер встал. — Я лишь удивляюсь, что вас раздражают мои усилия. А ведь я ищу преступника, и казалось бы, имею право просить помощи у каждого порядочного человека?

Но Люси Спарроу, плотно сжав губы, даже не удостоила его взглядом. Выходя, она лишь чуть кивнула головой Алексу.

Когда дверь за ней закрылась, Паркер тяжело сел в кресло.

— Ты только подумай, — тихо сказал он, — погиб наш Иэн. Кто-то убил его. Казалось бы, что такая женщина, как Люси Спарроу, умная, хладнокровная, умеющая держать себя в руках, поможет нам, тем более что убийца хотел свалить вину на нее: он совершил убийство ее скальпелем, держа этот скальпель в руке, на которую надета ее перчатка, да еще подбросил здесь ее кулон, который все не раз видели. А между тем она вышла отсюда, будто мы ее враги. — Он секунду помолчал. — Я знаю, кого она выгораживает.

— Своего мужа, конечно, — сказал Алекс. — Но почему она думает, что это он? Когда она сюда вошла, она этого еще не знала.

— Вот-вот! — Паркер встал. — Когда мы это узнаем, мы будем знать все. Точнее, почти все.

Он подошел к двери.

— Джонс!

— Да, шеф.

— Так что с этими результатами?

— Сейчас будут.

— А что насчет обуви с кровью?

— Ни у миссис Спарроу, ни у мистера Спарроу ничего такого не обнаружено. Вообще пока ничего, кроме того, что я передал.

— Хорошо. Он ждет в салоне?

— Да. Стивенс дежурит у двери, но так, как вы хотели, шеф, то есть, он не задержит его, а лишь попросит вернуться, потому что вы скоро подойдете. Пока что он терпеливо ждет...

— Хорошо. Давай сюда дактилоскописта, как только он будет готов.

— Да, шеф.

Паркер вернулся в комнату.

— Я велел проводить Спарроу в другую комнату, где он меня ждет. Я не хотел, чтобы они здесь встретились. Кроме того, за это время мы успели спокойно осмотреть их комнаты и гардероб. Миссис Драммонд, разумеется, не возражала.

— А как она держится? — спросил Алекс.

— Сара Драммонд? Она была очень бледна, когда я вошел к ней сразу после приезда, но хорошо держала себя в руках. Ты знаешь, такая женщина могла бы его убить.

— Знаю. Но не верю в это.

— А кого ты подозреваешь?

— Мне трудно сказать... Если бы не один факт...

— Вот именно. Мы должны считать виновным любого из них, пока не убедимся в его невиновности. Я не знаю, но мне кажется, что нас тут еще многое ждет... Бедный, бедный Иэн... Если бы он знал...

— К счастью, он не знал, — сказал Алекс, невольно понижая голос. — Он погиб, считая ее лучшей из жен.

— Не обязательно. Если она стояла за ним и ударила скальпелем в спину, он не потерял сознание мгновенно... Это изумление, застывшее в чертах его лица... Его глаза...

— Послушай! — сказал Алекс. — Когда ты допрашивал Люси Спарроу, я кое-что вспомнил. Иэна убила не женщина. Головой ручаюсь. Тот человек, который вздохнул за моей спиной в темноте, — это был мужчина.

— Тот, кто тебя ударил?

— Да. Это было дыхание мужчины, понимаешь?

— Да... — Паркер развел руками. — Ну что ж, подождем — узнаем. Я велел сделать подробное увеличение всех отпечатков на внешних и внутренних ручках всех дверей и на выключателе в кабинете. Ведь этот человек потушил свет, услышав, что тыходишь, и притаился с пресс-папье, которое схватил со стола. Это ясно. А потом, убегая, он оставил пресс-папье на подоконнике в коридоре второго этажа.

— Это исключает горничную и Мэлахи, — сказал Алекс. — Никто из них не побежал бы вверх.

— Да. Значит, у нас есть шесть человек, из которых ты и Люси Спарроу не имеете никакого разумного мотива для убийства. Итак, остаются четыре человека.

— Дэвис, Сара, Гастингс и Спарроу, — перечислил Алекс.

— Шеф! — Джонс вошел в комнату. — Отпечатки пальцев готовы!

— Превосходно!

В комнату осторожно вошел высокий худой человек с седыми коротко стриженными волосами. Под мышкой он держал папку. Кивнув Алексу и не ожидая приглашения, он уселся за стол.

— Здесь у меня отпечатки пальцев восьми указанных лиц и убитого, — начал он несколько монотонно, — а здесь отпечатки, собранные на дверных ручках, выключателе в кабинете, на пресс-папье и на скальпеле... Отпечатки на выключателе...

— Господи! — воскликнул Паркер. — А чьи отпечатки на скальпеле?!

— Минуточку. Отпечатки на скальпеле принадлежат только одному человеку, чьи папиллярные линии идентичны с линиями лица, находящегося в списке пробных отпечатков, взятых у присутствующих в доме лиц. Они принадлежат... миссис... нет... минуточку... Ага, вот! Мистеру Спарроу.

XI. «А ты не прикасался к дверной ручке?»

— Да... говорила вам... — Было видно, что он размышляет. — Потом ко мне зашел профессор Гастингс, и мы с ним разговаривали, может, полчаса, может, дольше...

— В котором часу к вам пришел профессор Гастингс?

— В котором? — Спарроу оживился. — В 10.40. Я сейчас вспомнил. Мы встретились у дома, и тогда было 10.10. Я сказал ему, чтобы он зашел ко мне через полчаса.

— Я это слышал, — сказал Алекс. — Я стоял тогда рядом с вами.

— Вот именно! — Спарроу с благодарностью посмотрел на него. — Пожалуйста, не удивляйтесь, но этот ужасный удар... я не могу собраться с мыслями...

— Да. Я хорошо это понимаю... — Паркер наморщил брови, вглядываясь в свой блокнот. — Значит, вы разговаривали с профессором Гастингсом с 10.40 до 11.10 или 11.20?

— Да. До 11.20, потому что когда после его ухода я вошел в комнату жены, она сказала: «Послушай, уже двадцать минут двенадцатого. Тебе пора ложиться...» Она всегда беспокоится о том, чтобы я вел правильный образ жизни, ну, то есть... — он умолк.

— И что вы ответили жене?

— Я? Что ответил?... Кажется, мы начали разговаривать и беседовали некоторое время... где-то минут двадцать. Потом я пошел к себе и разделся.

— А что делала ваша жена, когда вы вошли?

— Печатала письмо на машинке.

— А откуда вы знаете, что это было письмо?

— Потому что она как раз закончила и печатала адрес на конверте.

— И кому было адресовано это письмо?

— Ее адвокату... Я взглянул на конверт и... Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— Перед лицом значительных и трагических событий все остальные блекнут или смешиваются в памяти. Я хотел лишь проверить, не спутались ли в вашей памяти разные мелочи ввиду происшедшего...

Он замолчал. Минуту все сидели не шевелясь.

— Почему вы лжете? — вдруг спросил Паркер.

— Что? Как вы смеете? Как вы...

Паркер встал, оперся руками на край столика и наклонился к сидящему профессору так близко, что почти касался лицом его лица.

— Убит ваш друг и коллега. Совершено отвратительное убийство. Погиб добрый, чистый человек. Я нахожусь здесь для того, чтобы найти убийцу, а не для того, чтобы выслушивать ложь от людей, которые должны чтить память убитого и содействовать правосудию! То, как вы поступаете, господин профессор, это низость и по отношению к покойному, и по отношению к живущим! Что вы делали в этой комнате в минуту убийства Иэна

Драммонда? Это вы вонзили скальпель в его спину? А если не вы, то почему вы немедленно не сообщили полиции? Почему вы, как жалкая крыса, вернулись к себе в комнату, делая вид, что ничего не случилось? Кто же вы: преступник или сообщник преступника? Отвечайте!

Бен выпрямился. Гарольд Спарроу сидел, как окаменевший. Наконец он закрыл лицо ладонями, и Алекс с изумлением увидел, что этот сильный, твердый мужчина плачет. Джо взглянул на Паркера, но инспектор стоял невозмутимо, а на лице его не было ни жалости, ни сочувствия. Он ждал.

Вдруг Спарроу опустил руки и поднял голову. Дрожащей рукой он снял очки и, вынув платок, протер глаза, а затем стекла. Его пальцы сильно дрожали.

— Я... я ничего не знаю... — повторил он слабым голосом. — Почему вы?... По какому праву?

— По какому праву? По такому, которое говорит мне, что вы находились здесь и держали в руках скальпель, которым был убит Иэн Драммонд.

Спарроу молчал. Потом поднял голову и посмотрел на Паркера.

— Вы правы... — Его руки дрожали так сильно, что он должен был их прижать к коленям. — Я... Я — ничтожество... Это я его убил...

Паркер вздохнул и сел.

— Вы его убили. Да. Конечно. Определенным образом, может быть, и вы. Еще не знаю. Пока не могу сказать. Пока я хочу знать, что вы делали в этой комнате и когда вы вошли в нее?

— После... после разговора с женой я спустился сюда...

— Который был тогда час?

— После половины двенадцатого... если точно: без двадцати двенадцать. Я взглянул на часы, спускаясь вниз.

— И что?

— Я вошел и...

— Дверь была закрыта?

— Что? Да.

— Точно?

— Точно. В холле было темно. Только немного лунного света падало на пол и маленький лучик с лестницы... Я хорошо знаю расположение комнат в доме, но помню, что я вытянул руку, чтобы нащупать дверную ручку. У меня очки, вы видите...

— Да. А когда вы нашли дверную ручку, что вы сделали?

— Я открыл дверь.

— И закрыли ее за собой?

— Да. Конечно. Иэн сидел за столом... Я подошел к нему и... — Он спрятал лицо в ладонях.

Паркер смотрел на него, сморщив брови.

— И вы его убили, да?

— Да... — прошептал Спарроу и медленно поднял голову.

— Как жаль, — сказал Паркер, — что я не могу вам поверить. Когда вы вошли в эту комнату, ваш коллега был мертв уже полчаса.

— Как это? — Спарроу машинально поправил очки и наклонился вперед. — То есть, как это — мертв?

— Мертв. Он погиб до 11.15. Если вы теперь хотите вернуть свои слова назад и сообщить, что вы не разговаривали с профессором Гастингом и со своей женой с 10.40, то есть с той минуты, когда, как нам известно, Иэн еще был жив, и вплоть до 11.40, то есть до той минуты, когда, как мы знаем, он уже полчаса был мертв, тогда я охотно выслушаю ваше описание того, как вы совершили преступление. Но мне кажется, что это бессмысленно, поскольку оба собеседника подтвердят ваши слова. Я думаю, что вы не солгали, потому что вы не очень хороший лжец, и вам не пришлось бы в голову

впутывать в это других лиц. У вас нет ни малейших шансов стать убийцей Иэна Драммонда, хотя вы уже второй, кто сегодня в этом признается.

На лице Спарроу отразилось огромное и искреннее облегчение. Он выглядел как человек, который приготовился посвятить все, что ему дорого, ради какой-то цели, и вдруг оказалось, что это невозможно.

— Кто? — спросил он едва слышно. — Кто признался в убийстве Иэна?

— Ваша жена, Люси Спарроу! — сказал Паркер. — А призналась она потому, что была уверена, что это вы его убили, господин профессор! Но вовсе не о ней вы заботитесь! Вы выгораживаете вовсе не ее, а кого-то другого, кто, по вашему мнению, убил Иэна Драммонда ее скальпелем, подобрал на место преступления вот это... — он открыл платок и показал рубиновый кулон, — а потом затолкал под ее шкаф окровавленную резиновую перчатку из ее чемоданчика! Вы очерняете память человека, с которым вас много лет объединяла общая работа, вы потворствуете тому, чтобы вещественные доказательства указывали на вашу жену, и лжете в глаза людям, ведущим расследование! Неужели до этого может довести человека любовь, господин профессор, мистер Гарольд Спарроу?

И тут профессор Гарольд Спарроу сломался. Отрывистыми предложениями он начал рассказывать о себе, о своей жизни, о том, как он познакомился с Сарой Драммонд и как постепенно он, человек, который в течение всей своей жизни не совершил ни одного, даже самого мелкого поступка, которого мог бы стыдиться, начал жить двойной, фальшивой жизнью.

— Вообще-то... Я виделся с ней всего лишь несколько раз... потом она стала сторониться меня... а я... я не мог не думать о ней. Наконец... я написал ей письмо в Лондон. Я писал, что сойду с ума... что я не знаю, что со мной происходит... что я уже не могу больше смотреть в глаза Иэну и... и Люси... Я не рожден для такой жизни...

Алекс, который в своей жизни видел множество мужей и жен, для которых все это не составляло бы ни малейшей проблемы и нисколько не мешало бы их гармоничной супружеской жизни, глядя на профессора, в глубине души хорошо понимал его. Гарольд Спарроу не был ни соблазнителем, ни лжецом. Его трагедия стала следствием его порядочности, следствием невозможности совмещать ложь с правдой.

— Она приехала вчера, — продолжал Спарроу, — и после ужина мы встретились в парке. Я хотел уехать с ней, убежать отсюда, от этой ужасной жизни. Но она сказала, что очень многое поняла в последнее время, что она любит Иэна и хочет с ним остаться. Она просила меня, чтобы я ушел, чтобы я был мужчиной. Она умоляла меня все сохранить в тайне. Я обещал ей это, но решил уйти. Здесь как раз был Гастингс, который предлагал мне выезд в Соединенные Штаты. Я согласился, когда он пришел ко мне вечером. Потом я вошел к Люси и сказал ей... — он умолк и потер ладонью лоб. — Как я мог? Ведь она... она хотела пойти на виселицу ради меня, а я... я...

Паркер не прерывал. Он стоял, выпрямившись, напротив сидящего профессора и смотрел на него в упор, ни на секунду не спуская глаз.

— ...я сказал ей, что между нами все кончено. Что я не люблю ее больше, хотя уважаю и не имею никаких претензий. Я сказал, что намерен уехать и что я возвращаю ей свободу...

— А она?

— Она? Она тихо заплакала. Потом спросила меня, есть ли в моей жизни кто-то другой? Я ответил, что да. Я не мог ей солгать, хотя и не дал понять, о ком идет речь. Я сказал, что не смогу жить с ней под одной крышей, думая о другой женщине. Что это нечестно. А она... она сказала, что никогда не перестанет меня любить и верит, что я к ней вернусь... Потом я вышел. Мне было очень тяжело. Я сел в своей комнате и думал о том, правильно ли я поступил. Я начал колебаться. Но было уже поздно.

Я сошел вниз. Меня ждал разговор с Иэном. Я решил, что ничего не буду ему объяснять, а лишь скажу, что мои личные дела вынуждают к отъезду и что я еду в Америку. Разумеется, я никогда не передал бы американцам того, что было предметом наших исследований. Я знал, что Иэн сам все доведет до конца. Правда, Гастингс хотел, чтобы я принял на себя руководство исследовательской лабораторией в Филадельфии и продолжал там то, что мы здесь начали, однако есть и другая область исследований, над которой мы с Иэном не работали и которая очень меня привлекает. Думаю, я смог бы добиться в ней успехов... Когда я вошел, Иэн сидел за столом. В его спине я увидел скальпель... Я не мог пошевелиться. Я стоял, словно окаменев... Потом я решил, что надо что-то делать. Ведь скальпель... Скальпель принадлежал Люси. Я прикоснулся к нему, потому что мне вдруг пришло в голову, что я должен его спрятать... Кто-то, наверно, хотел, чтобы... Разные мысли мелькали в моей голове... Но скальпель застрял так прочно... Это было ужасно... Я оставил свои попытки и бегом бросился наверх. Я вошел в свою комнату, но сразу вышел и постучался к Гастингсу. Теперь я уже не имел права уехать... Кто бы тогда закончил нашу работу? Несмотря ни на что: ни на то, что случилось, и ни на то... что еще случится, эта работа важнее жизни одного или двух людей. Кроме того, — он опустил глаза, — Иэн верил, что это очень нужно людям... Я должен закончить за него эту работу... Только этим я мог бы искупить... хотя знаю, что ничто никогда не исправит того, что я сделал...

— Хотелось бы вам верить, профессор, — сказал Паркер. — Вы больше ничего не хотите мне сказать?

— Я ничего больше не знаю... Ах да, после ужина ко мне подошел молодой Дэвис и попросил поговорить с ним, но потом в парке он меня не нашел и теперь, когда я вернулся, он постучал ко мне. Это было примерно в половине одиннадцатого, за несколько минут до прихода Гастингса. Дэвис очень волновался и просил меня о чем-то... Кажется, ему нужна была тысяча фунтов. Но я был в таком состоянии, что сразу же отказал ему и постарался выпроводить. Теперь я очень жалею об этом, потому что предполагал такой суммой и мог бы его выручить. Это порядочный парень...

— А потом вы уже не видели его?

— Нет.

— Возвращайтесь к себе, господин профессор, и очень прошу вас не выходить из дома. Вы можете еще понадобиться нам.

Спарроу встал и двинулся к двери. Потом остановился.

— Но... — он колебался, подбирая слова, — то, что я сказал, должно остаться... это ведь останется между нами, правда?

— Мы не занимаемся разглашением частных секретов, господин профессор, — сухо сказал Паркер. — А кроме того, я хочу, чтобы вы помнили: как мистер Алекс, так и я, — мы были друзьями Иэна Драммонда. И, как вы знаете, настоящих друзей у него было мало.

Гарольд Спарроу вышел с опущенной головой.

Продолжение следует.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ.*

НЭМАН

9/2015
СЕНТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Вера ЗЕЛЕНКО. Благопристойная жизнь. Роман. Окончание	3
Михаил КУЛЕШ. Зреет колос в лучах солнца жаркого. Стихи	53
Александр БРИТ. Японская свадьба. Рассказы. Перевод с белорусского автора ...	57
Изяслав КОТЛЯРОВ. Эхо зова. Венок сонетов	72
Ганад ЧАРКАЗЯН. Человек из прошлого. Рассказы	78
Анатолий ЗЭКОВ. И нет роднее ничего. Стихи. Перевод с белорусского автора	87
Сергей НОСОВ. Две таблички на газоне. Рассказ	89
«Сябрына»: Беларусь — Казахстан	
Римма АРТЕМЬЕВА. Мне б судьбой насладиться. Стихи	105
Римма АРТЕМЬЕВА. Дом, хранящий вдохновенье...	108
С. Б. БУЛЕКБАЕВ, А. Ж. СЕЙДУМАНОВ. К истории идеи евразийской интеграции	111
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Скажу вам, как погиб он. Роман. Окончание. Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	118
Национальные приоритеты	
Владимир МАКАРОВ. Войны нового века: постмодернистские технологии	151
Документы. Записки. Воспоминания	
Диалог сотворчества. Переписка Миколы Лобана и Евгения Мозолькова. Подготовка к публикации и предисловие А. Ващенко	159
Культурный мир	
Театр	
Зоя ЛЫСЕНКО. Традиции российские, опыт — мировой	175
Collegium musicum	
Светлана БЕРЕСТЕНЬ. Инструмент, объединивший мир	192
Литературное обозрение	
С точки зрения рецензента	
Михаил КЕНЬКО. Будущее, запечатленное в прошлом	204
Геннадий АВЛАСЕНКО. Энциклопедия казахского народа	207
Виктор АРТЕМЬЕВ. Цветет душа поэта	210
Напоследок	
Олег СУДЛЕНКОВ. Тень Пушкина его усыновила	212
Мара РУСОВА. Петровна	218
Авторы номера	224

ДЖО АЛЕКС

Скажу вам, как погиб он¹

Роман

ХII. Тысяча фунтов

Когда дверь закрылась, Паркер взглянул на Алекса и развел руками.

— Слышал? И что думаешь?

— Я думаю: Господи, почему две столь замечательные женщины появились в жизни этого человека?

— А потому, — спокойно сказал инспектор, — что господин профессор Гарольд Спарроу за всю свою жизнь не прочел ни одного детективного романа. Это человек совершенно необычный для нашего испорченного века. Несмотря на то, что мы видели, в нем есть сила, мужество, упорство, а прежде всего — чистота, то есть качество, которое женщины очень уважают, как только с ним сталкиваются. Вопреки видимости и всей мировой литературе, женщина всегда готова полюбить серьезного мужчину. Кроме того, Гарольд Спарроу очень умен. Умен не в смысле того внешне эффектного ума, который каждый молодой человек из хорошей семьи тоннами добывает в Оксфорде. Гарольд Спарроу умеет отличить добро от зла, а это весьма трудно, судя по тому, что происходит вокруг.

— И что с того? — пробормотал Алекс. — Вот мы видим результат!

— Здесь он пал жертвой своей чистоты. Он хотел поступить как лучше, хотел побороть зло, а затем хотел принять на себя всю ответственность за то, что случилось.

— А почему ты решил, что он не прочел ни одного детективного романа?

— Он не оставил бы отпечатков пальцев на этом скальпеле, а если бы оставил, то вспомнил бы об этом потом. Он вошел сюда абсолютно убежденным в том, что никто не знает о его ночном визите в этот кабинет. Он хотел сперва выяснить, как обстоят дела. Но что меня беспокоит, так это то, что кончики его туфель покрыты грязью после вчерашних прогулок по парку, но на них нет ни малейшего следа крови. К счастью, он их сегодня не чистил. А кроме того... но не будем опережать события. Тебя ничего не удивило в ходе нашего сегодняшнего расследования?

— Да, — кивнул головой Алекс, — есть несколько деталей. Но я еще ничего не могу о них сказать. Пока я хотел бы воздержаться от высказываний. У меня есть одна теория...

— И у меня есть одна теория, — кивнул головой Паркер. — Хочешь ли ты этим сказать, что начинаешь подозревать в убийстве Иэна кого-то конкретно?

— Да. Но, понимаешь, я же этих людей как-то уже успел узнать. Быть может, мной руководит предубеждение? Я почти ничего не понимаю. Моя теория зависит от того, что мы еще здесь услышим. Ведь осталось еще два человека.

¹Окончание. Начало в № 7, 8 за 2015 г.

— Да. Пожалуй, теперь надо допросить мистера Филиппа Дэвиса. Как ты думаешь?

— Не считайся со мной, Бен. Я всего лишь ухо, и ничего больше.

— Ладно, — кивнул головой Паркер. — Смотри. Слушай. Это дело очень туманное. Мы уже отбросили двух убийц, которые вызвались добровольцами. А мистер Филипп Дэвис имеет у нас по крайней мере столько же шансов, что и они. Джонс!

— Да, шеф?

— Пригласи сюда мистера Филиппа Дэвиса!

— Слушаюсь!

Паркер разглядел платок на скальпеле и кулоне, а затем вложил в папку фотографию отпечатков пальцев.

— Как ты думаешь, они общаются друг с другом там, наверху? — Бен показал пальцем на потолок.

Алекс пожал плечами.

— Не знаю. Я думаю, что убийца был один. Сара, Дэвис и Спарроу оставили отпечатки пальцев. Их сообщниками могли быть только Люси и Гастингс. Но это неправдоподобная комбинация. Впрочем, на данный момент алиби Гастингса подтверждает лишь Спарроу. А Люси не убивала бы своим скальпелем и не роняла бы тут своих нерасстегнутых кулонов. Да. Убийца только один.

— Думаю, ты прав...

Дверь открылась.

— Мистер Дэвис, шеф!

— Пригласи его сюда...

Филипп Дэвис, в отличие от Гарольда Спарроу, был одет в чистую рубашку, но и он был в темном костюме. «Вероятно, счел, что смерть работодателя следует как-то акцентировать, хотя бы из уважения к нему...» — подумал Алекс.

— Садитесь, — сердечно сказал Паркер, — и расскажите нам, пожалуйста, зачем вам так срочно понадобилась столь большая сумма денег... — он указал на пачку банкнотов, которая лежала на столе.

— Что? — Филипп Дэвис покраснел. Он стоял, опершись рукой на подлокотник кресла, в которое уже собирался сесть, и смотрел на стол. Потом медленно перевел взгляд на пустое кресло и растекшееся под ним темное, липкое пятно. Румянец уступил место бледности.

Паркер улыбнулся, взял его за плечо и усадил в кресло.

— Говорите правду и только правду, и тогда мистер Алекс, быть может, даже простит вам тот удар, которым вы его угостили сегодня ровно в час ночи.

— О Господи... — прошептал Филипп. — Вы из Скотленд-Ярда, правда?

— Да, я инспектор этого, известного вам по детективным романам учреждения, и фамилия моя — Паркер. Именно поэтому я и советую вам сразу же говорить всю правду. Поверьте, независимо от того, что вы скажете, я узнаю ее еще прежде, чем сегодня зайдет солнце. — Бен заговорил серьезно. — В настоящую минуту вы подозреваетесь в убийстве вашего кормильца, профессора Иэна Драммонда. Что вы можете сказать по этому делу?

— Я его не убивал... Я... все скажу.

— Вот и правильно. Так будет лучше всего. — Паркер уселся поудобнее. — Мы вас слушаем. Мистер Алекс является моим ближайшим сотрудником... по этому делу. Говорите, пожалуйста.

— Я... я вообще-то даже не знаю, с чего начать.

— С того, как вам первый раз позвонили по телефону из Лондона вчера во время ужина.

— Вы и об этом знаете...

— Знаю. И об этом, и о многом другом, как видите. Продолжайте.

— Мне звонила моя сестра. Она... — он заколебался. — Но это дело, которое, по-моему, совершенно не касается полиции... Я... я отказываюсь отвечать.

— Я бы вам этого не советовал в данной ситуации. А кроме того, могу вас заверить: что бы вы мне ни рассказали, я не воспользуюсь этой информацией, если она непосредственно не связана с убийством Иэна Драммонда.

— Вы обещаете?.. — Дэвис колебался.

— Я ведь уже пообещал! — Паркер нетерпеливо махнул рукой. — Или вы полагаете, что людей, которые занимаются поимкой убийц, не следует считать джентльменами? Мое слово для меня столь же ценно, как ваше для вас, и я хотел бы, чтобы после этого разговора, оно стало еще ценнее. Говорите.

— Звонила моя сестра... — продолжал Филипп, — она сказала, что... — он снова умолк. — У меня есть брат. Младший. Ему двадцать четыре года. Из нас троих мать всегда любила его больше всех. Может, потому, что он самый младший... и сильно избалован. Наша семья не очень обеспечена, и многого у нас не хватало, но Кристоф всегда все имел. Это не очень хорошо. Два года назад он устроился на работу в большом универмаге. Он не хотел учиться, и ничего другого ему не оставалось... А потом оказалось, что в его отделе недостача. Вечером в ту субботу он пришел и расплакался. К счастью, мать этого не слышала. У нее большое сердце. Я не знаю, что там случилось, и не хочу об этом думать. В комнате были только я и наша сестра Агнесс. Оказалось, что Кристоф должен был сдать субботнюю кассу в понедельник, потому что внезапно заболел кассир. А Кристоф... в общем, он пошел на скачки и все проиграл. Триста фунтов. Я как раз получил деньги за корректуру книги мистера Драммонда. Тогда мы только начали сотрудничать. У меня было двести фунтов, и сто добавила Агнесс. Я даже не знаю, откуда она их взяла. В понедельник он отнес эти деньги в кассу и поклялся нам, что это никогда не повторится. Мы подумали, что он все понял, и поверили ему. Иногда Агнесс мне писала, что видела его на улице в компании вызывающе одетых молодых людей и девушек, которых он наверняка не хотел бы представить нашей матушке. Но, в конце концов, он уже взрослый мужчина, и я не видел поводов вмешиваться... Мы с ним очень разные. Его интересует совсем другое... И вот вчера Агнесс позвонила и сказала, что та история снова повторилась один к одному. Но, наверно, теперь Кристоф пошел на повышение, потому что в этот раз он проиграл уже тысячу чужих фунтов...

Дэвис умолк, словно это известие еще раз его поразило.

— И что же? — спросил Паркер. — Сестра позвонила, чтобы попросить вашей помощи?

— Да. Но откуда мне взять такую сумму? Я... я бы даже согласился на то, чтобы он отправился в тюрьму... Хотя, быть может, я говорю это в гневе. Но мама... Если бы мама узнала, что он попал в тюрьму за то, что проиграл чужие деньги, она бы этого не вынесла. У нее было два инфаркта за последние два года. Это бы ее добило.

— Я понимаю... — Паркер сочувственно покивал головой. — У вас не было выбора, надо было доставать деньги.

— Да. Через час Кристоф сам позвонил. Он был испуган и плакал в трубку. Он понял, что это плохо кончится. Я сказал ему, что у меня нет денег, но я сделаю все что смогу — для матери, не для него. Он собирался приехать сюда. Я запретил ему, потому что не хочу его видеть, и сказал, чтобы приехала Агнесс. Вечерним поездом в Мэлборо. Мне нужно было больше времени.

— И что вы сделали потом?

— Потом я подумал, что, быть может, профессор Спарроу одолжит мне эти деньги. Я любой ценой не хотел брать их у профессора Драммонда. Он мой работодатель, он и так платит мне. Это было бы нарушением наших с ним отношений. Я подумал, что сделаю это только в самом крайнем случае.

— А каким образом вы планировали вернуть столь значительную сумму?

— У меня есть клочок земли в графстве Кент, который оставил мне дедушка, когда я был маленьким, а Кристофа еще не было на свете. Я хотел сохранить эту землю до моей возможной женитьбы. Агнесс заканчивает курс стоматологии. Мы думали, что за часть денег, вырученных от продажи этой земли, купим оборудование для стоматологического кабинета. Эта земля стоит почти пятнадцать тысяч. Но я решил продать землю немедленно и вернуть долг. Но не сразу, потому что сама процедура продажи земли занимает некоторое время.

— Понимаю. И что же было дальше?

— После ужина я отправился в парк, потому что мистер Спарроу сказал, что выйдет туда на прогулку, а мне обязательно надо было с ним поговорить. Вы ведь были при этом, правда? — обратился он к Алексу, который подтвердил кивком головы. — Я ждал, и тут появился профессор Гастингс. Он начал со мной разговор о перспективах жизни в Америке. Это было уже не впервые, но на этот раз я подумал, что хотя работа с мистером Драммондом и мистером Спарроу меня очень увлекает, потому что мы работали над... — Филипп Дэвис на секунду умолк. — Но это не имеет никакого отношения к делу, — закончил он, и Алекс увидел в глазах Паркера искорку одобрения. — В общем, я подумал, что, может, стоит мне туда поехать, чтобы немного заработать. Видите ли, сотрудничество с таким ученым, как профессор Драммонд, открывает перед молодым химиком огромные возможности. Его имя и авторитет в мире науки — лучшая для меня рекомендация. Но я знал, что не имею права даже начинать такой разговор, прежде чем не побеседую с профессором Драммондом. И в то же время я навязчиво думал об этой тысяче фунтов, которые мне необходимо достать до полудня завтрашнего дня. Профессор Гастингс когда-то, в одном из прошлых разговоров, обронил, что он готов дать мне серьезный безвозвратный аванс для ликвидации моих дел в Англии. И назвал при этом значительную сумму. Причем он готов был дать ее сразу! Разумеется, я тогда не дал профессору Гастингсу никакого ответа, а сейчас постарался уклониться от разговора и попрощался с ним. Я очень волновался, а когда профессор Спарроу не появился в парке, у меня даже начали дрожать руки. По крайней мере, мне так казалось. Я вернулся в дом и постучался в его комнату. Было ровно десять часов. Никто не ответил. Тогда я подумал, что он может быть в комнате своей жены. И хотя время было позднее, отчаяние придало мне мужества, и я постучал. Но миссис Спарроу была одна в комнате. Я хотел уйти, но она, видно, заметила, что со мной что-то не в порядке, потому что пригласила войти и спросила, встретился ли я уже с ее мужем. Она слышала, что я просил его о встрече, когда мы вставали от стола после ужина. Он тогда сказал мне, что сейчас проведет супругу наверх и спустится в парк. Я ответил ей, что нет. Тогда она спросила, очень ли это важное дело, потому что я выглядел так, будто оно очень важное. Тогда... Видите ли... Я знаю, что у нее большое и доброе сердце. Это одна из лучших женщин, которых я знаю. Я слышал о ее самоотверженности по отношению к больным, и достаточно лишь увидеть, как она заботится о муже. Она одновременно гордая и мягкая, и...

— Да-да, я понял, — сказал Паркер. — Стало быть, вы рассказали ей о своей проблеме.

— Да! Именно! Сам не знаю, как это случилось. А она ответила, что муж с минуты на минуту вернется и наверняка одолжит мне эту сумму на несколько недель. А если у него не найдется таких денег, она сама постарается мне помочь. У меня прямо камень упал с души. Она только просила абсолютно никому ничего не говорить, в случае если мне придется воспользоваться ее помощью. Это было как раз то, о чем я сам хотел ее просить, и второй камень упал с моей души следом за первым. Она велела вернуться в мою комнату и ждать.

— Но все не закончилось так просто? — спросил Паркер. — Что-то случилось?

— Вы понимаете... — Филипп Дэвис сложил руки. — Если бы я знал... Я вернулся в свою комнату и сидел там, ожидая мистера Спарроу, и размышляя о том, каким ангелом...

— ...является его жена, — закончил за него Паркер. — Я знаю. Потом вы пошли к нему, и он вам отказал.

— Да. Он отказал мне сразу. У меня было такое впечатление, будто он вообще не понял, о чем я его прошу. Но мне ничего не оставалось делать, и я вышел. Я был очень огорчен.

— Я понимаю. Вы вернулись в свою комнату и ждали, как поступит миссис Спарроу. И что же было дальше?

— Миссис Спарроу постучала ко мне. Она сказала, что знает об отказе мужа. Она сказала, что напишет сейчас письмо своему юристу, который управляет ее деньгами, потому что почти все ее наличные средства вложены в акции. Она добавила, что как раз с этой целью одолжила пишущую машинку и бумагу. Бумагу она держала в руке. В понедельник в десять часов утра моя сестра сможет получить у ее юриста деньги. Но мне эти деньги нужны были в восемь утра. Тогда миссис Спарроу посоветовала мне, чтобы я спустился в кабинет мистера Драммонда и одолжил у него эти деньги на сорок восемь часов под каким-нибудь предлогом. Такой краткий срок — это даже не дать в долг, а просто оказать любезность. Я согласился с этим и поблагодарил ее. Мы разговаривали шепотом, потому что миссис Спарроу все время стояла на пороге. Понятно, она не хотела входить в комнату мужчины в такое время, одетая в халат. Я был очень смущен, но одновременно и очень благодарен за такие хлопоты, а кроме того, я видел, что у нее болит рука. Когда она ушла, я сел и начал обдумывать этот самый предлог. Это заняло несколько минут. Я знал, что у мистера Драммонда в сейфе находится значительная сумма денег, потому что я видел ее во время работы — дверца сейфа всегда открыта — мы держим в нем рабочую документацию. Я был почти уверен, что он одолжит мне тысячу фунтов на два дня без всяких трудностей. Мне даже импонировало, что я могу попросить у него столь значительную сумму на такой короткий срок... Боже мой... В общем, я вышел из комнаты и пошел вниз...

— Минутку, — сказал Паркер. — А который был тогда час?

— Миссис Спарроу зашла ко мне в одиннадцать, это я знаю, потому что, ожидая, я все время смотрел на часы. Она стояла на пороге, ну, может, минуты три, а потом я еще раздумывал минут десять, возможно, двенадцать... А, подождите! Я вспомнил! Выходя из комнаты, я взглянул на часы. Я был как в тумане, и мне вдруг показалось, что уже очень поздно... Это ожидание так долго тянулось...

— Итак, в котором часу вы спустились вниз?

— Четверть двенадцатого. Может, на минуту раньше, не знаю. Я спустился и открыл дверь.

— Дверь была закрыта?

— Да. Я открыл ее. Профессор Драммонд сидел за столом. Я закрыл дверь и сказал: «Извините, господин профессор...» И тогда я увидел...

— Ясно. И что вы сделали?

— Я подошел ближе и уже открыл было рот, чтобы крикнуть, позвать кого-нибудь, как тут же увидел какое-то движение. Но это только капля крови оторвалась от кресла и упала на пол. За ней другая... — Дэвис взглянул в сторону кресла и отвернулся. — Теперь там целая лужа. — Он взял себя в руки. — Я сразу понял, что профессор Драммонд мертв. Я заглянул в его глаза. Вы можете мне не верить, но я вдруг почему-то вспомнил о моей матери... Ну, что в связи с этим я не достану денег и Кристоф сядет в тюрьму, а она... Я осмотрелся. Деньги лежали в сейфе. Я вообще, пожалуй, не думал тогда или, может, это был какой-то шок. Я схватил деньги и выбежал из комнаты.

— А вы закрыли за собой дверь?

— Что?.. Да... Точно закрыл. Я поднялся наверх, вбежал в свою комнату и закрылся на ключ. Я положил деньги на стол и сразу понял, что я сделал. Меня охватил жуткий страх. И тогда я совершил другой поступок, которого сам до сих пор не понимаю. Я встал, открыл дверь и тихонько постучал к профессору Гастингсу, комната которого находится рядом с моей. Он не спал еще и впустил меня. Я сказал, что поеду в Америку, когда он захочет, но мне немедленно, сию минуту, нужна тысяча фунтов. Он с изумлением посмотрел на меня, но не говоря ни слова, вынул чековую книжку и выписал чек. Тогда я вспомнил, что оставил приоткрытой дверь своей комнаты, а там на столе у меня лежит пачка банкнотов. Я схватил чек, выбежал и вернулся в свою комнату. Я запер дверь, и меня охватил еще больший страх, если это было возможно. Гастингс, наверно, заметил, что со мной происходит что-то странное. Никто не стучит к людям так поздно и не разговаривает таким тоном. И потом, я видел, что он удивлен моим согласием. Надо было что-то делать. Прежде всего, сойти вниз и положить обратно в сейф эту тысячу, независимо от того, что будет потом. Но тут мистер Гастингс вышел из своей комнаты и через несколько минут вернулся. Я слышал, как закрылась его дверь. Тогда я встал, сунул пачку денег в карман и осторожно выглянул. И тогда я услышал чьи-то шаги на лестнице... Кто-то шел очень тихо, но я услышал... Ночью каждый шорох слышен. И я отступил.

— А тогда который был час?

— Половина первого. Я все время смотрел на часы. Я помню каждую минуту.

— А потом что?

— Потом я еще некоторое время сидел в комнате. Я был уверен, что тот, кто поднимался по лестнице, кого-нибудь разбудит, и все узнают об убийстве. Но, вероятно, это был кто-то, кто не был в кабинете. Я подумал, что, может, один из гостей проголодался и спускался в буфет. Через минут тридцать, около часа ночи, я решил сойти вниз. Повсюду было тихо. Я на цыпочках сошел по лестнице. Мне никогда в жизни не было так страшно, как тогда. Я вошел сюда, остановился, держа руку на ручке двери, и вдруг услышал, что кто-то наверху открыл и закрыл дверь. Я подбежал к выключателю, потушил лампу и бросил деньги на стол. Кто-то спускался по лестнице. Я стоял у стола и судорожно сжимал в руке какой-то предмет, которым оказалось пресс-папье. Не соображая, что делаю, я тихо отступил и спрятался за дверь. Кто-то вошел. Это был мужчина. Он позвал: «Иэн!» Но я знал, что Иэн Драммонд не ответит, и тогда мистер Алекс — я узнал его по голосу — включит свет и... В этом случае меня уже ничего не спасет... Я про это как бы даже и не думал — это просто было во мне... Я поднял руку и ударил мистера Алекса по голове, а потом выбежал за дверь и тихо закрыл ее за собой. Я успел увидеть, что он упал. На середине лестницы я осознал, что держу в руке пресс-папье. Я вбежал в свою ком-

нату, тщательно вытер его, чтобы не осталось никаких отпечатков пальцев, и положил на подоконник в коридоре. Потом я вернулся к себе, схватил лежащий на столе чек мистера Гастингса и сунул этот чек под дверь его комнаты. Затем я закрыл свою дверь, разделся и лежал под одеялом до тех пор, пока ко мне не постучала полиция. Я думал, что это за мной, но... И это все, абсолютно все, что я знаю.

— Да... — Паркер кивнул головой. — А почему вы вытерли пресс-папье, но не подумали о том, что оставляете следы на ручке двери? И на выключателе? К счастью, ваш рассказ пока что соответствует известным нам фактам. Еще одно... Эта... эта кровь, она капала быстро?

— Кровь? Нет... Капля... потом снова капля... с большим перерывом.

— А вы смотрели на пол, туда, куда эти капли падали?

— Нет. Там был полумрак. Они падали в тени за столом. Вот здесь заканчивалась граница света лампы... Вообще это было жутко, когда они так исчезали во тьме, и ни малейшего звука... — Филипп Дэвис содрогнулся.

— И еще кое-что... Итак, вы вернули эту тысячу фунтов и отдали чек. Откуда же вы теперь возьмете деньги для брата?

— Не знаю... — Дэвис развел руками. — Я не хочу думать об этом. Мне придется это как-то пережить. Может быть, и мама тоже переживет. Но я... теперь, когда мистер Драммонд мертв, я не мог бы уехать туда... Это было бы как измена... В конце концов, я тоже ученый... английский ученый. Я отдаю себе отчет в том, что означают эти исследования. Если б не паника, я никогда бы этого не сделал. Позже — это другое дело. Может, когда все закончится. Хотя нет. Нет выхода. Но этого я не могу сделать.

— Я могу одолжить вам тысячу фунтов на две недели, если инспектор Паркер ничего не имеет против, — сказал Алекс.

— Я? — удивился Паркер. — Пока этот джентльмен на свободе, он имеет полное право получать чеки от кого угодно. Это, вероятно, награда за то, что он не ударил тебя сильнее?

— Да, — Алекс вынул чековую книжку и выписал чек. — Вернете мне деньги на этот же счет, — сказал он.

Филипп Дэвис протянул ему руку.

— Если б вы только знали... — Он не мог произнести больше ни слова.

— Ступайте теперь в свою комнату, — сказал Паркер, — а затем постучитесь к миссис Люси Спарроу и спросите, написала ли она это письмо для вас. Если да, я хочу, чтобы вы мне его принесли.

— Но в этой... в этой ситуации мне как-то неловко...

— Молодой человек! Не забывайте, пожалуйста, что это вы стараетесь убедить меня в правдивости своего рассказа. Факты свидетельствуют, что вы были в этой комнате в то время, когда здесь могло быть совершено убийство, что вы забрали из кассы деньги, что никому не сообщили о том, что здесь увидели, что позже вы ударили тяжелым предметом по голове присутствующего здесь мистера Алекса и убежали вверх, даже не поинтересовавшись, не убили ли его, и притом, пытались затереть следы. Вы с одинаковым успехом можете быть убийцей, как и можете им не быть. Откровенно говоря, среди лиц, находящихся в этом доме, я знаю некоторых, чье алиби крепче вашего. А в этом доме в день убийства было весьма немного этих лиц. Восемь, если говорить точно. И вы по-прежнему в верхних рядах списка. Поэтому будет лучше, если вы сделаете то, о чем я вас прошу.

— Да, сэр... Я сейчас постараюсь... все сделать... — Филипп Дэвис встал и вышел.

— Шеф! — появился в дверях Джонс. — Никакого пятна ни на одной из туфель. Разве что на одной из тех, которые у него на ногах. Но не заглядывать же ему под пятки...

— Ладно... — Паркер отправил его движением руки и подошел к Алексу. — Похоже он говорит правду... этот шахматист... этот изобретатель многоходовых задач... Страшный болтун... Ты услышал от него что-нибудь интересное?

— Да, — Алекс кивнул. — Мне кажется, даже очень интересное.

— И я, — сказал Паркер. — И я.

— Мистер Дэвис, шеф! — сказал Джонс.

Филипп Дэвис вошел и, приблизившись к инспектору, протянул ему конверт.

— Вы, разумеется, сказали, что это письмо требует полиция?

— Я... Вы не сказали ни слова о том, что мне нельзя этого говорить...

— Не сказал. И что же ответила миссис Спарроу?

— Она сказала, что, в конце концов, вы и так уже знаете от меня, что находится в конверте, так что теперь, если я сам не имею ничего против, она может передать письмо.

— Спасибо. Большое спасибо.

Дэвис стоял в нерешительности.

— И это правильно, — сказал Паркер. — Подождите, не уходите. Покажите мне, пожалуйста, подошву вашей левой туфли... так... а теперь правой. Я пока что оставлю у себя это письмо, а потом мы вернем его миссис Спарроу. Вы нам нужны не для нарушения тайны переписки, а совсем для другого. Благодарю вас за ваши труды, молодой человек, а в будущем советую побольше думать и поменьше размахивать всякими тяжелыми предметами.

Дэвис открыл было рот, но, не сказав ни слова, вышел.

ХIII. Стакан

Паркер положил на столик конверт с письмом Люси Спарроу и вытащил бумажник. Оттуда он достал другое письмо. Алекс склонился над этими письмами.

— Не надо нарушать тайны переписки, миссис Спарроу, — сказал инспектор, — чтобы понять: оба документа напечатаны на одной и той же машинке. Ты видишь букву «а»? Она западает. А вот «о», наоборот, немного выше строчки. Разумеется, это требует подтверждения эксперта, но я уверен, что... Вот, еще посмотри: буква «ф» немного искривлена, такой мелкий дефект. И тут, и тут... Джонс!

— Да, шеф?

— Возьми эти бумажки и немедленно отправь в Лондон, пусть проведут сравнительную экспертизу. Подожди! — Он вырвал из блокнота листок и написал на нем несколько слов. — Возьми это.

— Слушаюсь, шеф!

— Лично у меня нет никаких сомнений в том, что письмо, которое мы получили две недели назад, напечатано на машинке Сары Драммонд, — сказал Паркер, — а это означает очень многое.

Алекс кивнул.

— Но это не противоречит моей гипотезе, — тихо сказал он. — Пока что ничего ей не противоречит... Послушай, Бен, я вчера начал писать новый роман, в котором Иэн... В котором Иэн должен был быть убит...

— То есть как? — Паркер посмотрел на него с нескрываемым изумлением. — Иэн?

— Да... То есть, нет. Я хочу тебе об этом рассказать. Так вот, еще в Лондоне у меня уже была концепция новой книги. Не план, а пока только концепция, согласно которой некто убит, а следствие затруднено тем,

что... — он заколебался. — Подожди, сейчас я все по порядку... Так вот, когда я приехал сюда, чтобы спокойно написать здесь эту книгу, я понял, что это просто идеальное место действия: отрезанный от мира дом, группа людей с интересными, яркими характерами, а между этими людьми существуют какие-то скрытые, но очень острые конфликты, к этому добавляется внешняя угроза, связанная с некими исследованиями. Разумеется, я изменил профессии героев, описание дома, но оставил примерно тех же людей, потому что мне легче было бы оперировать реалиями. Это очень побуждает творческое воображение. Итак, я решил, что будет убит хозяин дома. На первый взгляд все невиновны... Следы запутываются, ну, совсем как у нас тут. Разные люди приходили к убитому в разное время... Возникает проблема алиби и мотивов...

— Подожди, — сказал Паркер, — Бога ради, подожди, Джо! Да ведь здесь...

— Дай мне закончить, — остановил его Джо движением руки. — Одним словом, следствие продвигается примерно так же, как и здесь... Следы оказываются ложными, отпечатки пальцев лишь запутывают дело... Надо серьезно думать. И тогда мой герой-детектив находит убийцу, отыскивает тайный мотив... Понимаешь... Мотив все время спрятан во мраке, и детектив долго не может его обнаружить, хотя все время чувствует и знает, что это событие — одно чудовищное недоразумение, и несомненно существует какой-то ключ... Помнишь, ты сказал, что факты должны повернуться на своей оси и показать нам совсем иное лицо. Пока что все сходится. В этом моем романе убийцей является...

— Стой! — Паркер подошел к нему и прижал палец к губам. — Давай не будем об этом говорить. Давай пока не будем о романах, Джо, и вообще ни о чем, что мешает нам работать. Посмотрим. Я не буду говорить тебе, о чем я думаю, а ты не говори, о чем ты думаешь. Но я хочу, чтобы ты был рядом. Однако хочу, чтобы ты не влиял на меня, а я на тебя. У нас еще множество совершенно непонятных фактов. Допросы еще не закончены.

— Да, — сказал Джо, — но это потрясающе. Быть может, я помешался на том, что сочинил, но каждый новый факт лишь подтверждает мою версию. Сначала я как-то не обратил на это внимания, но сейчас...

— Давай теперь допросим мистера Роберта Гастингса, профессора Университета штата Пенсильвания. Или нет. Это, конечно, ужасно, Джо, понимаешь, Иэн мертв, а я... а я проголодался. Я со вчерашнего дня ничего не ел. Джо, нам надо выпить кофе, ведь и у тебя не было ни крошки во рту... Съедем пару бутербродов...

— Я совсем забыл об этом, — сказал Джо.

— Я тоже... Джонс!

— Да, шеф!

— Попроси, чтобы нам сделали крепкий кофе и пару бутербродов.

— Слушаюсь, шеф!

— Я думаю, миссис Драммонд не будет возражать, если мы несколько бесцеремонно распорядимся ее запасами, — сказал Паркер. — Пойди к ней и спроси, можем ли мы ими воспользоваться?

— Хорошо, шеф!

Алекс и Паркер сидели молча, глядя на платок, под которым лежали скальпель и рубиновый кулон. Потом Паркер встал, подошел к двери лаборатории и заглянул туда.

— Не нашли мы там ничего интересного, — проговорил он. — Скажи, Джо, эта лаборатория выглядит так же, как тогда вечером, когда ты сюда приходил?

Алекс встал. В лаборатории по-прежнему горел свет. Шкаф с нарисованным на дверях черепом был открыт.

— Выходя, Иэн погасил здесь свет, — сказал Алекс, — и закрыл дверцу шкафа. А кроме того... нет, пожалуй, нет. Не знаю. По-моему, ничего не изменилось.

— Но теперь свет горит... — пробормотал Паркер.

— Из этого следует, что Иэн собирался скоро вернуться сюда. Он вынул из шкафа коробочки с крючками, лески и пошел с ними в кабинет, где ему удобнее было бы отобрать их на большом столе при настольной лампе. Потом он, вероятно, собирался вернуться и отнести ненужные коробочки в шкаф. Поэтому и оставил дверь полуоткрытой...

— Шеф!

— Да?

— Миссис Драммонд просит, чтобы джентльмены чувствовали себя как дома. Она сожалеет, что сама не может распорядиться, потому что плохо себя чувствует.

— Что она делала, когда ты вошел?

— Сидела на кровати и смотрела в окно. Она подпрыгнула, когда я постучал. Я знаю, потому что дверь была приоткрыта, и я сначала туда заглянул. Она очень подавлена, шеф. Видно, что она плакала. Но, в общем, чему тут удивляться, правда?

— Можешь идти, Джонс. Ты велел принести нам кофе?

— Да.

— И позаботься о наших людях. Пусть ходят перекусить на кухню, но по очереди. Я не хочу, чтобы дом вдруг опустел. А через десять минут пригласи сюда мистера Роберта Гастингса.

— Есть, шеф!

В ту же минуту дверь открылась.

— Можно? — тихо спросила горничная. Обеими руками она держала поднос с едой для двоих. Джонс взял из ее рук поднос и остановился, не зная, куда его поставить.

— Мы позавтракаем в столовой, — сказал Паркер, — мисс...

— Кейт Сандерс, сэр, — сказала горничная. — Но я...

Паркер взял поднос из рук Джонса и вернул ей.

— Мы сейчас туда придем, — сказал он, и девушка вышла. — Джонс! Никто, ни под каким предлогом не имеет права сюда входить. Никто! Ты понял?

— Да, шеф!

Инспектор кивнул Алексу, и они направились к выходу.

В столовой Кейт Сандерс уже расстелила скатерть на конце длинного стола и расставляла чашки. Паркер молча ждал, пока она закончит. Когда она сделала книксен и собралась идти, он остановил ее движением руки.

— Минуточку, мисс.

Она подошла и остановилась, опустив глаза. По ее лицу было видно, что она плакала, но стояла выпрямившись, и когда услышала первые слова инспектора, Алекс заметил, что Кейт Сандерс просто сгорает от любопытства, чтобы узнать, что случилось и что еще может случиться.

— Мы пережили ужасную трагедию, — сказал инспектор. — Скажите нам, пожалуйста, мисс Сандерс, не бросилось ли вам в глаза что-нибудь интересное, вчера или в последние дни?

— Интересное, сэр?

— Ну, то есть, что-нибудь, что выходило бы за рамки обыденной жизни в Саншайн Мэнор? Какая-нибудь мелочь или деталь...

— Нет, сэр... Ну, может, только то, что у ворот разбили палатку двое молодых людей, сэр. Но они очень симпатичные...

— Не сомневаюсь, — Паркер невольно улыбнулся, но тут же стал серьезным. — А кроме этого?

— Ну... может... Но это, наверно, неважно...

— Что? — спросил Паркер. — Пожалуйста, говорите.

— Этот стакан... — И увидев интерес в его взгляде, добавила: — Он стоял в холле на камине...

— Когда?

— Сегодня утром... Я не убирала сегодня как следует, потому что... этот джентльмен не разрешил прикасаться к вещам, а кроме того, всюду ходит полиция и заглядывает... Но когда посветлело, я вышла, чтобы подмести холл, потому что эти джентльмены наносят столько грязи, и никто из них не вытирает ноги...

— Да. Ну и что?

— Он стоял там. Стакан, полный апельсинового сока.

— А разве не мог его поставить там кто-нибудь из домочадцев вчера днем?

— Мог, но когда в половине одиннадцатого я ложилась спать, то заглянула наверх, к миссис Драммонд, чтобы спросить, не нужно ли ей чего... Она мне не звонила, но я... ну не только я, мы все здесь ее любим... вот разве что Мэлахи смотрит на нее косо... Простите, что я морочу вам голову такими глупостями... — она умолкла, как бы устыдившись.

— Пожалуйста, продолжайте. Вы заглянули к миссис Драммонд, и что?

— Ничего, потому что ей от меня ничего не нужно было. Тогда я пожелала ей спокойной ночи и пошла вниз. И тут я вспомнила, что утром, во время уборки, у меня отвинтилась гайка от ручки пылесоса, и я ее там оставила. Пылесос-то работает и без этой гайки... впрочем, я в этом не разбираюсь. Но я хотела ее взять, чтобы Мэлахи нашел место, откуда она отвинтилась, и привинтил ее обратно. Ну и вот, я спустилась в холл, подошла и забрала эту гайку.

— Так, ну и что? А этот стакан?

— Вот я и говорю, сэр. Стакана-то тогда там не было. А утром, когда нас разбудили, я оделась и вышла, потому что хотела узнать, не потребуется ли что-нибудь для миссис Драммонд после такой ужасной... Это вроде пустяки, сэр, но иногда чашка крепкого кофе может помочь человеку даже в самой трудной ситуации, сэр...

— Да-да. И что же?

— А то, что, проходя через холл, я заметила этот стакан, когда возвращалась. На него падал свет.

— И что вы с ним сделали?

— Я машинально забрала его. Я тогда плакала, потому что... а кто бы не плакал, глядя на переживания миссис Драммонд... Я взяла этот стакан и пошла с ним на кухню. А там сразу помыла его. Потом вместе с другой посудой отнесла в буфетную комнату.

— А где находится эта буфетная комната?

— Вот здесь, рядом со столовой. В нее можно пройти через маленький коридорчик. Там находятся бокалы, серебряные приборы и есть маленький холодильник, где мистер Драммонд велел всегда держать немного ветчины, соки и еще что-нибудь съестное, потому что, бывало — проголодается ночью, когда работает. В общем, отнесла я туда этот стакан и поставила рядом с другими.

— А вы хорошо его вымыли и вытерли?

— Разумеется, сэр, — в голосе девушки прозвучала едва заметная обида.

— Буфетная комната всегда открыта?

— Да, сэр. Всегда.

— Весьма вам благодарен, мисс, — Паркер сел и опустил в свой кофе два кусочка сахара.

Кейт Сандерс сделала книксен и направилась к двери.

— Еще одно, — сказал Паркер. — Дверные ручки чистятся у вас в доме ежедневно?

— Раз в неделю, сэр, порошком. А каждое утро их протирают тряпкой.

— А в кабинете?

— Так же, как и везде, сэр.

— А вчера вечером вы случайно не протирали ручки двери, ведущей из холла в кабинет мистера Драммонда?

— Нет, сэр. Я никогда не делаю этого вечером.

— Большое спасибо, мисс Сандерс.

XIV. Пятно крови

Они завтракали молча. Алекс выпил две чашки горячего кофе и заставил себя съесть кусочек хлеба с маслом. Потом отодвинул тарелку.

— Не могу больше, — сказал он.

— Я тоже. — Паркер встал. — Пойдем снова в кабинет. Допросим там мистера Роберта Гастингса. Я думаю, он разъяснит нам несколько деталей, но боюсь, что это окончательно запутает дело.

И он не ошибся.

— Думаю, я ничего не сумею рассказать вам об этой ужасной трагедии, — сказал Гастингс, после того как полностью подтвердил относящиеся к нему показания Дэвиса и Спарроу. — Я глубоко потрясен, и думаю, так же потрясены все, кто понимал, насколько значительным был исследовательский вклад Драммонда в ту область науки, в которой он работал. Это невосполнимая утрата не только для вас, англичан, но и для нас всех. Ничего плохого нет в том, что я хотел бы видеть его в Америке. Это всего лишь вопрос конкуренции между национальными корпорациями. Но сама личность Иэна и его ум были бесценными для человечества, независимо от того, где он жил и работал. Именно такие люди, как он, двигают прогресс, формируют его и вырывают у материи целые куски неведомого. Я знаю немногих исследователей, которые могли бы с ним сравниться.

— Но если бы вы приобрели такого ученого, как, например, Спарроу, смерть Иэна затормозила бы в Англии развитие той области науки, о которой вы вспоминали? Зато эта область расцвела бы в Америке, не так ли?

— Я вас не понимаю, — сказал Гастингс. — То есть, я не хочу вас понимать.

— Господин профессор, — Паркер встал. — Я нахожусь здесь для того, чтобы найти человека, который убил Иэна Драммонда. Никто, кроме безумцев, не убивает без мотива. Это преступление не было совершено безумцем. Поэтому я хочу найти мотив. Когда я его найду, я найду убийцу. Вы, по крайней мере, теоретически могли убить Драммонда для того, чтобы он не закончил свой труд...

Роберт Гастингс покраснел и вскочил с места. Он сжал кулаки, а в его глазах сверкнули молнии.

— Еще одно слово, — воскликнул он, — и...

— Своим поведением, — сказал спокойно Паркер, — вы показываете, что словесные формулировки, касающиеся этого преступления, вы цените выше сути того, что я вам сказал, и выше ваших пояснений о том, почему вы не убили Драммонда и по какой причине не могли этого сделать. Или почему его не убил человек, находящийся с вами в сговоре?

Гастингс побагровел, но спокойная интонация Паркера подействовала на него.

— А вы отдаете себе отчет в том, что сказали мне сейчас?

— А вы считаете, что все обитатели этого дома заслуживают меньшего уважения, чем вы? Драммонда убил не кто-то извне. Ему нанес удар кто-то из вас! И в глазах закона все вы являетесь одинаково подозреваемыми. Вы понимаете меня?

— Да, я вас понимаю, — Гастингс сел. — Спрашивайте, пожалуйста. Я отвечу вам как сумею, но боюсь, мне особенно нечего сказать.

— Вы не хотели бы что-нибудь добавить к своему рассказу о вчерашнем вечере?

— Нет, — Гастингс покачал головой. — Ничего.

— Ну вот! — Паркер хлопнул в ладоши. — И после этого вы взрываетесь в приступе возмущения, когда я говорю, что вы могли убить Иэна! А ведь я мог бы сейчас арестовать вас и не уверен, что я этого не сделаю, если... — он на секунду умолк, — если вы не объясните мне, откуда на кончике вашей левой туфли оказалось это пятно крови. — Он наклонился и указательным пальцем прикоснулся к ноге Гастингса.

Алекс, который внимательно смотрел на профессора, ни на секунду не спуская с него глаз, увидел, что лицо Гастингса покрылось смертельной бледностью.

— Что? — переспросил Гастингс. — Пятно крови?.. — Он прищурился.

— Да, пятно крови. — Паркер выпрямился и замолчал.

Некоторое время никто не шевелился. Потом Гастингс взглянул на кончик своей туфли, и по его телу пробежала дрожь.

— Что?... Что вы намерены делать?.. — спросил он. — Я... я не знаю откуда...

— Я намерен отдать вашу туфлю на криминалистический анализ, причем убежден, что на ней окажется кровь Иэна Драммонда, смерть которого так глубоко вас тронула. Тогда вы окажетесь в заключении, и мне не придется объяснять вам, что я намерен сделать. Либо... вы расскажете, откуда это пятно взялось, и тогда: или я поверю вам, и вы останетесь здесь в качестве подозреваемого, или я не поверю, и тогда вы станете обвиняемым.

— Но я... мне кажется, вы не понимаете, что для человека в моем положении... в мире науки... Вы отдаете себе отчет?

— А вы, господин профессор, отдаете себе отчет в том, что вы были гостем в доме, где убит хозяин, человек, которому вы сами провозгласили столь хвалебную эпитафию, а вы, известнейший в мире ученый, который, как я слышал, заботитесь о мнении окружающих, утаили правду во время первого допроса и, таким образом, разумеется, помогли преступнику, если, конечно, вы не сами им являетесь.

— Но я... Повторяю еще раз, я не убивал Иэна Драммонда. Клянусь!

— Господин профессор, пожалуйста, не ведите себя как ребенок. Быть может, вместо этого вы лучше подумаете о том, как доказать нам, что вы человек, слово которого имеет какое-то значение. Ведь пока что вы обманули нас самым отвратительным образом. Независимо от того, что вы сами считаете, вы тем самым стали сообщником убийцы.

— Но я... Повторяю — я не убивал Иэна.

— Однако вы были здесь в ночь убийства, вы не подняли тревоги и вы ступили в кровь убитого! Это, по-вашему, пустяки?!

Гастингс повернул голову налево, затем направо, как боксер, который получает удар за ударом, но любой ценой хочет выстоять до конца и не потерять сознание. Он глубоко вздохнул.

— Когда Филипп Дэвис зашел ко мне за тысячей фунтов, он так странно выглядел, что я в первую минуту подумал, не сошел ли парень с ума. Вы должны понять, что за несколько минут перед этим у меня был профессор Спарроу, с которым часом раньше я обсудил его выезд в Соединенные

Штаты и условия, на которых он туда поедет. Час спустя Спарроу явился ко мне с каким-то безумным выражением на лице, и вдруг оказалось, что он полностью изменил свое решение по причинам, которых он не пожелал мне объяснить. Следом вошел Филипп Дэвис, внезапно выразил согласие ехать, схватил чек, после чего исчез с ним столь поспешно, будто банки работают по ночам. Я был сильно удивлен... Ну, представьте сами мою ситуацию. Я чувствовал... да нет, я знал, что между всеми ними что-то происходит, что здесь случилось нечто, о чем я не знаю и что так повлияло на их решения... Это дело для меня было очень важным... Я не только ученый-исследователь, я еще и владелец доли в большом концерне. Я очень заинтересован в том, чтобы собрать в своей лаборатории лучших ученых со всего мира. Я не стыжусь этого. Я ставлю условия, я предлагаю высокое вознаграждение, и с этим можно соглашаться или нет. Иэн Драммонд сразу отверг мое предложение, и это ни в малейшей степени не повлияло на мое отношение к нему. Я по-прежнему утверждаю, что мир науки потерял одного из величайших людей. Если бы он жил дольше, его, вероятно, ждали бы огромные достижения... Да, но что я хотел сказать?.. Ага. Так вот — я остался один в комнате. В течение часа Спарроу, который сначала согласился, — отказался, а Дэвис, который сначала отказался, — вдруг согласился. Я не знал, что и думать обо всем этом и об их странном поведении. Я выглянул в окно. В кабинете Иэна все еще горел свет. Я решил заглянуть к нему под каким-нибудь предлогом, чтобы выяснить, что случилось. Я был уверен, что он наверняка имеет какое-то влияние на то, что происходит с двумя остальными исследователями. К сожалению, я не ошибся, хотя влияние это оказалось совсем иным, чем я предполагал. Во всяком случае, я сказал себе, что не будет ничего плохого, если я спущусь и под видом прощального разговора — потому что я ведь должен был уехать на рассвете — попытаюсь сориентироваться, в какой мере я могу считать дела Дэвиса и Спарроу окончательно решенными. Я спустился вниз. Дверь была закрыта. Я знал, что в кабинет не стучат, и тихонько открыл ее. Оказавшись внутри, я заметил Драммонда, сидящего за столом, и тут же увидел все остальное... Я подошел, чтобы проверить, жив ли он и нужно ли вызвать помощь. Но его тело было уже холодным. Я во время учебы прошел трехлетний курс медицины в качестве дополнительного предмета и сразу понял, что здесь уже ничего не поможет. В ту же самую секунду я понял также, что подозрение может пасть на меня. Я искали мотив преступления. Мне тоже это сразу пришлось в голову. Драммонд рассказывал о каком-то письме, которое якобы пришло в английскую полицию и которое предостерегало о возможности покушения на ученых со стороны каких-то неизвестных сил. Он тогда посмеялся над этим, но мне теперь совсем не было смешно. Ведь это я представлял интересы зарубежного концерна. Я тихонько отступил к двери и вдруг вспомнил, что оставил отпечатки пальцев на ее ручке. Тогда я дочиста вытер рукавом обе дверные ручки — внутреннюю и внешнюю, а затем на цыпочках взбежал наверх и заперся в своей комнате. Я быстро разделся и лег в постель, но не спал и точно знаю, когда Филипп сунул мне под дверь чек. Я даже похолодел тогда. А потом уже ничего не происходило, до той минуты, пока ко мне не постучалась полиция. Все то, что я сказал, полностью соответствует истине, и теперь мне нечего уже больше добавить.

— М-да... — Паркер сел. — В котором часу вы были здесь?

— Может, в 12.10 или в 12.12. Мне трудно определить точно, но помню, что, выходя из комнаты, я глянул на часы, и было примерно десять минут первого.

— А как долго вы пробыли здесь, в кабинете?

— Может, две-три минуты.

— То есть, где-то в 12.15 вы уже вышли отсюда?
 — Вероятно, да.
 — Хорошо. Возвращайтесь в свою комнату, господин профессор, и не покидайте ее.

Гастингс встал. Он по-прежнему был очень бледен.

— Я надеюсь, вы не подозреваете меня всерьез в убийстве Иэна? — спросил он с беспокойством.

— Нет, — Паркер покачал головой. — Еще до того, как вы вошли сюда, я знал, что вы не могли убить Иэна Драммонда, но вероятнее всего, находились здесь после совершения убийства.

— Значит, вы знали! — Гастингс вышел, вытирая ладонью свою большую лысину, на которой блестели капельки пота.

XV. «...Затем ударила подряд два раза...»

— А теперь, к сожалению, мы должны поговорить с миссис Сарой Драммонд, — сказал Алекс. — Я предпочел бы не присутствовать. Все это так ужасно.

— Да, — Паркер вздохнул. — Мы должны поговорить с Сарой Драммонд, но думаю, тебе надо остаться. То, что убийца Иэна на свободе, еще ужаснее. — Он взглянул на часы. — Сейчас восемь утра. Девять часов назад Иэн был еще жив. И мог жить еще много лет... Я не выйду из этого дома без его убийцы... даже если какие-то дьявольские силы еще больше все запутают. Но о чем это я говорю? Я ведь знаю, кто убил Иэна Драммонда, точнее говоря, не я сам, а полицейский внутри меня знает. Я уже сейчас мог бы отдать приказ на арест, и никому не удалось бы оправдать того, на кого бы я указал. У нее одной нет алиби и есть причина, по которой она должна была убить. Как это все просто, как ясно! Настолько ясно, что как-то бессмысленно!

Алекс покивал головой.

— Вот именно, — пробормотал он. — Настолько ясно, что даже бессмысленно.

— Ладно, оставим это! — Паркер встал, начал прохаживаться по кабинету, огибая широкой дугой пустое кресло и большое пятно крови, которая уже почернела и впиталась в разноцветный узор ковра. — Видишь! Его кровь уже исчезает... Остается лишь пятно на ковре. Потом ковер отдадут в химчистку, и так исчезнет последний его след. Он не оставил ребенка, а жена была ему неверна. Так навсегда уходит человек. Я не разбираюсь в театральном искусстве, но разве это не самая «греческая» из греческих трагедий? Разве вернет Иэну жизнь тот факт, что мы, ты и я, знаем или догадываемся, кто его убил? Но он ведь любил ее. Независимо от того, что мы знаем о ней, он ее любил. Хотя бы поэтому мы должны быть снисходительны к ней. Он точно этого хотел бы. Он был очень добр. Возможно, он даже простил бы ее, хотя это сломало бы ему жизнь. Джонс!

— Да, шеф! — толстошеекое лицо сержанта улыбалось от уха до уха.

— А что это тебя так развеселило?

Джонс сразу стал серьезным и вытянулся.

— Ничего, шеф... Дело в том, что мисс Сандерс...

— Дело в том, что у мисс Сандерс ямочки на щечках, да? Но ты приехал сюда за счет Ее Величества Королевы не для того, чтобы восхищаться ямочками мисс Сандерс. А сама мисс Сандерс пусть займется своими делами, если у нее есть таковые!

Сквозь приоткрытую дверь Алекс услышал тихий топот быстро удаляющихся ног.

— Закрой дверь, Джонс! — сказал инспектор. — И следи в оба за всем, что происходит в доме. Ты не должен ни на шаг покидать холл до тех пор, пока я не отменю этот приказ. Никто не пытался спуститься вниз?

— Спускались, шеф... Вы же не запрещали...

— Кто?

— Мистер Гастингс и миссис Спарроу. Оба звонили по телефону в Лондон.

— О чем говорили? По каким номерам звонили?

— Мистер Гастингс связался с бюро путешествий и отменил свой утренний рейс в Нью-Йорк. А миссис Спарроу звонила в больницу и просила к телефону профессора Биллоу. Потом она спрашивала о здоровье миссис Райт. После этого она говорила что-то по латыни и в конце сказала, что даст знать позже, сможет ли она приехать, потому что здесь ее задерживают непредвиденные семейные обстоятельства. А еще она сказала, что позвонит после обеда. Я проверил номер. Она звонила в больницу Чаринг Кросс, в хирургическое отделение.

— Хорошо, Джонс. — Паркер закрыл дверь и обратился к Алексу: — Теперь тебе придется напрячь свой ум и все свое воображение. Думаю, нам лучше перейти в салон. Нельзя ее здесь допрашивать. Отправляйся туда, а я сам за ней зайду.

— Хорошо, — согласился Алекс и встал.

Они вышли в холл. Паркер тяжелым шагом стал подниматься по лестнице на второй этаж. Направляясь к дверям салона, Алекс еще слышал его шаги, стихающие за поворотом лестницы... «Сейчас он увидит над головой надпись, — подумал Джо: — “Чти Господа под этой крышей...” Кто-то, однако, нарушил заповедь Господню и убил невинного человека. Пусть крыша этого дома рухнет на его голову».

Алекс открыл дверь в салон. Здесь было тихо, светло и уютно. Гардины раздвинуты, и солнечные лучи, бьющие в окно, весело раскрашивали розовые кресла в стиле рококо и уже несколько поблекшую обивку стен того же цвета и с тем же узором, что и у мебели. В причудливо изогнутом большом зеркале в золоченой раме Алекс увидел свое бледное, небритое лицо.

Дверь из салона в библиотеку была открыта. Четыре темных клубных кресла вокруг низкого столика. Полки с книгами. Два больших глобуса под окном. Один отображал мир, каким его представлял географ семнадцатого века. Соединенные линиями небесные тела на другом глобусе создавали рисунки животных и причудливых существ. Названия созвездий. Большая Медведица держала в своих лапах щит, на котором виднелась надпись: «ORBIS CAELESTIS TYPUS. OPUS a M. CORNELLI. Lutetie Parisiorum. Anno MDCXIII...» Творение Марка Корнели...

Люди творят...

Творение Иэна Драммонда... Он сказал перед смертью: «Через двадцать лет все это устареет, родятся новые идеи, и придут более совершенные методы, о которых нам сегодня даже не снится...»

Стоит ли? Стоит ли разоблачать убийцу?... Даже если ты любил убитого, как брата. Пока убийца жив, — он в страхе, он страдает... Убийца хочет жить... Но Иэн Драммонд тоже хотел жить. Иэн Драммонд мог жить долгие годы и спокойно умереть в этом доме старым, мудрым человеком, любимым всеми младшими, кого он учил... Иэн был добр, Иэн был честен. А убийца? Убийца был расчетлив, он пожертвовал жизнью Иэна Драммонда ради собственного счастья, и он должен быть наказан, хотя ничто уже не воскресит Иэна. Убийца должен быть наказан, хотя бы за то, что он хотел погубить другого человека, хотел, чтобы этот другой отвечал за его преступление. Убийца хотел убрать все препятствия на своем пути.

Алекс повернул голову. Дверь открылась, и вошла Сара Драммонд, а за ней Паркер. Алекс молча поклонился. Сара ответила едва заметным движением головы. Она была одета в простое серое платье. Лицо спокойно, но на нем видны следы слез и бессонной ночи.

— Я предупредил, что ты мой сотрудник, — сказал Паркер. — Но я хотел бы пояснить вам, миссис Драммонд, что мистер Алекс ни в малейшей степени не связан с полицией. Согласны ли вы, чтобы он присутствовал во время нашего разговора?

— Да, — Сара Драммонд склонила голову. — Мне нечего скрывать. Любой может присутствовать при нашем с вами разговоре. Садитесь, джентльмены.

Она заняла место в кресле, держась прямо и сложив руки на коленях.

Алекс посмотрел на нее вблизи и увидел измученную, сломленную и уже немолодую женщину. Насколько же иной она была всего лишь двадцать четыре часа назад... «И вот стою я перед вами, — подумал он. — Свершилось, наконец, веление судьбы: удар нанесен...»

— Слушаю, — сказала Сара Драммонд. — Чем могу быть вам полезна, джентльмены? Я готова ответить на любой вопрос, господин инспектор. Пусть вас ничего не стесняет.

«Теперь открыто и бесстрашно... — думал дальше Алекс, — ...скажу вам, как погиб он...». — Нет. Она этого не скажет.

— Миссис Драммонд... — Паркер откашлялся и умолк. Затем продолжал с видимым усилием. — И мистер Алекс, и я знаем о... о характере вашего знакомства с мистером Спарроу. Мы знаем, о чем вы говорили вчера вечером в парке. Я не хочу к этому возвращаться. Я хочу лишь задать вам несколько вопросов, тесно связанных с делом. Существуют определенные обстоятельства, которые вынуждают меня задать их. Прежде всего я хочу, чтобы вы сказали мне, что вы делали вчера с момента возвращения из парка. Который был тогда час?

— Значит, он вам все рассказал, — Сара покивала головой, как бы подтверждая какие-то свои мысли. — Что я делала, вернувшись из парка? Войдя в дом, я пошла в кабинет Иэна и находилась там примерно минут пятнадцать.

— Позвольте узнать, с какой целью вы туда пошли? Муж ведь тогда работал, не так ли?

— Да, он работал. Зачем я пошла? Я опасалась, что Спарроу сгоряча, не остыв, явится к Иэну. Спарроу покинул меня внезапно, когда мы сидели на скамейке, и быстро ушел. Я искала его по всему парку и не нашла... Тогда мне пришло в голову, что мне лучше быть рядом с Иэном, пока все домочадцы не вернуться из парка и дверь не будет заперта. Спарроу обещал мне, что он не скажет Иэну о... обо всем, а лишь поговорит с ним о своем отъезде. Он хотел уже сегодня уехать из этого дома, а позже отправиться в Америку. Вы, наверно, знаете это от него.

— Да.

— Я хотела как можно дольше оттянуть момент их разговора. Я знала, что при мне Спарроу не посмеет сказать ни слова о нас, и я знала, что когда он остынет, он тоже этого не скажет. Я боялась только первых минут разговора — он ушел от меня очень взвинченным... Иэн работал. Он сказал, что утром собирается на рыбалку с мистером Алексом. Я соскучилась. Я приехала сюда вчера и была очень счастлива. Но, чтобы вы поняли... Видите ли, с шестнадцати лет я танцевала в мюзик-холле. Все знают, что это за жизнь. Мне пришлось упорно бороться на всем длинном пути до того положения на сцене, которое я сейчас занимаю. И бороться приходилось всеми возможными способами. Мужчины в моей жизни значили очень мало и очень много. Они были нужны мне, а я была нужна им. Они

были нужны мне для преодоления жизненных преград, а я им, потому что была молода и, говорят, красива. Когда я познакомилась с Иэном, мне шел тридцать первый год. Я говорю об этом, потому что хочу, чтобы вы узнали всю правду. Я не любила его, когда выходила за него замуж... — она произнесла это спокойным голосом. — Разумеется, я говорила ему, что люблю его, потому что это говорит каждая женщина каждому мужчине, за которого выходит замуж. Просто Иэн был мне тогда нужен. Не так нужен, как те, предыдущие мужчины, — совсем иначе. Я уже была известной актрисой, я даже стала знаменитой. Теперь мне следовало приобрести соответствующее общественное положение. Уже за год до того я решила, что выйду за любого симпатичного мужчину, который сумеет создать мне нужные условия. Я хотела, чтобы у меня был дом, муж и чтобы меня уважали в обществе. Впрочем, я была далеко не первой актрисой, которая так поступила. Я могла бы назвать нескольких только в одном Лондоне. В людях, таких, как я, которые боролись день и ночь, чтобы подняться по всем ступенькам этой чертовой лестницы, живет неистребимое желание закрепиться на ее верхушке. Я хотела всего: хотела иметь старинный родовой дом, древнюю фамилию, хотела, чтобы мой муж был кем-то известным и уважаемым до такой степени, чтобы я могла сменить свою сценическую фамилию и выступать под фамилией мужа. Иэн отвечал всем этим условиям, а кроме того, он влюбился в меня. Впрочем, я сделала все, что было в человеческих силах, чтобы это случилось. А потом мы поженились. Я думала, что с этой минуты вся моя жизнь изменится. Она изменилась, это правда. Но у Иэна была своя, всецело захватывающая его работа, а у меня своя, плюс вся моя жизнь позади. Мне всегда нравилось подчинять себе мужчин. Если бы я полюбила Иэна с первого взгляда, я бы, может, перестала об этом думать. Не знаю. Но вышло иначе. Я по-прежнему жила в Лондоне одна и лишь изредка навещала его или он меня. Мы постоянно планировали совместное путешествие, но из этого ничего не получалось, потому что либо у него не было времени, либо у меня... Иэн верил мне безгранично. Но до него мне так же верили и другие. Я никогда не могла понять, почему верность одного человека другому понимается лишь в одном-единственном, ограниченном смысле. Мне казалось, что я родилась лишенной этого. Я не была верна Иэну. В этом доме я встретила Спарроу и его красивую жену. Она была столь красивой и вела себя столь подавляюще по-королевски, а он был настолько переполнен принципами, что... Но дело не в этом. Мне кажется, что уже тогда я начала все больше и больше любить Иэна. Может, это было каким-то противоядием, что ли... Я всю жизнь противилась любви. Я боялась. Боялась любой человеческой слабости. Мне постоянно надо было быть сильной. Впоследствии это легко не проходит. Я сама лишила себя возможности любить... Вы меня понимаете? — она с беспокойством взглянула на Алекса.

— Да, — неожиданно сказал Паркер. — Все это абсолютно понятно.

— Так о чем это я говорила?... Ах, да... Спарроу придавал мне равновесие. Он был здесь. Я могла смотреть на них обоих за столом и думать, что я господствую над ними. Люси ничего не знала, а Иэн тоже ни о чем не догадывался... Я была сама себе госпожой: теперь у меня было все, чего я хотела в жизни, и я ни гроша не заплатила за это. Так мне, по крайней мере, тогда казалось, потому что позже я стала понимать, что во всем этом мне не хватало самого главного: любви. Сама не знаю, как я полюбила Иэна. Это случилось недавно. А может быть, даже раньше, чем я отдала себе в этом отчет... Но в конце концов я поняла, что он мне очень дорог, что он не только мой муж, но единственный человек, которого я люблю и которому я хочу быть верна, потому что больше я не хочу никого другого. Это была огромная радость, потому что я поняла, что такую верность я могу

принять. Такая верность правдива, она настоящая, потому что не является следствием какого-то запрета или какой-либо заповеди, она возникает из желания исключительности... Но тогда Спарроу, и не только Спарроу... должны были исчезнуть... — Она умолкла. Ее спокойный тихий голос еще некоторое время звучал в их ушах. — Но Спарроу не хотел исчезать, — вдруг сказала Сара. — Не только не хотел, но даже начал настаивать на том, чтобы я оставила Иэна, а он — Люси. Это было ужасно. Я не знала, что делать. Я оттягивала время, обманывала его и, наконец, твердо решила с этим покончить. Когда он написал в Лондон, попросив меня о свидании, я приехала сюда и сказала ему вчера, что мы должны навсегда забыть друг о друге. Он с трудом это перенес, а потом вдруг исчез в темноте. Я обезумела от страха. Но я актриса и умею собой владеть больше, чем это кажется возможным. Я вошла в кабинет Иэна и уселась там, щебеча всякие глупости и прислушиваясь, не идет ли Спарроу. Наконец я пришла к выводу, что он уже вернулся в дом. Я встала и отправилась вверх. Сквозь закрытую дверь гардероба я услышала его голос в комнате Люси и начала верить, что он ничего не скажет Иэну. Но я боялась их решающего разговора. Когда Спарроу придет к Иэну и объявит ему, что он прекращает сотрудничество с ним, Иэн начнет его расспрашивать. Он будет удивлен, быть может, даже начнет упрекать. А тогда... Я боялась принципов Спарроу. Существуют принципы, которые наносят столько вреда, что лучше бы их совсем не было. А вдруг ему придет в голову сказать всю правду? Очиститься перед другом? Иэн понял бы его, но никогда не понял бы меня. Даже если бы он простил меня, наше счастье было бы разрушено. Я стала жалеть о том, что не убила Спарроу в парке! — Сара умолкла. — Да! — подтвердила она. — Я хочу сказать всю правду: я пожалела об этом. Но было уже поздно. Я должна была ожидать результата их разговора. Около одиннадцати ко мне зашла Люси и попросила пишущую машинку. Я дала. Она явно ничего не знала. Это был хороший знак. Спарроу в первую очередь попросил бы у нее прощения. Я знаю мужчин. Конечно, он получил бы его, потому что она любит его больше жизни... Но я? Я ждала... Иэн не возвращался, хотя обещал мне, что ляжет спать пораньше. Я говорила ему, что очень хочу, чтобы он сегодня пришел. Мы ведь не виделись целую неделю. Я подошла к двери, а потом на цыпочках протиснулась в гардероб. Издалека был слышен голос Спарроу. Потом плач Люси. Было уже половина двенадцатого... Я тихонько отступила и вернулась к себе. Что-то происходило... Но что? Что он ей сказал? Я никогда не предполагала, что Люси способна плакать. Потом мне показалось, что Спарроу вышел из комнаты и спускается по лестнице. Я приоткрыла свою дверь, чтобы увидеть, кто это, но никого не заметила. Я боялась заглянуть к Люси. Боялась, что она придет ко мне и устроит сцену. Я очень тревожилась за свою будущую жизнь с Иэном. Мои нервы не выдержали. Я упала на кровать и долго лежала, ожидая, что с минуты на минуту откроется дверь и войдет Иэн. Но дверь не открылась. Когда я посмотрела на часы, было двадцать пять минут первого. Вероятно, что-то случилось. Я подумала, что, наверно, Спарроу все рассказал и теперь Иэн сидит внизу, сжимая голову руками, наедине со своим отчаянием... Некоторое время я колебалась... До сих пор я всегда предпочитала переждать бурю и явиться как можно позже... Но Иэна я любила. Я знала, что должна спуститься и, что бы ни случилось, заставить его остаться со мной... Я даже готова была сказать, что Спарроу гнусный лжец, что он подкуплен Гастингсом, хочет уехать в Америку и ему просто нужен какой-нибудь предлог. Мне казалось, что так будет лучше. У меня хватило бы сил, глядя прямо в глаза Спарроу, указать ему на дверь, назвав клеветником, а Иэн наверняка поверил бы мне. Я спустилась вниз и открыла дверь... А он сидел там... Со скальпелем в спине... Он был мертв... Все было кон-

чено навсегда. Я стояла и смотрела на него. Теперь уже ничего не имело значения. Я подумала о том, что, умирая, он не узнал обо мне ничего плохого. Он знал только хорошее. Я поцеловала его в голову и вышла. Это был конец. Наверху я подумала, что, наверно, его кто-то найдет и что мне придется выйти из комнаты, разговаривать... Я хотела покончить с собой, но у меня не было никаких сил. А потом и это прошло. Он мертв. И все теперь уже не имеет ни малейшего значения. — Она развела руками мелким бессылным жестом и отвернула голову к окну.

— А потом вы не выходили из комнаты вплоть до моего прихода? — спросил инспектор.

— Нет. Я вообще не выходила из комнаты вплоть до этой минуты.

— Зная, что он там внизу? И что его кто-то убил?

— Я знала, кто его убил.

— Кто?

— Я... — сказала Сара Драммонд, и голос ее стал прерывистым: — Независимо от того, кто вонзил в него нож, я — причина его смерти.

И только теперь она спрятала лицо в ладонях и громко спазматически зарыдала.

Алекс и Паркер ждали, опустив глаза. Алекс машинально пощипывал кончик галстука. Постепенно рыдание утихло. Сара Драммонд подняла голову.

— Простите, — сказала она тихо. — Я постараюсь держать себя в руках.

— Я лишь хотел вам сказать, — заметил Паркер, — что если только в этом деле не имеет место совершенно немислимое стечение обстоятельств, то по всей вероятности, профессор Гарольд Спарроу не убивал вашего мужа.

— Что? — спросила Сара. — Что? — и схватилась обеими руками за поручни кресла, будто боялась упасть.

— И у него почти железное алиби. В момент убийства Иэна он разговаривал с Робертом Гастингсом в своей комнате.

— Тогда кто же убил Иэна? Кто, кто это сделал?

— В настоящую минуту единственным человеком, который имел возможность это сделать и одновременно имел причину для этого, к сожалению, являетесь только вы, — сказал Бен Паркер и наклонил голову, будто желая избежать взгляда Сары...

Но Сара Драммонд не глядела на него. Когда Паркер поднял взгляд, она смотрела в окно, за которым виднелся двор перед домом, а за ним огромное голубое море.

— Да... Да... — сказала она, не отрывая глаз от окна. — Я убила его...

— И вы также готовы описать обстоятельства убийства?

— Да... — Сара отвела взгляд от окна и посмотрела на Паркера пустыми невидящими глазами... — Да... я вошла... он писал письмо... — И вдруг она начала тихо декламировать мертвым глухим голосом: — «Затем ударила подряд два раза... а он, два раза вскрикнув, упал и сразу умер... И вот тогда, когда лежал он, а жизнь уже покинула его, я третий нанесла удар — священный, жертвенный, в благодаренье Зевсу, властителю в подземном царстве мертвых...»

Последующие ее слова были лишь глухим бессмысленным бормотаньем.

XVI. «...Убийцу Иэна Драммонда, конечно...»

Когда час спустя прибыла карета «скорой помощи» и в нее задвинули Сару Драммонд, лежащую без сознания на носилках, инспектор Паркер тяжело вздохнул и потер ладонью небритый подбородок.

Они стояли перед домом втроем: он, Люси Спарроу и дежурный полицейский. За стеклом входной двери инспектор заметил бледное

лицо кухарки и румяное личико Кейт Сандерс, рядом с которой стоял сержант Джонс.

Машина «скорой помощи» тихо выехала со двора, свернула и через несколько минут исчезла за деревьями аллеи.

— Господи, Боже мой, — едва слышно прошептала Люси Спарроу. — Она прикрыла глаза ладонью, потом опустила ее и взглянула на Паркера. — Никогда, никогда в жизни я бы в это не поверила...

— Она выберется из этого? — спросил инспектор.

— Не знаю. Я не психиатр. Но опасуюсь, что выберется. Это лишь временное следствие сильного стресса и нервного напряжения. Она начала бредить, затем потеряла сознание. После инъекции она уже дышала ровно и никаких тревожных симптомов не было. Но, пожалуй, для нее было бы лучше, если б... — Люси умолкла. — Я не должна так говорить, я врач. Бедный Иэн. Если б он знал... Если б только он знал...

— Она посмотрела на инспектора своими серыми печальными глазами. — Вы, кажется, были его другом?

— Был, — сказал Паркер.

— А она... И ведь никто не мог этого предотвратить. Никто. Очнувшись, она придет в отчаяние... Она не была такой плохой, как... как на то указывают факты. Это всего лишь отсутствие морали...

— Я наблюдал за вами в течение последнего часа... — инспектор слегка склонил голову. — Вы ухаживали за ней, как родная сестра. После всего, что случилось... Такое нечасто увидишь.

— А что мне было делать? — Люси развела руками. — Больной — это больной, что бы врач о нем ни думал.

— И быть может, спасая ее, вы сделали ей хуже.

— Об этом мы не должны думать. Моей обязанностью было помочь ей, и наверно, я последний человек, который посмел бы осудить ее. Я свидетель, но не судья. И если она даже причинила мне горе, то ведь... — она указала на дом, — ему она причинила непоправимый вред. Он мертв. А мы все должны жить дальше. Завтра у меня операция. Другая трагедия. Другие люди. А кроме этого, мне надо чинить свою жизнь. Гарольд... мой муж, лежит у себя в комнате. Он плакал. Это было ужасным стрессом для него. Быть может, большим, чем для меня... Иэн мертв, и она его убила... Гарольд думает, что это из-за него. Он совершенно не понимает жизни. Он очень наивен. Теперь долго, очень долго он будет приходить в себя после этого потрясения. Меня ждет много работы с ним...

— Вы, наверно, очень любите своего мужа? — сказал инспектор так, будто поддакивал какой-то своей невысказанной мысли.

— Больше жизни, — подтвердила Люси Спарроу, а интонация ее голоса была такова, что Паркер поверил ей сразу же. — Мне даже не надо было ничего прощать ему. Я предпочла бы умереть, чем потерять его. Я думаю, что это была не его вина. Это она его совратила.

— Да. По-видимому, вы правы. Мистер Спарроу, наверно, оправится. Я желаю вам этого. И не только вам. Он большой ученый. После смерти Драммонда на него ложится вся тяжесть ответственности за окончание их совместного труда.

— Гарольд сделает это! — Люси подняла свою светлую голову. — Он поправится и завершит все, что они должны были сделать вместе.

— Когда вы намерены отсюда выехать?

Люси взглянула на часы.

— Сейчас десять. Через час я хотела бы уехать. И покинуть Саншайн Мэнор навсегда... — Она поколебалась и вдруг произнесла с нажимом: — Я не позволю, чтобы Гарольд когда-либо даже проехал мимо этих мест. Эту часть мира мы должны оставить позади... вместе со всеми воспомина-

ниями, связанными с ней! — Как бы устыдившись своих эмоций, она снова посмотрела на часы. — Мне пора идти. Он там один.

Паркер молча поклонился. Люси ушла.

Паркер смотрел ей вслед и видел, как она поднималась на ступени террасы и приближалась к входной двери — светловолосая, по-королевски невозмутимая, безразличная к любопытным взглядам слуг, будто вся грязь этого мира не могла коснуться ее прямой и гордой фигуры. На пороге она натолкнулась на выходящего из дома мужчину, который любезно отступил и с легким поклоном пропустил ее. Инспектор поднял брови.

— Где это ты был, Джо? — спросил он, когда Алекс подошел. — Я уже полчаса высматриваю тебя.

— Я поработал немного... Писал, — с обезоруживающей искренностью сказал Алекс. — А что... ее уже забрали?

— Да. Сделали инъекцию снотворного и увезли в больницу.

— Она будет под охраной полиции?

— Да.

— Но она не помешалась?

— Доктор Люси Спарроу утверждает, что нет. Больничный врач был тоже оптимистичен. Вероятно, она выздоровеет и будет совершенно нормальной... Джо?

— Да, — сказал Алекс.

— Я всегда был с тобой искренним. И теперь хочу быть. Я не верю в то, что спустя столь короткое время после смерти Иэна, находясь в этом аду, ты можешь спокойно заниматься своим творчеством. Что случилось?

— Ничего, — нехотя ответил Алекс. — Просто я записывал некоторые свои наблюдения. Ты ведь просил, чтобы я во время допросов помалкивал и не нарушал твоего видения ситуации. Но теперь все закончилось. Не хочешь ли ты меня выслушать?

— А ты меня? — неожиданно спросил Паркер.

— Я?... Да.

— Тогда пошли в кабинет Иэна.

— Хорошо.

Они двинулись к дому. Сержант Джонс по-прежнему дежурил в холле. Паркер заметил, что как только они с Алексом появились в дверях, мисс Кейт Сандерс сразу же начала старательно полировать каминный кафель.

— Мой пост здесь уже снят, шеф?

— Разве я сказал что-нибудь подобное?

— Нет. Но ведь...

— Погоди немного... — сказал Паркер и вошел вслед за Алексом в кабинет.

Инспектор закрыл дверь. Алекс повернулся на пятках.

— Не можешь ли ты отдать распоряжение, чтобы никто из домочадцев не покидал дом?

— Кого ты имеешь в виду?

— Всех. А среди них и убийцу Иэна Драммонда, конечно.

Паркер кивнул.

— Значит, и ты так думаешь... Но доказательства... У меня нет доказательств... Я ведь не могу...

— Подожди! — поднял руку Джо. — Мы пообещали друг другу, что не покинем этот дом без убийцы Иэна. Можем ли мы позволить, чтобы убийца покинул дом без нас?

— Не знаю, — Паркер прикусил губу. — Боюсь, я не смогу его удержать. У меня нет материала для обвинительного акта...

— Отдай приказ... — сказал Алекс, — и тогда, может быть, удастся что-нибудь сделать.

Паркер подошел к двери и приоткрыл ее.

— Джонс!

— Да, шеф?

— Пусть никто не покидает этот дом ни под каким предлогом, до тех пор, пока я лично не дам на это согласия. Скажи это также людям в саду. Ни один человек не должен выйти отсюда.

— Так точно, шеф, — сказал Джонс с интонацией явного изумления, которую Алекс уловил, хотя сидел в кресле и не мог видеть его лица.

Паркер закрыл дверь и вернулся к столику.

— Ты знаешь, кто убил Иэна? — коротко спросил он.

— Да. Знаю. А ты?

— Я тоже. То есть... А ты мог бы доказать мне, кто убил Иэна? Потому что я...

— Сделаем это вместе, — сказал Алекс. — Начнем сначала. В момент убийства в доме находились семь человек:

1. Джо Алекс,
2. Мэлахи Ленеган,
3. Кейт Сандерс,
4. Роберт Гастингс,
5. Филипп Дэвис,
6. Сара Драммонд,
7. Гарольд Спарроу,
8. Люси Спарроу.

Начнем с первого номера: Джо Алекс. У тебя есть какое-нибудь алиби для меня? — Паркер открыл блокнот:

а) ты не мог написать письмо на машинке марки «Ремингтон», принадлежащей Саре Драммонд, потому что двумя неделями раньше тебя еще не было в Саншайн Мэнор,

б) ты не мог украсть скальпель, кулон и резиновые перчатки Люси Спарроу, потому что до ужина обе женщины были в своих комнатах, а ты туда не входил. На ужин ты спустился первым, вместе с Филиппом Дэвисом, который тебя даже опередил, потому что уже был в столовой, когда ты вошел. После ужина ты не поднимался вверх, а сразу пошел в парк. Из парка ты вернулся последним. Обе женщины были уже у себя. Единственная возможность войти в комнату Люси у тебя была, когда она зашла к Саре за машинкой. Но ты не мог об этом знать, потому что Люси вошла в комнату Сары через гардероб, то есть не выходя в коридор. Позже, когда она пришла к тебе за бумагой, она не входила, а, закрыв дверь своей комнаты, постучалась к Филиппу Дэвису, тоже не входя. Так что она увидела бы тебя из коридора, если бы тебе вздумалось войти в ее комнату. Сара тоже все время находилась у себя. Вскоре Люси вернулась. Таким образом, у тебя не имелось никаких шансов взять предметы, которые были найдены рядом с Иэном, и не было шанса убить Иэна скальпелем Люси. Кроме того:

в) у тебя не было ни малейшего повода убивать Иэна Драммонда. К счастью, я знаю тебя так давно, что знаю также и о том, что никто извне не мог бы тебя подкупить. Никким образом. Твое алиби твердое и обоснованное. У тебя не было ни возможности, ни мотива для убийства. Я вычеркиваю тебя.

— Номер два — Мэлахи Ленеган, — сказал Алекс.

— Ну что ж, не говоря об отвратительной бессмысленности такого подозрения и предположения, что этот друг семьи Драммондов, который помнит три ее поколения и который любил Иэна, как сына, мог бы его тайно убить, у Мэлахи есть железное алиби. У него даже теоретически не было никакой возможности подбросить окровавленную перчатку под шкаф

и украсть кулон. Но есть один вопрос: видел ли ты второй скальпель, когда чемоданчик принесли на теннисный корт?

— Да, — кивнул Алекс. — Я думаю, все там присутствовавшие его видели, потому что мы столпились вокруг Люси Спарроу, а чемоданчик в определенный момент стал предметом общего интереса.

— Стало быть, Мэлахи не имел никакого шанса украсть скальпель. По тем же причинам, что и ты. Вычеркиваю его.

— Третья — Кейт Сандерс, — сказал Алекс.

— Да. Если говорить об этой девушке, то в ее алиби есть лишь один сильный пункт. У нее не было никакого шанса подбросить окровавленную перчатку под шкаф, а другую спрятать в шкафу. Она могла бы это сделать лишь тогда, когда Сара Драммонд спустилась вниз в половине первого и вошла в кабинет. Но для этого Кейт Сандерс должна была быть феноменальной ясновидящей. Ей пришлось бы предвидеть будущее, то есть знать, что после полуночи, спустя полтора часа после убийства, Сара спустится вниз и не поднимет при этом шума, что представляется мне совершенно неправдоподобным. Но только в этом случае Кейт Сандерс, зная все, могла бы стремительно помчаться наверх, влететь в комнату Сары и через нее в гардероб, сделать свое дело, а потом выйти и при этом не встретить Сару, спускаясь вниз. Учитывая тот факт, что если бы Кейт Сандерс была убийцей, она не могла бы даже предполагать, что кто-то вошедший в кабинет Иэна немедленно не поднимет тревогу (а этого никто, кроме тебя, не сделал!), что, разумеется, не оставило бы ей возможности подняться наверх и разложить вещи. И еще: вместо того чтобы отправиться в комнаты слуг, ей пришлось бы целых полтора часа после убийства находиться в окрестностях кабинета, хотя там в 11.15 был Филипп, в 11.40 — Спарроу, а в 12.10 — Гастингс, и никто из них не поднял на ноги весь дом! — и все для того, чтобы дожждаться Сары и выполнить такую головоломную операцию. Это настолько же неправдоподобно, как невероятно и то, что глупенькая горничная с румяными щечками оказалась бы изощренным убийцей, пытающимся свалить вину на Люси Спарроу. Я вычеркиваю Кейт Сандерс, потому что все это вместе взятое — полный абсурд.

Он умолк и постучал карандашом по блокноту.

— Я умышленно пропускаю все твои возможные высказывания и поправки, потому что с первой минуты решил исключить из списка этих троих как не имеющих ни возможности, ни мотива для убийства Иэна Драммонда. Ты согласен со мной?

— Полностью, — кивнул Алекс. — Таким образом, у нас остается пять человек, среди которых мы должны выявить убийцу. Следующий на очереди — профессор Роберт Гастингс. У тебя есть для него алиби?

— Да. Полное и неопровержимое, если, конечно, Иэна Драммонда не убили по сговору трое: он, Гарольд Спарроу и Люси Спарроу, что является полной бессмыслицей. С 10.40 до 11.20 Гастингс разговаривал со Спарроу, что не дает ему никакого шанса убить Иэна, потому что Иэн, должно быть, погиб именно во время этого разговора. Кроме того, зачем ему было возвращаться в кабинет? За документами из сейфа? Тогда почему он так глупо ступил в кровь, которая была по другую сторону стола? Как и когда он мог бы украсть кулон и перчатки, а потом втолкнуть одну из них под шкаф, а другую спрятать в вещах Люси? Кулон был на шее у Люси во время ужина и оставался у нее, когда она поднялась наверх. Гастингс вышел в парк. Когда он вернулся, и Люси, и Сара были у себя. Затем его алиби подтверждается разговором с мужем Люси. А кроме того, самое главное — Гастингса вообще не было в Англии, когда убийца писал письмо на машинке Сары Драммонд. И это все решает. Его алиби всестороннее и безупречное. Я его вычеркиваю.

— Да, — согласился Алекс. — Теперь Филипп Дэвис. Номер пятый.

— Вот именно. Что касается Дэвиса, то тут я в затруднительном положении. Он мог это сделать. Вошел к Иэну в то время, когда, согласно экспертизе, Иэн мог быть убит, и нет никаких причин, чтобы верить его словам, будто он застал Иэна уже мертвым. Но, абстрагируясь от мотива, которого у него вроде бы не было, потому что Драммонд, вероятнее всего, одолжил бы ему деньги, пришлось бы признать, что это убийство было совершено с заранее обдуманном намерением, и тогда Филиппу пришлось бы идти просить денег в долг, имея в кармане скальпель, кулон и резиновые перчатки. Я опасался какого-нибудь подвоха со стороны Филиппа Дэвиса, шахматиста, человека, умеющего на много шагов вперед рассчитать ход противника. Но он никак не мог украсть скальпель и перчатки, потому что Люси, выходя из комнаты, пошла именно к нему. Когда она стояла у твоей двери, она бы его увидела, потому что ему пришлось бы пройти мимо, чтобы попасть в ее комнату. Потом она вернулась к себе, и Сара (учитывая, что при этой версии не она, а он убийца) не покидала своей комнаты до 12.30. А как бы он мог позже подбросить перчатки? Когда? Кроме того, он должен был бы спланировать это убийство еще две недели назад, когда было написано письмо, а ведь если бы Спарроу одолжил ему деньги, все его путешествие по дому и поход в кабинет Драммонда были бы совершенно неоправданными. И для чего ему сваливать вину на Люси Спарроу, которую он любил и писал об этом в письмах своей сестре. Для чего ему было это делать, если он знал, что у Люси болит рука, и быть может, даже повреждено сухожилие, что давало бы ей безусловное алиби? А кроме того, у него абсолютно нет мотива. Филиппу вовсе не нужно было совершать отвратительное убийство Иэна, чтобы уехать в Америку. Он мог просто поблагодарить его и уволиться. Зная Иэна, он, наверно, так же хорошо, как и мы, знал, что Иэн дал бы ему еще на дорогу денег и письмо с наилучшими рекомендациями. Что же в итоге? У Филиппа весьма крепкое алиби. Он никоим образом не мог украсть скальпель и перчатки, и не мог их потом положить туда, где их нашли. Эти перчатки помогают нам решить много проблем. Так, будто убийца нарочно подсунил их нам, но не для того, чтобы на кого-то упало подозрение, а для того, чтобы мы могли отбросить тех людей, которые никак не могли быть причастны к преступлению. Однако, чтобы иметь абсолютно спокойную совесть, я час назад позвонил в Лондон и поручил, чтобы проверили, как обстоят дела с этим братом Дэвиса. Все оказалось правдой. Так что я не могу не верить в мотивы его поведения той ночью. Ну и потом: зачем бы ему спускаться еще раз после часа ночи; зачем оставлять следы своего пребывания; зачем признаваться, что он видел Иэна в 11.15? Нет. Дэвис не мог этого сделать. Я вычеркиваю его.

Алекс кивнул.

— Гарольд Спарроу, номер шесть, — сказал он.

— Да. Прежде всего: он не мог убить Иэна, потому что беседовал в это время с Гастингсом. За минуту до того он разговаривал с Филиппом, а после разговора с Гастингсом двадцать минут говорил с женой. Таким образом, его алиби охватывает даже больше времени, чем это надо. Да и зачем ему потом спускаться вниз и прикасаться двумя пальцами к скальпелю, на котором раньше он не оставил никаких отпечатков? Правда, у него был мотив убить Иэна. У него также был мотив сделать Люси подозреваемой в этом преступлении. Но у него просто не было времени. Профессор Гастингс является его щитом, и этот щит ничего не может пробить. А если учесть тот факт, что убийство было совершено, вероятнее всего, за две-три минуты перед одиннадцатью часами, то его собственная жена, Люси, является для него лучшим алиби, потому что в это время она была в коридоре. Я вычеркиваю его. Вычеркиваю, потому что должен вычеркнуть.

— Согласен, — сказал Алекс. — Сара Драммонд. Номер семь.

— Да. Сара Драммонд могла убить Иэна. Нам лишь известно, что она делала в 10.45, потому что тогда Люси зашла к ней за машинкой. Позже, до самого моего прихода, никто ее не видел. Она лишь оставила следы своего пребывания в кабинете Иэна в 12.30. Ее отпечатки пальцев должны были появиться именно тогда, потому что в 12.10 Гастингс вытер дверную ручку начисто, а в час ты спустился вниз, и за несколько минут перед этим в кабинет пришел Филипп. Это все, что мы знаем. Кроме того, у нее был мотив для убийства Иэна...

— Минуточку, — сказал Алекс. — Какой мотив?

— Ну как? Чтобы от него избавиться, потому что... ну... из-за этого романа со Спарроу.

— Насколько я знаю, — тихо сказал Алекс, — она хотела избавиться как раз от Спарроу. И если уж ей следовало кого-то убить, то, пожалуй, его. Это было бы логично. Кроме того, она сама сказала нам, что пожалела об этом. Да, я верю, что Сара Драммонд могла бы убить профессора Спарроу от страха, чтобы муж не узнал обо всем. Но убивать Иэна? Зачем? Вопрос «зачем?» несет здесь определенный смысл. Убийство было совершено с заранее обдуманном намерением, а это значит, что убийца должен был иметь очень мощный и убедительный мотив, чтобы действовать так последовательно для достижения цели, условием которой была бы смерть Иэна Драммонда. Спарроу мог бы иметь такую цель — я согласен. Не говоря уже о его любви к Саре, он избавился бы от своего партнера в последней стадии работы и, таким образом, приписал бы себе весь успех труда, авторами которого были оба. Но, к сожалению, Спарроу, как мы знаем, не мог убить Иэна. А Сара... Если бы Сара хотела избавиться от Иэна как от мужа, она просто не приезжала бы больше из Лондона, а послала бы ему вежливое письмо о том, что их супружество оказалось ошибкой и она просит дать ей развод. Она знала, что Иэн немедленно дал бы его, несмотря на то, как бы страдал сам, потому что Иэн был порядочным человеком, и его действия можно было предвидеть заранее. Если же мы допустим, что Сара хотела избавиться от Люси Спарроу, то такая версия тоже не имеет смысла, потому что ей стоило бы только поманить пальцем, и Гарольд Спарроу немедленно бросил бы Люси и ушел бы от нее без всякого кровопролития. Женщине, которая выигрывает, вовсе не нужно совершать преступлений. Ей достаточно оставить одного мужчину и взять другого. Иэн, как и Люси, вынуждены были бы с этим смириться. Это скорее им тогда хотелось бы убить Сару. Если же допустить, что Сара, действуя импульсивно, под впечатлением разговора со Спарроу после ужина испугалась, что Спарроу расскажет обо всем Иэну, спустилась вниз и убила мужа, чтобы дело не получило огласки, то в этом случае никакие концы с концами не сходятся. Во-первых, лучший аргумент нашла сама Сара в разговоре с нами. Она учитывала, что Спарроу может проболтаться. Тогда она заявила бы, что все это — ложь. Она указала бы Спарроу на дверь. Возможно, такое не удалось бы ни тебе, ни мне, но такая актриса, как Сара Драммонд, могла бы, пожалуй, даже самого Спарроу убедить, что все, что было, ему лишь приснилось. Кроме того:

а) Почему она написала это письмо на своей собственной машинке?

б) Почему она одолжила эту машинку за несколько минут до совершения преступления тому, на кого хотела свалить вину, хотя могла предполагать, что полиция проверит эту машинку? Она ведь могла просто выбросить ее сразу после написания письма.

в) Почему она выбрала день, когда у Люси была повреждена рука, и, бросая на нее подозрение, она одновременно знала о возможном ее алиби?

г) Если она не оставила своих отпечатков пальцев на скальпеле, то почему она оставила их потом на ручке двери?

д) Почему она не пыталась обеспечить себе никакого алиби, а вернулась в свою комнату и даже не заглянула к Люси?

е) Почему она не разделась, хотя это бросало на нее подозрение?

ж) Почему за ужином она декламирует текст о трех ударах, которые затем наносит Иэну? Чтобы бросить на себя подозрение? Зачем она декламировала для меня этот же текст в автомобиле? Неужели для того, чтобы у нас не было ни малейших сомнений в ее вине?

з) Почему эта умная женщина берет скальпель Люси, кулон Люси, перчатки Люси, а затем все это разбрасывает, как напоказ: возле трупа, в шкафу, под шкафом, чтобы каждый полицейский мог это без труда найти и чтобы Люси Спарроу стала бы убийцей-глупцом, разбрасывающим вокруг себя доказательства своей вины? И все это она делает для того, чтобы избавиться от Люси, хотя еще час назад она настаивала, чтобы Спарроу вернулся к жене. На самом же деле в этой ситуации Люси является спасением для Сары. Это жена, которая в конце концов успокоит мужа. Он может к ней вернуться. Спарроу ясно говорил нам (и твое расследование еще в Лондоне это показало), что Сара уже давно не поддерживает близких контактов со Спарроу. Сара хотела отделаться от него. Тогда почему она при этом должна убивать своего мужа и бросать подозрение на совершенно ни в чем не повинную и пока еще ничего не знающую Люси? Почему? Почему? Почему? Я уже не говорю о том, что Сара Драммонд не является человеком, легко впадающим в панику. Я ехал с ней в автомобиле и видел, как она на большой скорости затормозила перед стоящим на шоссе ребенком. Она контролировала абсолютно все, что вокруг нее происходит, она даже заметила, что я смотрел на нее в эту минуту. Эта великая актриса обладает молниеносной реакцией и поразительным хладнокровием. Разве она сломалась бы вот так, сразу после разговора со Спарроу? До такой степени, что поспешно похитила у Люси ее скальпель, ее кулон и даже ее перчатки, а затем сбежала вниз и убила Иэна? При этом без всякой надобности... Одно дело сломать кому-то жизнь и совсем другое — убить этого человека.

— Но, к сожалению, Сара Драммонд пока является единственной, кто мог совершить это преступление, — сказал Паркер. — Если мы допустим, что это не она убила Иэна... Я сам ничего большего бы не желал, хотя Иэну это уже не вернет жизнь... Но, к сожалению, у нас остается лишь один человек, а потом... ну что ж, мы можем проверить весь список сначала. Возможно, мы чего-то не учли, и тогда где-то должен быть пробел.

— Люси Спарроу, — сказал Алекс. — Номер восьмой и последний.

— Да, — Паркер заглянул в блокнот. — Первой моей мыслью, когда я начал серию допросов, и даже до того, была простая мысль: надо найти человека, у которого есть мотив, но нет алиби. Так вот, у Люси Спарроу нет никакого мотива для убийства Иэна. В этом супружеском четырехугольнике она могла бы убить Сару, и это был бы вполне понятный мотив преступления. На худой конец, она могла бы убить мужа, и это тоже как бы находится в границах воображения. Но Иэн? Убить Иэна, единственной виной которого было то, что он стал мужем, которому изменяет жена, так же, как она стала женой, которой изменяет муж? Нет. Она могла бы пойти к Иэну и рассказать ему о Саре и Спарроу. Поэтому из всех людей, которые находятся в этом доме, исключая слуг и тебя, у Люси Спарроу меньше, чем у кого бы то ни было, причин убивать Иэна. У нее не было никакого мотива.

— У Люси Спарроу был мотив, — спокойно сказал Алекс. — Из всех людей в Саншайн Мэнор лишь одна она могла совершить это преступление именно таким способом. А мотив ее лежит передо мной как на блюдечке с той минуты, как я набросал план своей новой книги.

XVII. «...Скажу вам, как погиб он...»

— Как это? — сказал Паркер и закрыл блокнот. — Что общего со всем этим имеет твоя книга?

— Когда вчера я начал работать над ее планом, то, разумеется, сразу отбросил весь этот вздор, связанный с борьбой конкурирующих концернов. Я начал искать для убийцы подлинный мотив. Передо мной, в качестве прототипов, находились люди, похожие на моих героев. Иэн как раз был прообразом того, кто должен быть убит... И тут, при исследовании мотивов условной «Люси Спарроу», оказалось, что она может его убить, но только при одном условии.

— Каком? — спросил Паркер и снова заглянул в свой блокнот.

— ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО ВИНОВНОЙ В ЭТОМ УБИЙСТВЕ БУДЕТ ПРИЗНАНА САРА ДРАММОНД. Но давай по порядку: Люси начинает понимать, что Спарроу любит Сару. Об этом не трудно было догадаться, учитывая, что Спарроу отнюдь не изысканный соблазнитель. Я сам слышал, как он говорил в саду ночью Саре, что Люси, наверно, догадывается. И вот Люси Спарроу начала думать. Если бы она пошла к Иэну и открыла бы ему то, о чем догадывается, Иэн мог бы, чего доброго, развестись с Сарой. И в этом случае Спарроу был бы потерян для Люси навсегда. Ведь он любил Сару. Даже вчера, когда Сара решительно от него отказалась, он не хотел возвращаться к Люси. Он хотел уехать в Америку один. Да и вообще, Люси Спарроу не относится к людям, которые жалуются, по крайней мере, мне так кажется. Если б она убила Сару, то все подозрения сразу же пали бы на нее, потому что она была первой, кому эта смерть выгодна. Спарроу немедленно догадался бы, даже если б полиция не напала на след убийцы. А Люси Спарроу вовсе не собиралась просидеть остаток жизни в тюрьме. А вот Сару там она увидела бы с большим удовольствием. И тогда она поняла, что убийство Иэна Драммонда является для нее неизбежным, что ей не остается ничего другого...

— Как? — спросил Паркер. — Как ты пришел к этому заключению?

— Потому, что лишь убийство Иэна, в результате которого Сара была осуждена как убийца, решало бы сразу три серьезных проблемы:

а) Это навсегда погубило бы Сару. Люси одним ударом уничтожила бы соперницу и одновременно жестоко отомстила ей.

б) Спарроу после такого удара, раскаявшись, вернулся бы к жене, и уже никогда больше не вспомнил бы без содрогания о своей измене.

в) Спарроу и Люси приобрели бы на всем этом известность и немалую материальную выгоду от исследований, которые Спарроу проводил вместе с Иэном. Это выглядело бы естественно: после смерти Драммонда Спарроу, который не был и не является человеком такого формата, как Иэн, немедленно пошел бы вверх, выйдя из тени индивидуальности Иэна, что было бы немаловажно для будущей жизни супругов Спарроу. В конце концов, над исследованиями трудились двое ученых, но, как пишут обычно в энциклопедиях, после смерти Драммонда их закончил и опубликовал (читай: воспользовался ими) Гарольд Спарроу. При всем этом Спарроу был бы ни в чем не повинен и ничего бы не знал. Но думаю, что этот третий мотив был лишь дополнением. Люси очень любила Спарроу и ненавидела Сару. Убийство Иэна казалось ей единственной возможностью, и она ею воспользовалась. И надо сказать, что ее план, кроме нескольких маленьких неточностей, был гениальным.

1. В качестве своего первого шага Люси написала письмо на пишущей машинке Сары, когда та еще была в Лондоне. Письмо должно было привлечь внимание полиции на жителей Саншайн Мэнор и их проблемы. Это удалось. Уже через несколько дней ты узнал, что Сара Драммонд

и Гарольд Спарроу знакомы гораздо ближе, чем следовало бы. Это было очень важно для Люси, потому что могло случиться так, что полиция не узнала бы об этом, а она сама ничего не могла сказать полиции, потому что ей надо было притворяться, будто она понятия не имеет о романе Сары с ее мужем. Тогда весь план провалился бы, потому что полиция не знала бы, что Сара — неверная жена, что у нее есть кто-то другой и что, быть может, она хочет избавиться от Иэна и от нее, бедной Люси, бросив на нее подозрение посредством улики в виде кулона, перчаток и скальпеля. Кроме того, пишущая машинка прямо указывала бы на Сару. Ты обратил внимание, что Люси во время допроса упомянула о маленьком «Ремингтоне» Сары. Это было очень ловко. Она была уверена в том, что напечатанное ею письмо лежит в кармане инспектора Скотленд-Ярда, который, конечно, уже провел экспертизу характерных особенностей пишущей машинки. Теперь она хотела сообщить, что именно эта машинка находится наверху и что она принадлежит Саре. Сама же Люси, говоря об этом, определенным образом, освобождала себя от подозрения в авторстве письма, потому что никто не мог бы предположить, что, написав такое письмо, она помогает найти машинку.

2. Вторым ее очень удачным шагом была травма на теннисном корте. Эта травма нужна была для нескольких целей. И здесь следует восхититься изобретательностью Люси: целью этой травмы не было приобретение алиби. Напротив. Являясь на допрос с уже здоровой рукой, она как бы навлекла на себя подозрение, зная, что наряду с бессмысленно подброшенным застегнутым кулоном этот аргумент будет говорить в ее пользу. Травма нужна была ей для того, чтобы одолжить машинку у Сары, бумагу у меня, но прежде всего для того, чтобы Иэн Драммонд сел и написал по ее просьбе письмо. Ведь она должна была зайти к нему под каким-то предлогом. И этим предлогом, разумеется, стало письмо. Драммонд, сидя внизу, не мог знать, что она только что наверху одолжила машинку. Люси вошла. Драммонд уже не работал. Она попросила его, чтобы он, ввиду травмы ее руки, написал для нее несколько слов. Иэн отложил коробку с крючками, взял лист бумаги и начал писать: «Уважаемый господин профе...». Мне, так же как, наверное, и тебе, сразу показалось странным, почему Иэн начал писать, оторвавшись от выбора крючков. Он мог это сделать лишь по просьбе убийцы. Попросить его написать такое письмо могли несколько человек, но только не Сара Драммонд, его жена, как мне кажется. Когда на другой день я услышал слова Джонса, который докладывал о том, что Люси звонила профессору в Лондон, я понял. Человек, находящийся в такой ситуации, как Люси, думает о мелочах упрощенно. Ведь не могла же она просить Иэна, чтобы он написал от ее имени письмо подруге. Она спустилась вниз и сказала Иэну, что ей надо написать несколько слов своему шефу, но она не хочет, чтобы Спарроу об этом знал... или что-то в этом роде. Мы уже никогда не узнаем, что именно она сказала.

— Почему? — спросил Паркер.

— Подожди... — Алекс продолжал: — Эта травма служила также для того, чтобы продемонстрировать скальпель. Спускаясь к нам уже со здоровой рукой, Люси перестраховалась от возможного медицинского обследования, которое показало бы, что ее рука здорова. Спустя некоторое время после отправки письма в Скотленд-Ярд Люси пришла к выводу, что пора действовать. Но ей надо было подождать приезда Сары, которая была в Лондоне. В день приезда Сары она надела рубиновый кулон и, уговорив Сару сыграть в теннис, симулировала травму руки. Присутствующим на корте она продемонстрировала свой саквояж со скальпелем, а затем отправилась к себе и спокойно ждала удобного момента для нанесения удара. Она знала, что Иэн всегда работает один до полуночи. В начале одиннадцатой

цатого к ней пришел Филипп и сказал, что не может найти ее мужа. Люси сразу поняла, что Спарроу в парке с Сарой и потому уклонился от встречи с Дэвисом, который просил его об этом после ужина. Очень возможно, что это подтолкнуло ее к быстрым действиям. Она ведь не знала, что роман Сары со Спарроу угасает, по крайней мере, со стороны Сары. Впрочем, я не думаю, что это остановило бы ее. Теперь важны были два момента: первый — алиби для Спарроу, и второй — отсутствие алиби для Сары. В 10.45 Люси приходит к Саре и одалживает пишущую машинку. Сара у себя, и ничто не указывает на то, что она собирается выйти. Через минуту или две Люси стучит в мою дверь. Обрати внимание, что в этот самый момент ее муж разговаривает с Гастингсом, а Филипп в своей комнате ожидает ее прихода. Таким образом, она знает, где находятся все люди, которые могли бы спуститься к Иэну. Люси Спарроу, отнеся машинку в свою комнату, стояла на пороге моей комнаты уже со скальпелем под платком, поддерживающим ее якобы травмированную руку, а кулон и перчатки лежали в ее кармане. Она была готова. Когда моя дверь закрылась, она сбежала вниз. Но ей надо было иметь алиби, хоть какое-нибудь алиби, на тот случай, если бы кто-нибудь заметил ее, когда она будет возвращаться, что было возможно, потому что, например, Гастингс мог выйти от Спарроу. И вот она бежит к буфету, наливает себе стакан апельсинового сока и возвращается. Она ставит сок в темном холле на каминную полку, входит к Драммонду и, сжимая скальпель под платком, говорит: «Иэн, пожалуйста, напиши несколько слов от меня моему профессору...» Иэн, конечно, соглашается. Но едва лишь он написал два слова, как Люси наносит удар. Она торопится. Ее алиби построено на визитах в комнаты соседей. Ведь позже никто не сможет вспомнить, приходила она на несколько минут раньше или на несколько минут позже. И здесь она ошиблась. Я знал, что она пришла ко мне в 10.50, а Филипп, который ожидал ее и нервничал, заметил, что она пришла в 11.02 — 11.03. Тебя не удивила смелость убийцы, который убивает в доме, полном людей, нанося удары скальпелем в спину? Только хирург мог точно знать, куда нанести удар, чтобы жертва не могла вскочить! Обычный человек никогда не решился бы на такое преступление. И тут мы видим поистине великую импровизацию убийцы: Люси наносит три удара! Потому что Сара декламировала монолог, и все его запомнили. Затем она мгновенно бросает на пол свой застегнутый кулон. Рука, которую она прятала под платком, уже заранее была в резиновой перчатке. Теперь Люси не снимает ее, но обмакивает в кровь другую перчатку. Все это происходит за считанные секунды. Ведь у Люси при себе лист бумаги, который она одолжила у меня. Она заворачивает в эту бумагу окровавленную перчатку и выходит, не оставляя никаких следов. Она бежит вверх. И здесь — ошибка. Она забывает о соке, который оставила на камине. Впрочем, неудивительно — в такую минуту, сразу после убийства, холл погружен в темноту... Она бежала, она старалась оказаться как можно дальше. Наконец она поднялась вверх, никем не замеченная. Она оставляет перчатку в шкафу и входит к Филиппу. Теперь она успокоилась. Теперь она могла разговаривать со Спарроу, плакать и узнавать, что в его жизни есть другая женщина. Я подозреваю, что она затеяла этот разговор умышленно, чтобы продлить время его алиби. Но возможно, она тем самым и себе хотела помочь. Ведь она велела Филиппу спуститься вниз и попросить денег у Драммонда. Филипп должен был это сделать. Но он не поднял тревоги. Не поднял тревоги также и Спарроу, после того, как спустился вниз и вернулся. Итак, Люси оставалось только ждать. Наконец, три часа спустя, кто-то вызвал полицию. План был идеальный. Если бы на нее пало подозрение из-за скальпеля и кулона, то, во-первых: какой у нее мотив, чтобы убивать Иэна? А если она это сделала, то зачем разбросала

вокруг убитого свои вещи, убивая с заранее обдуманым намерением, своим собственным скальпелем, который многие видели? Что за бессмыслица! А если бы ты не обратил внимания на кулон, она могла бы сделать это сама, спросив тебя, считаешь ли ты, что нерасстегнутый кулон можно потерять во время борьбы. Уж слишком много следов указывало на нее, чтобы можно было ее всерьез подозревать. А кроме того, еще была Сара, которая спала с мужем Люси и, вероятно, ненавидела ее. Явно кто-то хотел бросить подозрение на Люси. А она, добрая, великодушная до границ отчаяния, призналась, что убила Иэна! Ты понимаешь, какой это гениальный ход? Она призналась, потому что хотела дать понять, будто этим прикрывает своего мужа, которому сама создала лучшее в мире алиби. Это было совершенно безопасно, потому что сразу рассеивало все подозрения: ведь у нее не было никакого мотива этого убийства. Разумеется, тот настоящий, скрытый мотив должен был навеки остаться известным лишь ей одной. А позже ловкий ход с этими перчатками, спрятанными столь нелепо лишь в тех местах, доступ к которым имели только сама Люси и Сара. Ведь если бы Люси убила, она бы не прятала их так бессмысленно? Значит, это могла сделать только Сара. Так эти перчатки становились предметом, дающим алиби всем, кроме Сары и Люси, но Люси сумела остаться вне подозрений. У нее не было мотива убивать Иэна Драммонда и не было причин бросать на себя подозрение. А у Сары был мотив для убийства мужа, и потому она хотела бросить тень подозрений на Люси. С самого утра Люси ждала, когда мы обнаружим все это. Она повела себя очень тактично. Но заметь: когда выяснилось, что Иэн был убит ее скальпелем, — это не вызвало у нее никакой видимой реакции, но когда ты сказал ей, что кулон был найден в крови рядом с убитым, — она тут же призналась. Этим она хотела сказать нам, что теперь уже у нее нет никаких сомнений, что убийство совершил кто-то из двоих — Сара или Спарроу, но она боится, что это мог быть ее муж, а поскольку она любит его безмерно, то предпочитает погибнуть, лишь бы только он был счастлив.

И все же Люси Спарроу, гордая и спокойная богиня нейрохирургической операционной, которая спасла жизнь стольким людям, что, по ее внутреннему убеждению, одного можно бы и убить, — совершила несколько ошибок:

1. Во время допроса она утверждала, что отсутствие скальпеля в чемоданчике она сразу заметила бы, но чуть раньше сказала, что сегодня утром она положила в этот чемоданчик эластичный бинт. Это значит, что отсутствие там скальпеля утром не удивило ее, хотя по ее легенде она должна была удивиться. А не удивило ее это потому, что она точно знала, где этот скальпель находится — он был в спине Иэна.

2. Кулон. Я обратил внимание, что она надела его по очереди к двум разным платьям в один день, что с женщинами случается крайне редко. Тогда я подумал, что Люси просто не придает значения тому, как она выглядит, но позже, когда кулон приобрел значение в деле, я обдумал это еще раз. Она хотела, чтобы этот кулон врезался всем в память.

3. Это она сказала: «У Сары есть маленький “Ремингтон”», хотя вчера говорила мне, что совершенно не разбирается в пишущих машинках. Как правило, женщины никогда не говорят так, они говорят просто: «Я одолжила пишущую машинку»...

4. Стакан. Только убийца мог оставить этот стакан. Никто из тех, кто сошел вниз позже: Филипп, Спарроу, Гастингс, Сара, снова Филипп и я, не были в том психологическом состоянии, чтобы спуститься вниз за соком. То есть, это было бы возможно, если бы мы застали Драммонда живым. Но каждый из нас, сходя вниз, имел к Иэну какое-то дело, и когда каждый из нас убеждался, что он убит, — тут уж не до сока было. И лишь один

убийца мог спуститься за соком, оставить его на каминной полке, войти в кабинет, убить Иэна и быстро вернуться, забыв о соке. Сара не нуждалась бы в таком оправдании, чтобы спуститься вниз. Она тут хозяйка и могла пойти за чем угодно. Никто бы этим даже не поинтересовался. Взять сок после 10.30 могла только Люси, больная Люси Спарроу, муж которой сейчас был занят разговором, а она не хотела отрывать его от гостя. И притом лишь одна Люси Спарроу заявила, что она вообще не спускалась вниз. А зачем ей надо было ставить этот стакан на камин? Только затем, чтобы в темноте открыть рукой в перчатке дверь кабинета Иэна. Если бы она держала в одной руке стакан, ей пришлось бы открывать дверь другой, а тогда куда девать скальпель? В ту минуту этот стакан очень мешал ей. А потом она о нем забыла. Но мне недоставало еще одной детали, и я пошел в ее комнату, когда вы были внизу и ты потом спросил меня, где я был. Я пошел за сожженным бумажным листом.

— За чем? — спросил Паркер, отирая со лба пот. — За чем?

— За листом бумаги, в который Люси завернула окровавленную перчатку! Ей же надо было во что-то ее завернуть, чтобы не испачкать кровью халат. А потом она должна была его немедленно сжечь, потому что Филипп с минуты на минуту мог обнаружить убийство, и тогда было бы поздно. И я нашел этот лист, полностью сожженный — в камине, конечно.

Паркер встал.

— М-да, — сказал он тихо. — Я думал обо всем этом... Обо всех этих фрагментах... Порой я был в этом убежден так же, как и ты... Но мне не хватало мотива. А ты его нашел. Но как... как мы докажем ей это? Да — это улики... Ты знаешь и я знаю, что все было именно так. Иэн тоже знал в последнюю минуту своей жизни. Но суд? Какой суд в мире приговорит ее на основе твоей гипотезы и даже эффектных, как скажет ее адвокат, выводов из этой гипотезы? — Он подошел к Алексу. — Джо, это страшно!

Алекс встал, подошел к двери и выглянул.

— Могу ли я задать один вопрос мистеру Джонсу?

— Ну разумеется! Джонс!

— Да, шеф? — Джонс появился так мгновенно, будто вырос из-под земли.

— Спускалась ли миссис Спарроу вниз, пока мы тут беседовали в кабинете? — спросил Алекс.

— Да. Она звонила в Лондон, сказала, что не приедет на операцию и чтобы ее заменил какой-то другой хирург...

— Пошли, — сказал Алекс и первым зашагал вверх по лестнице. Перед дверью комнаты Люси Спарроу он остановился и без стука осторожно нажал на ручку двери.

Паркер вошел следом и застыл на пороге.

Люси Спарроу лежала на кровати одетая. Казалось, она спит. И лишь когда Алекс подошел к ней и прикоснулся к ее руке, инспектор шагнул в комнату. Рука женщины бессильно опустилась, свисая к полу. Алекс склонился над ней.

— Цианистый калий, — сказал он тихо и указал на дверь, ведущую в комнату Спарроу.

Паркер повернулся к камину. На углях лежал лист бумаги, но не сожженный, а совсем целый, даже не помятый.

— «Я хочу спасти тебя от суда, унижений и презрения людей, — прочел инспектор. — Доказательств достаточно, и тебя отправят туда, куда ты отправила Иэна. Если ты могла быть столь жестокой, Люси, будь же теперь мужественной. Через несколько минут сюда явится полиция и на тебя надедут наручники. Избавь от этого меня, кого ты любила, не позволь мне увидеть тебя на скамье подсудимых, не допусти до того, чтобы тебе пришлось

публично рассказывать о нас, обо мне, о ней, о себе...» Гарольд Спарроу? А если не он, то кто-то другой, кто написал это от его имени. Это... это ты написал? — спросил он шепотом.

Ни слова не говоря, Алекс взял его за руку и вывел из комнаты.

— Это письмо тоже написано на машинке Сары Драммонд, — сказал Джо, — и я сомневаюсь, что ты когда-либо найдешь его автора. Я знаю только, что его, вероятно, написал тот, кто хорошо знал, каким гордым человеком была Люси Спарроу и как она любила своего мужа. Поставленная лицом к лицу с жестокой правдой, с тем, что ее преступление раскрыто, она даже не думала о том, как она будет защищаться и удастся ли ей это. Игра была проиграна. И она ушла.

— Должно быть, это написал кто-то, кто очень дорожил памятью об Изне и не хотел, чтобы его личная жизнь стала темой для сотен пронырливых судебных репортеров... — сказал Паркер.

Они спустились вниз и остановились в холле.

— Вас к телефону, сэр, — сказала Кейт Сандерс, появляясь из темного коридора.

— Меня? — Алекс встряхнулся и подошел к телефону. — Алло?

— Это я, — сказал знакомый голос. — Как ты там?

— Каролина?

— Да.

— Как ты нашла меня здесь?

— Позвонила твоему издателю. Я сижу тут одна у моря, и как-то мне грустно стало. Я подумала и позвонила тебе.

— Завтра же выезжаю в Торки!¹ — сказал Алекс. — Буду в полдень у отеля «Эксельсиор».

— Ах, мой милый! — сказала Каролина и повесила трубку.

Алекс вернулся в холл. Сквозь окна виднелся парк в солнечных лучах. Каролина. Добрая, спокойная, милая Каролина. Сейчас она нужна была ему как никогда раньше. Каролина — это гармония, покой, тишина, жизнь без крови и преступлений. Любимая, славная Каролина...

Он взглянул на парадный подъезд. Черный «ягуар» привез его вчера в этот дом. Из «ягуара» выскочила стройная девушка и бросилась на шею Изну Драммонду... «Все благовония Аравии...»

— Я устал, — сказал он Паркеру. — Ты отвезешь меня в Лондон в своем автомобиле?

— Конечно, — сказал инспектор и обнял Алекса за плечи.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ.*

¹Торки — самый большой из трех юго-западных курортов Англии. (Примечание переводчика.)